Фрэнк Мотт Харрисон

Джон Баньян

Лудильщик, проповедник и автор книги «Путешествие пилигрима»

Фрэнк Мотт Харрисон

Джон Баньян

Лудильщик, проповедник и автор книги
«Путешествие пилигрима»

clv

Christliche
Literatur-Verbreitung e.V.
Postfach 11 01 35 * 33661 Bielefeld

1 издание 2009

название оригинала: John Bunyan – A story of his life

название немецкого издания:
John Bunyan – Kesselflicker, Prediger und Autor der Pilgerreise

Postfach 110135 * 33661 Bielefeld
интернет: www.clv.de
перевод с немецкого: Маргарита Эпп
корректоры: Елена Петерс, Инна Никель
обложка: Samenkorn e.V.
верстка: Samenkorn e.V.
печать и переплет: GGP Media GmbH, Pößneck

ISBN: 978-3-89397-693-5

Содержание

Предисловие к юбилейному изданию 1928 года

Биография Джона Баньяна[1], написанная доктором Джоном Брауном из Бедфорда после кропотливого и терпеливого изучения на протяжении почти всей его жизни, навсегда останется образцом во всех вопросах, касающихся истории жизни Джона Баньяна. Она сообщает нам о человеке, книги которого имеют больше переводов, чем все остальные, кроме Библии. С радостью принято и повторное юбилейное издание этой книги с замечаниями и корректурой мистера Мотта Харрисона.

По всей вероятности, Фрэнк Мотт Харрисон — самый большой авторитет в этой области. Полностью согласный с убеждениями Баньяна, разделяя его любовь к свободе, он несколько лет с чрезвычайным старанием исследовал все биографические детали, затратив много времени и средств для достижения своей цели. Чтобы полнее представить себе жизнь своего героя он какое-то время жил в Эльстоу. Фрэнк Мотт Харрисон многие месяцы провел в Британском музее, чтобы по крупицам собрать хотя бы что-нибудь из литературы того времени. Он посещал также библиотеки, надеясь найти в них какие-нибудь сообщения о Баньяне, расспрашивал экспертов Баньяна по всему миру и составил самую обширную его биографию. Он собирал воспоминания, связанные с Джоном Баньяном везде, где только мог, и непрестанно изучал разные аспекты его жизни, получая при этом все более ясную картину жизни того, о ком он хотел рассказать другим.

Было бы странно, если бы при всеобщем интересе, вызванном празднованием трехсотлетия со дня рождения Джона Баньяна в 1927 году, столь подготовленный человек, как Фрэнк Мотт Харрисон воздержался бы написать о нем. Его работа состоит не только из чистого изложения исторических событий. Он внес жизнь в

[1] Баньян – также известен как Буньян, Беньян или Бэньян

найденные им короткие сведения и взял на себя право заполнить своими представлениями имеющиеся пробелы, что в данном случае вполне законно. Отдельные факты он собрал в единственно возможное целое, интерпретируя опыт своего героя из своего собственного опыта. Это случай откровенного почитания героя, таким его и следует воспринимать.

Образ Баньяна оживает пред нами в этой книге. Нам предлагается не макет, не мумия, а живой человек, долго страдавший от противоречивых чувств и надежд, который в итоге встает перед нами как непреклонный и бесстрашный рыцарь в полном вооружении.

В. Ф. Фаллертон (1928)

К читателю

Когда сэр Питер Лели рисовал портрет Оливера Кромвеля, он хотел упустить бородавку, которая безобразила лицо лорда. Испытанный в боях старый пуританин приказал художнику: «Рисуй меня таким, каков я есть!»

Точно так же сказал бы и Джон Баньян.

Чтобы сделать его портрет как можно достоверней, я много писал в его родном селе, под тем же небом, среди сохранившихся отпечатков тех дней, когда герой из Эльстоу ходил там «по пути, которым простые люди идут в небо».

При чтении описания жизни Баньяна остается много места для нашего воображения, которое я тоже употребил в этом коротком повествовании, чтобы сделать его более живым.

По-моему, биографы до сих пор уделяли мало внимания Джону Гиффорду, который оказал большое влияние на Баньяна. Также было очень мало написано о первой жене «сновидца». Я попытался устранить этот недостаток.

Содержание этой книги наполнено по возможности самыми новейшими исследованиями. Таким я хочу передать этот труд внимательному читателю. Да поможет история жизни Джона Баньяна всем тем, кто находится со мной в путешествии пилигрима.

Читателям, желающим еще больше знать об этом человеке, я советую прочитать книгу Джона Брауна «Джон Баньян». Я недавно подготовил к печати новое издание этой книги.

Фрэнк Мотт Харрисон (1928)

Глава 1

Эльстоу: рождение

Здесь бессмертный Баньян сделал первый вдох.
С.Е.Х.

Село Эльстоу не притягивает к себе природной красотой: этой красоты недостает не только в нем самом, но и в его окрестностях.

Что нас там привлекает, — так это некоторые сохранившиеся следы прошлого: сельская площадь с остатком старого креста, красивая, почти полностью обновленная церковь со стоящей в стороне колокольней и руины Бенедиктинского монастыря. Все это интересует исследователей старины.

Любителю старинных построек также понравится прямоугольное двухэтажное здание дома для собраний с обветренной кирпичной кладкой и грубой, своеобразной резьбой на балках. На нижнем этаже временами располагались некоторые магазины. Для этой цели пришлось дополнительно прорубить двери и окна.

На западной стороне извилистой деревенской улицы находится гостиница «Лебедь». Совсем недавно на фасаде убрали штукатурку, и под ней обнаружились красные кирпичи и балки.

Во времена Джона Баньяна было гораздо больше мелких ремесленников, чем сейчас. И, естественно, сто лет назад сапожник продолжал дело своих предков, если писал над своей дверью большими буквами:

Здесь живет человек, всегда довольный всем,
Он шьет сапоги и ремонтирует туфли.
Его кожа хороша и работа прекрасна,
Его заработок мал, и он ничего не может делать в долг.

В Эльстоу с незапамятных времен изготовляли плетеные шнурки для ботинок, но теперь это искусство почти забыто. На южном конце восточной стороны улицы с прошлых времен осталась кузница. Здесь должно быть, Баньян часто стоял, наблюдая и думая о том, что «человек рождается на страдание, как искры, устремляющиеся вверх».

В середине села находится трактир, который люди называют «Джетти». Он стоит еще с дореформаторских времен. Сейчас здание разделено на сдаваемые в аренду квартиры; но лестничная клетка и помещения обшиты досками и имеют лепку, которая свидетельствует о лучших днях.

Выступающие верхние этажи, стрельчатые слуховые окна и соломенные крыши (которых, к сожалению, почти не осталось) старых домов придают деревне определенное очарование и дают некоторое представление, какое впечатление деревня Эльстоу производила в семнадцатом столетии. Благодаря стараниям многих поколений земледельцев Уитбредов картина местности более или менее сохранилась.

Недалеко от вышеупомянутого трактира находится другой, под названием «Красный лев», который столетиями состязался с соседом из-за посетителей.

В Эльстоу раньше был еще трактир «Колокол». Хотя это не доказано, речь наверняка идет о трактире «Джетти». «Колокол» стоял между домами вдовы Брей и семьи Бентли, из которой была родом мать Джона Баньяна.

23 мая 1627 года пастор церкви Эльстоу зафиксировал брак Томаса Баньяна и Маргариты Бентли.

Маргарита Бентли с радостным сердцем оставила родительский дом, став второй женой Томаса, чтобы вместе с ним разделять радости и горе в маленьком домике кузнеца, расположенного за полями деревни.

Дом кузнеца Томаса Баньяна стоял у подножия небольшого холма между двумя речками, одна из которых носит название Песелинтон Ферлонг. С вершины холма можно было видеть красивую башню церкви Св. Павла в Бедфорде. Неподалеку от дома Баньяна проходила тропинка из Уилстеда через Медбури, которая заканчивалась затененной деревьями дорогой, ведущей из города, в конце которой был госпиталь церкви Св. Иоанна для прокаженных.

Здесь отныне и жила молодая жена Томаса Баньяна, медника и лудильщика Эльстоу. От первой жены у него не было детей; но уже на следующий год Маргарита Баньян родила сына. Ее сердце тревожил вопрос: «Кем будет этот ребенок?» Одно ей было ясно: «Имя ему — Джон».

О Маргарите Баньян мы знаем мало. Из завещания ее матери можно заключить, что ее отец Уильям Бентли жил зажиточно, и недаром сын Маргариты, Джон Баньян, с полным правом говорит, что он родом из почтенной и уважаемой семьи.

На основании завещания вдовы Бентли можно представить себе, каким было домашнее хозяйство видного ремесленника в семнадцатом столетии.

К ценным предметам в их доме относился медный котелок, а также вся разрисованная мебель в доме и кровать на верхнем этаже. Все это она завещала своему сыну Джону. Своей дочери Маргарите (матери Баньяна) она оставила «сделанный столяром стул в зале и свою маленькую шкатулку». Другой дочери, Россе, достались «сделанные столяром формы, сарай для свиней и остатки ткани». Для дочери Елизаветы она предназначила «маленький котелок и самую большую миску, льняное покрывало и льняную наволочку, кровать и сундук из зала вместе со скатертью». Аня должна была получить «мою лучшую шляпу, мои лучшие манжеты, мое лучшее платье, мой лучший подъюбник, утюг из зала, лучшую подушку и лучшее одеяло, сундук у очага, оловянную тарелку, кровать, грубое одеяло и наволочку». «Все остальное» было предназначено для Мэри, которая, очевидно, являлась ее правой рукой и поэтому была ответственной за исполнение завещания. Она также должна была позаботиться о том, чтобы мать была похоронена с почестями, а также обо всем необходимом.

Документ был заверен викарием Джоном Келли и вдовой Маргери Жак. Ранней осенью 1632 года вдова Бентли была избавлена от всех земных забот и похоронена рядом со своими предками.

Все, что мы знаем о рождении Джона Баньяна, — это сухая официальная запись в церковной книге Эльстоу:

Джон, сын Томаса Баньяна младшего, крещен 30 ноября.

Его имя стоит между именами восемнадцати других детей, которые, по всей вероятности, также родились в 1628 году.

Вот так скромно и просто начинается отданная Господу жизнь!

Глава 2

Эльстоу: школа

Никогда я не ходил в школу к Аристотелю и Платону.
Джон Баньян

У нас нет достоверных сведений об образовании Джона Баньяна. Он мало говорит о своих школьных годах, где он их проводил и как долго.

Он был благодарен своим родителям, что «Бог пожелал вложить в их сердце желание послать меня в школу, так что я научился читать и писать». Он также пишет, что ему пришлось учиться «как детям бедных людей», что говорит о довольно низком образовании.

В своей книге «Пробуждение надежды Израиля» Баньян пишет: «Многие люди подобны мальчикам в латинской школе. Они учатся, пока не познают основы грамматики, затем идут домой и все забывают». На основании этого высказывания многие делают вывод, что его образование было не таким уж и плохим. Этому противоречит высказывание Чарльза Деу, гребенщика из Боро, близкого друга Джона Баньяна. В своей рукописи, изданной в 1692 году, он говорит о Баньяне «как о большом безбожном грешнике и необразованном человеке». Это характеристика близкого друга, и ее нельзя оставить без внимания, так как она подтверждает свидетельство Баньяна: «Еще задолго до того, как Господь начал милостивое дело покаяния в моей душе… я полностью забыл то малое, чему научился».

Несомненно, мальчик должен был очень скоро школьную скамью поменять на кузницу своего отца. Ему было суждено стать лудильщиком или медником.

По его собственному свидетельству мы знаем, что жил он не в изобилии. Наоборот, он сообщает смиренно и без обиды: «Я рос в доме моего отца в очень скромных условиях в общении с бедными сельскими жителями». Совершенно ясно, что Баньяну пришлось очень рано зарабатывать свой насущный хлеб.

Когда ему было шестнадцать лет — именно в том возрасте, в котором он особенно нуждался в любви и наставлении своей матери — «Божий перст прервал нить ее земной жизни».

Эта была тяжелая утрата. Но в течение месяца его постиг второй удар. Умерла его сестра Маргарита и была погребена рядом с матерью на кладбище в Эльстоу. Так мальчик лишился доброго влияния, которое они на него оказывали.

Следующий удар постиг его через месяц после смерти сестры, когда отец, Томас Баньян, женился в третий раз.

Неудивительно поэтому, что впечатлительный мальчик вступил на «путь своеволия» и стал «предводителем всех молодых людей», с которыми он общался, во «всевозможных пороках и нечестии».

Но влияние матери не прошло для него бесследно. Хотя сквернословие, обман и богохульство стали его второй натурой, он верил, что Господь разговаривает с ним через «страшные сны и ужасные видения» о его заблудшем состоянии.

Но он знал, как заглушить в себе эти страхи, его развлечения «очень быстро вытеснили воспоминания о них, как будто их совсем не было».

В 1644 году проходил набор рекрутов в армию. В деревнях вокруг Бедфорда также искали сильных молодых людей. И так Джон, сын Томаса Баньяна, оставил родительский дом в Эльстоу, «не считаясь с Богом» и не думая о своем отце, чтобы в качестве солдата принять участие в Английской гражданской войне.

Глава 3

Ньюпорт Пэгнелл: солдатская служба

В те дни мысли о религии были мне крайне неприятны.
Джон Баньян, «Преизобилующая благодать»

Солдатская служба Баньяна долгие годы была предметом горячих споров. Как и о других периодах своей жизни, он здесь дает биографу только крошечные и обрывочные сведения.

Из сохранившихся документов ясно, что солдатская служба его длилась приблизительно три года.

Джон Баньян сообщает нам, что он однажды избежал смерти от пули, так как на его месте оказался другой солдат, а в следующий раз он спасся, упав в морской проток. Где и когда он был вблизи моря, мы не знаем, можно только предположить, что в 1645 году молодого Баньяна командировали в Ирландию.

Во время службы в армии он, видимо, слышал много пуританских проповедей, как в церкви в Ньюпорт Пэгнелл, так и от полевых капелланов. Также, по всей вероятности, он имел экземпляр солдатской карманной Библии, которая была впервые издана в 1643 году. От этого тиража сегодня осталось всего два экземпляра. Она была в обложке из овечьей шкуры, прошита черными нитками и находилась в рюкзаке каждого рекрута.

Карманная Библия была предназначена не только для солдат, но, как написано на ее титульном листе, должна «быть полезной для всех христиан, размышляющих о ней в это бедственное время войны».

Глава 4

Эльстоу: брак

Не хорошо быть человеку одному.
Быт. 2:18

Я как раз занят размышлением о женитьбе.
Джон Баньян, «Преизобилующая благодать»

По окончании службы в армии, Баньян, вероятно, сразу вернулся в родное село и занялся ремеслом лудильщика и медника в одном из домиков Эльстоу.

Этот домик, который много раз перестраивался, стоит еще и теперь. Над его входной дверью написано:

«Джон Баньян родился в этом приходе в 1628 году и жил в этом домике после своей женитьбы, состоявшейся в 1649 году».

Домик Баньяна — по свидетельству пастора Джеймса Копнера, который долгие годы был пастором в Эльстоу, — не его родительский дом. По его словам, тот дом был разрушен в 1836 году.

Джону Баньяну было девятнадцать лет, когда он вернулся из армии и начал искать себе жену. Вскоре он женился на девушке, которая была на год моложе его и, очевидно, не из его местности.

«Так рано жениться было не так уж и глупо, — комментирует Роберт Саути, — не только потому, что Баньян уже занимался ремеслом, но «так как девушка была хорошо воспитана» (прочти Прит. 22:6).

В его любимой девушке было что-то особенное, что привлекло тогда еще не возрожденного солдата. Позднее он сказал: «Мне была дана благодать любить женщину, отец которой принадлежал к благочестивым».

Действительно, она была очень смелой, если вышла замуж за молодого человека, который в то время был таким негодным, каким он сам себя описывает. Но любовь всегда слепа к недостаткам другого! И к тому же «в нем было нечто достойное любви», как замечает один из его биографов.

От его современников нам остались некоторые описания его внешности.

Это был высокий, светловолосый или рыжеватый, краснощекий, голубоглазый, умный молодой человек, обладающий чувством юмора.

В то время борьба за существование была очень тяжелой, да и жена не принесла с собой в дом никакого приданного, кроме доброй совести. «Мы, — говорит Баньян, — были так бедны, как только могут быть бедные. Мы едва имели на двоих одну ложку и одну тарелку».

Впоследствии, находясь в заключении в Бедфордской тюрьме и не зная, чем заполнить свободное время, он писал свои воспоминания. Оглядываясь на время, когда он привел свою жену в домик в Эльстоу, он по-настоящему радовался, восклицая: «Это было ее богатством: книги ‹Путь человека в Царство Небесное› и ‹Практическое благочестие›, которые оставил ей, умирая, отец».

Есть основания предполагать, что его первую жену звали Мэри, так как их первый ребенок — слепая девочка, которую Баньян особенно любил, носила то же имя, а первого сына звали, как и отца — Джон. Как бы то ни было, его жена была мудрой и знала, как обходиться со своим мужем, этим молодым человеком с его «буйным и своенравным характером». Замечания озлобили бы его еще больше. Беспечность соблазнила бы его на еще худшие поступки. Упреки ожесточили бы его. Она же рассказывала ему о своем отце, способности которого она высоко ценила. Жизнь своего отца она ставила перед мужем как зеркало, и через это, а также благодаря ее собственной кроткой благовоспитанности, Баньян, наконец, увидел сам себя.

Книги тоже были хорошим орудием в руках Мэри Баньян. Она пересказывала ему прекрасные истины из «Путеводителя» Артура Дента и длинных бесед епископа Бейли о «Святой жизни», чтобы сделать из неотесанного парня человека, который был бы достоин быть ее мужем.

«Эти книги, — говорит Баньян, — вместе с этим родством (он имел в виду своего тестя, благочестивого человека с его чистой, святой жизнью) постепенно пробудили во мне желание верить».

Упрямый супруг стал регулярно ходить в церковь, «смело петь вместе с другими и делать все, что и другие. И все же, — добавлял он честно, — я крепко держался своей порочной жизни».

Все, что было связано с церковным богослужением, стало для него предметом поклонения. Он «полностью был наполнен духом суеверия», так как многое в церкви Эльстоу возбуждало безудержную фантазию будущего «сновидца». Консоли, поддерживающие потолочные балки на западной стороне, изображали ужасные фигуры. К восточной стороне они становились все приветливее. Причудливые рожицы на цоколе бассейна для крещения представляли злых духов. Считалось, что при крещении их изгоняют из младенца. Все эти пережитки из темных времен привлекали взор Баньяна и занимали его мышление.

Может быть, и он делал так, как многие люди в дни правления Карла I: «В церкви говорили и пели многое; но когда выходили на улицу, то делали все, что хотели».

Глава 5

Видение на деревенской площади

Внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос.
Деян. Ап. 9:3-4

Когда я пишу эти строки, мои глаза скользят по чудному местечку, где происходили, вероятно, самые важные эпизоды из жизни Баньяна: это деревенская площадь Эльстоу.

Чуткая совесть Баньяна, которая в детстве так легко приводила его в уныние, в такой мере потеряла свою чувствительность, что потребовалось много любви и нежности его верной жены, чтобы вновь разбудить ее. Все ее усилия и недвусмысленные речи пастора навели Баньяна на размышления: «Эта проповедь была сказана, чтобы показать мне мои преступления».

Громогласная проповедь со старой кафедры не прошла бесследно для души сидящего в церковной нише Баньяна. Он сам говорит: «После богослужения я шел домой, обремененный тяжелой ношей».

Не ведая об этом, его добрая жена — несмотря на свои молитвы — рассеяла вызванное пастором доброе влияние; «так как, — писал Баньян, — во время вкусного обеда мое беспокойство исчезло, и мое сердце снова оказалось на прежней дороге».

Поэтому неудивительно, что позднее он часто размышлял об Исаве, который со слезами искал сокрушения, но не находил его. Джон Баньян, как и Исав, пожертвовал свою совесть на алтарь пищи; так как «когда я успокоил свои естественные желания пищей, я вытряхивал проповедь из памяти и с большим удовольствием обращался к спорту и играм».

Сколько горьких слез пролила бедная Мэри Баньян, когда ей стало ясно, что она невольно стала причиной повторного падения своего мужа, из любви подав ему такой вкусный обед.

Но ее молитвы не остались напрасными. Ее молодой супруг был в Божьей руке. Баньян и сам сознавал это, когда после обеда уходил из дому, чтобы побыть со своими товарищами, которые собирались на деревенской площади. Некоторые обрывки из

проповеди Христофера Холла еще кружились в его голове. Чтобы заставить их замолчать, он взял биту, которую употребляли для игры в крикет, «но вдруг, — рассказывает он, — когда после первого удара я снова размахнулся для второго, меня достиг голос с неба, говорящий: ‹Хочешь ли ты оставить твои грехи и попасть на небо, или ты хочешь со всеми твоими грехами попасть в ад?› Я ужасно испугался!»

Баньян оставил игру и сделал то, что считал правильным: «Я посмотрел на небо, и мне показалось, как будто глаза моего сердца видят Иисуса Христа, как Он смотрит на меня».

Молитвы Мэри Баньян были услышаны. Печаль охватила ее мужа: «Мой дух был полностью убежден, что я большой и ужасный грешник…» Он «начал размышлять об этом».

На него нахлынули волны всевозможных чувств, и его сердце начало «тонуть в отчаянии».

«Плохо, если грешишь, но также плохо, если не грешишь», — размышлял Баньян. «Не лучше ли много грешить, чем мало грешить, если все равно погибнешь в аду», — говорил ему лукавый.

«Посреди игры я, не говоря ни слова, на глазах у всех встал и ушел».

Но для Мэри перемена в нем не осталась незамеченой.

Глава 6

В городе Приличия

Ты говоришь теперь о реформации в «Человеческой Душе» и что ты сам, если это понравится Мне, сядешь во главе этого движения. Ты слишком хорошо знаешь, что человек может быть очень способным в исполнении закона и его праведности, но это не поможет ему в освобождении «Человеческой Души» от проклятия.
Дж. Баньян, «Духовная война» (из речи Эммануила к Дьяволосу)

Баньян вступил в долину Смирения, где он был искушаем дьяволом, но забыл перед этим зайти в оружейную палату.

Здесь он встретил Аполлиона.

«Я нашел в себе, — пишет Баньян, — большое желание полной мерой пить из чаши грехов и испить всю ее сладость».

Только тот, кто позднее называл себя первым грешником, может с такой бескомпромиссной честностью сообщать, что он попробовал «деликатесы» греха. Но так было с ним.

В противоположность другим, которые не всегда придерживаются правды, Баньян признавал, «что во всем, что касается греха, его сердце было ненасытно». Целый месяц «он играл роль умалишенного», так что его молодая жена занималась домашней работой с мокрым от слез лицом и при этом непрестанно молилась, надеясь на улучшение.

«В то время, — объяснял он позже, — я не знал Иисуса Христа и не оставлял свои развлечения».

Вскоре после этого Баньян познакомился «с одним бедным человеком, который мог интересно говорить о Библии и религиозных вопросах, и я охотно слушал его. Затем я достал свою Библию и начал с большой радостью читать ее». Он читал исторические книги. Послания Павла и других апостолов ему не нравились, так как он еще не понимал, насколько испорчена его природа, и как он нуждается в Спасителе.

Внешнее изменение и знакомство с заповедями успокоили его. Он сам говорил, что «у него иногда очень хорошо получалось соблюдать их», и если он по ошибке преступал заповедь, он сокрушался об этом и обещал Богу «в следующий раз сделать

лучше». И добавлял: «Я думал, что нравлюсь Богу так, как никто другой во всей Англии!»

Но Мэри Баньян видела все это и очень переживала, хотя и радовалась улучшению поведения своего мужа. Она хорошо понимала, что он всего лишь посетил господина Законность в городе Приличия.

Дадим свободный ход силе воображения, и мы увидим этого человека вместе с его женой. Влажные глаза женщины встречаются с вопросительным взглядом ее мужа, когда он обнимает ее, уходя на работу. Не дрожат ли его губы, и не бьется ли учащенно его сердце, когда он начинает понимать ее мысли о нем?

Мэри в мыслях сравнивает своего отца со своим мужем и думает: «Джон, ты еще не таков, каким был он».

Но молодой человек быстро успокаивается и шагая по дороге, довольно улыбается про себя. Он считает себя вполне порядочным человеком.

А Мэри? «Она не может иначе, она плачет, иначе она умрет».

«В таком состоянии я находился приблизительно год; наши соседи считали меня благочестивым и религиозным человеком. И на самом деле, я был таким, хотя не знал ни Христа, ни Его благодати, ни веры, ни надежды».

«Быть недовольным собой — это мучение; быть довольным собой — это катастрофа», — сказал один биограф. И все же, кто сомневается в том, что сам Бог вел будущего «сновидца»?

Радостное звучание церковных колоколов Эльстоу радовало сердце Баньяна, и радость эта возрастала, когда он сам тянул веревку четвертого колокола. Написано:

Если бить в колокол умело и прилично,
Радуются слушатели вокруг, вблизи и вдали.
Своими сильными ударами, бим-бом, бим-бом,
И своим полным звучанием они превосходят все.

Но его посещения колокольни прекратились. «Я получал большое удовольствие от этого занятия, но когда моя совесть стала более чуткой, я посчитал такие упражнения бесполезными… но, — вздыхает он, — часто тосковал по ним».

Поэтому он часто, прислонившись к двери башни, наблюдал, как другие тянули веревки колоколов. Но однажды его ужаснуло суеверное предчувствие, что вдруг колокол может

упасть ему на голову, и после этого он старался держаться подальше от них.

Он все еще развлекался с деревенской молодежью, когда она собиралась для танцев в доме на деревенской площади. Старые доски нередко скрипели под его ногами, когда он кружил свою напарницу, и часто ему приходилось нагибаться, чтобы не задеть осевшую потолочную балку.

Но и танцы ему пришлось оставить.

«Мне нужен был целый год, чтобы избавиться от них», — признавался он. Но и это стало для него возможным только тогда, когда он стал утешать свое бедное заблудшее сердце мыслью: «Теперь уж Богу больше ничего не остается, как быть довольным мной».

Дом для собраний с ветхими балками, узкими окнами, неровным полом и пораженными древоточцем скамейками, расположенными вдоль стен, и теперь стоит на деревенской площади, как свидетель тех дней, когда невозрожденная молодежь полной грудью вдыхала радости этого мира. Времена сохранили этот подлинный памятник молодости Джона Баньяна.

Глава 7

«Если кто не родится свыше»

Вначале они усилили свои вооруженные силы против ворот Слуха; так как знали, что для города они не принесут ничего доброго, пока они не разрушат эти ворота. Когда наконец это случилось, они дали новый пароль: Вы должны родиться свыше!

Джон Баньян, «Духовная война»

Люди часто оправдывают свой медленный духовный рост своей занятостью и работой. Иногда они бывают правы. Но Бог может использовать любые жизненные обстоятельства, чтобы спасти погибшую душу. Так было и с Джоном Баньяном.

Все его самостоятельные попытки спасти свою душу имели только один результат — они безнадежно проваливались. Конечно, он получил некоторые познания и мог рассуждать на религиозные темы; но он еще не смирился и не стал дитем Божьим, он также не знал, что только «таковые наследуют Царство Божие».

В Эльстоу для него не было столько работы, чтобы прокормить жену и ребенка, к тому же малышка была слепой. Поэтому ему приходилось искать работу в двух милях от своей деревни, в городе Бедфорде. Возможно, он шел по улице и напевал:

Есть ли работа для лудильщика?
Нужно ли что-то залатать?

Чтобы в мыслях следовать за лудильщиком при его ежедневном обходе города, нужно забыть Бедфорд двадцатого столетия и попытаться представить его таким, каким он был триста лет назад. Это требует знания и фантазии. Современный Бедфорд, например, распростерся почти до деревни Эльстоу. Широкая асфальтированная дорога с ее удобными пешеходными дорожками заканчивается на границе деревни.

В то далекое время при входе в старый город стоял лепрозорий Св. Леонарда, а неподалеку от него, на правой стороне, находилась церковь Иоанна Крестителя и принадлежащий ей госпиталь.

Улица с крытыми соломой или кровельной дранкой домиками и церковью Св. Марии вела к большому мосту с башнями и

городской тюрьмой, под которым и сегодня медленно течет не тронутая приливами и отливами река Уз.

Этот мост уже с 1224 года служил Бедфорду; но очень сильное наводнение 1671 года привело к разрушению этого, кажущегося таким крепким, сооружения. Мост и частично тюрьму пришлось построить снова, возможно для того, чтобы принять в ее застенки знаменитого заключенного – Джона Баньяна.

Гостиница «Лебедь» занимала северную сторону моста, и ее цветочные клумбы тянулись вдоль реки до плакучих ив, которые затеняли берег.

Вдоль главной улицы, сразу за церковью Св. Павла с кладбищем, находился рынок и дом для собраний с магазинами на первом этаже. Позади находилась школа, за которой стояла вилла настоятеля Джона Бурна, окружная тюрьма и базары местных торговцев. По обе стороны узкой улицы ответвлялись еще более узкие улочки. Заканчивался город величавой церковью Св. Петра. Так выглядел город, в котором Джон Баньян занимался своим ремеслом.

«Однажды, — говорит Баньян, — доброе провидение Божье послало меня работать в Бедфорд. На одной из улиц, по которой я шел, на солнышке перед домом сидели три или четыре бедно одетые женщины и рассуждали о делах Божьих».

«Я подошел, чтобы послушать их». Это он сделал не только из любопытства, но и потому, что в то время думал, что хорошо разбирается в религиозных вопросах.

Но, когда он послушал их, то оробел. «Я слушал, но ничего не понимал, — признался он с необычным для него до того дня смирением, — так как они знали намного больше, чем я, и были недосягаемы для меня».

До тех пор Баньян мерил себя собственной меркой, не принимая во внимание даже своего тестя, о котором так часто рассказывала ему жена. Теперь же он понял ничтожность своей личной религиозной жизни.

Женщины разговаривали о рождении свыше как о «деле Божьем в их сердце», и что «они убеждены в своей природной испорченности». Они также говорили, что «Бог посетил их души любовью Господа Иисуса Христа»; они говорили о словах и обетованиях, которые подкрепляют, утешают и защищают их «против искушений дьявола».

Как, наверное, горело сердце Джона Баньяна, когда он услышал, что эти женщины видели собственную праведность «как нечто грязное, не дающее им ничего хорошего, и поэтому они считали ее достойной презрения, ничтожной и отвратительной».

«Мое сердце дрогнуло, — признался он, — когда я узнал, как глупа была моя самонадеянность». Никогда раньше он не слышал о том, что он должен родиться свыше — родиться от Бога.

И вот этот самонадеянный, религиозный молодой человек печально пошел дальше — печальный не из-за большого богатства, – богатства у него не было – но из-за того, что прозрение сердца давило его. Он как будто стоял перед зеркалом и на весах правды ощущал себя очень легким. Джон Баньян увидел, что он со всем своим показным благочестием является всего лишь раскрашенным лицемером!

В Библии не сказано, вернулся ли богатый юноша, чтобы взять свой крест на себя и последовать за Учителем. У Баньяна же появилась потребность «снова и снова искать общения с этими бедными людьми; так как я просто не мог отстать от них». С каждым посещением он подходил на шаг ближе к еще лежащей в темноте истине.

«Мое сердце объяли большая нежность и чувствительность, которые содействовали тому, что я не мог противиться силе слова, которое они объясняли мне из Библии. Я чувствовал побуждение размышлять обо всем услышанном и обо всем добром, что я некогда слышал или читал».

«Мой дух так сильно устремился к вечности, что ни радости, ни успехи, ни искушения, ни трудности не могли заставить меня остановиться, или хоть чуть-чуть отойти в сторону».

«Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся», — убеждает нас Евангелие. Но какая радость царила в домике в Эльстоу, когда жена Баньяна со слепым ребенком на руках шла навстречу улыбающемуся мужу, вернувшемуся из Бедфорда.

* * *

Но Дьяволос не сдается так легко: «Человеческая Душа моя!»

Глава 8

Искушение

Дьяволос сказал князю Эммануилу: Для чего ты пришел,… чтобы изгнать меня из моего владения? Этот город Человеческая Душа мой.
Джон Баньян, «Духовная война»

Аполлион говорит Христианину: Нередко бывает так, что те, которые выдают себя за слуг Царя, через некоторое время перестают Ему служить и возвращаются ко мне.
И ты поступи так же, и все еще образуется.
Джон Баньян, «Путешествие пилигрима»

Изменение жизни Баньяна привлекло всеобщее внимание. Многие, знавшие его, спрашивали себя, как долго это продлится. Одни старались разубедить его, другие, особенно приверженцы антиномизма, хотели привлечь его к себе. Один из них (названный в книге Баньяна «господин Злой дух») оказался настоящим волком в овечьей шкуре. Баньян, поняв это, прекратил общение с ним. Другие давали ему в руки книги, содержащие лжеучения. Но он говорил, что «не в состоянии сделать соответствующий вывод» и поэтому благоразумно ограничился «постоянной молитвой: Господи, я ничего не знаю, и не могу отличить истину от заблуждения. Господи, не оставляй меня в моей слепоте и помоги взвешивать все «за» или «против» этого учения. Если оно от Тебя, не дай мне уклониться от него, если же оно исходит от дьявола, то дай мне не принимать его. Господи, в этих вопросах я полагаю мою душу к Твоим ногам, не дай обмануть меня, я в смирении прошу Тебя об этом».

В поисках работы Баньян приходил не только в Бедфорд, но и в окрестные селения. В своих путешествиях он встречал людей, которые «попали в сети лжеучения». Поэтому он радостно восклицает: «Слава Господу, Который вложил мне в сердце взывать о Его охране и водительстве».

Он понял, что молитва сохранила его от многих лжеучений, которые «только позднее открылись таковыми». «Библия в то время для меня стала драгоценной», — добавляет он с внутренним жаром.

Он читал ее теперь новыми глазами. Даже послания апостола Павла были для него «сладки и приятны». Он говорил: «Я никогда не был вне Библии, читал ли я ее или размышлял о ней». Он постоянно взывал к Богу, чтобы познать истину и «путь в небо».

Но недолго он наслаждался этим счастьем, которое считал крепким и твердым.

Искуситель, который всегда находит место для атаки в сердце своей жертвы, подошел к нему «с заблуждением, что он только тогда узнает, есть ли у него вера, если попытается сделать чудо. Чтобы увеличить это искушение, он даже привел места из Библии, которые как будто бы требовали этого».

Если сегодня пройти по Теер-стрит, то с трудом можно представить себе трудности дороги, по которой молодой лудильщик шел из Эльстоу в Бедфорд.

Темное облачное небо после сильных дождей, возможно, усугубляло его печальное настроение, когда он, опустив глаза вниз, шел из города домой. И вдруг его объяло «неистовое искушение — сделать чудо, чтобы испытать, есть ли у него вера».

И в чем же должно было выразиться это чудо?

«Я должен сказать лужам: осушитесь! А сухим местам: станьте лужами!»

Но все же, когда он снова поднял свои глаза к небу, ему в голову пришла мысль: «Стань под те кусты и помолись прежде, чтобы Бог сделал тебя способным».

Его молитва была услышана, и он был избавлен от искушения.

Затем он увидел серебряную полоску на темных тучах, и это снова наполнило его сердце радостью, как тех бедняков в Бедфорде, беседу которых он слышал, — это было как во сне или в видении.

«Я видел, — говорит Баньян, — как будто они сидели на солнечной стороне какой-то высокой горы и наслаждались теплыми лучами солнца, когда я, дрожа от холода, страдал от мороза, снега и темноты. К тому же между ними и мной была высокая стена, и моя душа стремилась ее преодолеть, так как я думал, что если мне это удастся, я буду с ними радоваться теплу солнца».

Дальше он сообщает, как «искал различные пути или какой-либо проход», пока наконец не нашел отверстие, «узкий» путь. Но вначале все его старания войти туда были напрасны. Наконец он «с большим усилием» просунул голову, затем плечи, и под ко-

нец — все тело. «Тогда я обрадовался и сел к ним, наслаждаясь светом и теплом солнца».

Гора была для него «Церковью живого Бога», «солнце» — приветливо сияющее милосердное лицо Божье, «стена» — слово, которое отделяет христиан от мира, «отверстие» — Иисус Христос, Который есть путь к Отцу. Удивительно узкое отверстие, которое можно было преодолеть, только приложив все старание, оставляло место лишь для тела и души, но не для тела, души и грехов.

Баньян чувствовал себя «потерянным и печальным» и имел «неудержимый голод и желание» быть одним из тех, кто «сидел на солнце». Поэтому он молился «дома ли, в дороге ли, или на поле: Господи, взгляни на мое страдание!»

Баньян хорошо знал Библию; но он еще не мог верить, что он — один из избранных Божьих. И втайне он боялся, что день благодати для него уже прошел.

Искуситель, который на время оставил его в покое, возвратился теперь с еще более тонко сплетенной паутиной: «Ты спокойно можешь оставить дальнейшую борьбу и усилия, так как если ты не принадлежишь к избранным, то о твоем спасении не может быть и речи». «На самом деле, — добавляет Баньян, — я не подозревал, что это был сатана, который так нападал на меня», но как Христианин в долине Смертной Тени спрашивал себя, не возникло ли сомнение в его собственном сердце.

«Таким образом, он несколько дней нападал на меня, и я был в большом смятении. Часто я был уже близок к тому, чтобы в отчаянии упасть и больше не встать. Но однажды, когда я был в очень печальном состоянии, меня достигло слово: Постыдился ли кто-нибудь, кто доверился Господу?»

Облегченный и ободренный, он пошел домой, чтобы найти в Библии это выражение, но не нашел его. Он спрашивал то одного, то другого, но напрасно. Безуспешные поиски продолжались целый год. Наконец «я нашел его, когда листал Новый Завет, в Рим. 10:11 ‹Всякий, верующий в Него, не постыдится›». И он принял это слово как утешение, «так как Бог дал его мне».

Вскоре после этого, когда Баньян шел по дороге, дьявол снова приступил к нему с сомнениями: «А если день благодати уже прошел?» Искуситель показал ему «тех добрых людей в Бедфорде» и сказал ему: «Эти уже спасены и больше Бог не хочет никого

спасать в этой местности. Ты пришел слишком поздно!» Можно себе представить, как закричал этот страдалец: «О, если бы я пришел раньше!» Будучи едва в состоянии сделать хотя бы один шаг, он ощутил, как в его испуганное сердце проникли слова: «Убеди придти, … еще есть место…» Эти слова были целительным бальзамом для его души, и он понял, что они не только исходят от Иисуса Христа, но сказаны именно для него.

Поэтому некоторое время он шел утешенный и ободренный, «но я не мог без искушений отправиться домой». Поистине, он стремился к спасению! «Золото! Если бы спасение можно было получить за золото, я бы отдал всё, что смог! Если бы мне принадлежал весь мир, я десять тысяч раз охотно отдал бы его, чтобы моя душа была поистине и на самом деле спасена!» Это был крик его души. Он видел славу тех, которые были спасены, и жаждал радоваться вместе с ними. Молитва его сердца была: «Господи, позови и меня!»

* * *

«Затем пришло слово: Я смою кровь их, которую не смыл еще, и Господь будет обитать на Сионе» (Иоиль 3:21). Баньян продолжал ждать Бога и все больше понимал, что, если он еще не спасен, все же придет время, когда он «поистине будет спасен».

Глава 9

Джон Гиффорд

Ибо беззакония мои превысили голову мою,
как тяжелое бремя отяготели на мне.
Пс. 37:4

Баньян пишет о своих собственных переживаниях, когда рассказывает, как Христиана высказывает свои переживания Духу Мужества и Честному и сравнивает их с переживаниями Боязливого. Плача, она говорит: «У него они явно видны, а я скрываю свои страдания в себе».

Баньян стойко нес свое бремя, и едва ли кто-нибудь, кроме его познавшей горе жены, знал что-то об этой тяжести.

Когда Мэри ласкала свое слепое дитя, ее глаза встречались с задумчивым взглядом ее мужа. Она чувствовала его скорбящее сердце, видя его сидящим над потрепанной Библией, в которой он искал «путь истины и жизни» — такой близкий для него, но кажущийся ему недосягаемым!

«Где-то в это время, — говорит Баньян, — я, позабыв о своей гордости, стал открывать свое истинное состояние перед теми бедными людьми в Бедфорде. Когда они услышали об этом, то рассказали обо мне мистеру Гиффорду». Неустанное самоисследование и самоосуждение втягивали его все дальше в «топь уныния».

Джон Гиффорд мог понять страдания молодого искателя истины, когда тот рассказал ему, что двадцать пять лет прожил во зле. Он «нашел время поговорить со мной, и был хорошего мнения обо мне, хотя, как я думаю, едва ли у него был для этого повод».

Полный раскаяния, осуждающий сам себя лудильщик не имел никакого основания так думать, так как его душепопечитель имел за своими плечами подобную, если не еще более ужасную историю.

Во время гражданской войны Гиффорд служил майором в королевском войске. Как уроженец Кента, он боролся за воссоединение королевских земель.

Во время боев Гиффорд вместе с другими солдатами попал в плен при Мейдстоне, и генерал парламентских войск Ферфакс приговорил его к повешению.

Исполнения приговора он ожидал в городской тюрьме. Но в ночь перед казнью сестра Гиффорда нашла стражу спящей, а товарищей своего брата сильно пьяными и ничего не соображающими. Тогда она незаметно вывела своего брата на свободу.

Три дня он прятался во рву и пил только воду. Тем не менее, он избежал смерти преступника, а позднее и «будущего гнева».

Не вызывает сомнений то, что Гиффорд получил хорошее образование. Поэтому позднее он мог остаться в Бедфорде и работать аптекарем. Это была единственная специальность, которой в то время мог заняться бывший офицер.

Он всегда еще был очень плохим человеком: «Беспечный и расточительный, горький пьяница и азартный игрок, из безбожных уст которого всегда исходили проклятия», — говорит Роберт Саути.

Очевидно, он ненавидел и пуритан, так как часто грозился убить Антони Харрингтона только из-за того, что он был их руководителем в Бедфорде.

Придя в ярость из-за крупного проигрыша в карточной игре, Гиффорд осмелился «возвысить свой голос против Бога и затаить в своем сердце злобу». Когда тьма в его душе достигла апогея, ему в руки попала книга пуританского писателя, Роберта Болтона. Видимо, это был его «последний ученый труд о четырех последних вещах: смерти, суде, аде и небе». (Роберт Болтон, 1572-1631, был доцентом Брейзноузского колледжа в Оксфорде, а позднее, до своей смерти — пастором в Бротоне.)

Когда Гиффорд стал размышлять о жизни, и особенно о своеобразии Болтона и его книги (не говорит ли ученый муж из Брейзноузского колледжа о смерти, суде и аде?), его пульс участился. Слова Болтона попали прямо в сердце распутного человека! Он читал:

«Подумай, человек умирает только один раз, и если мы в данный момент заблуждаемся, мы навеки погибли. Поэтому не забывай свою кончину... Ах, если бы ты, взглянув на свое смертное ложе, познал, что ты подвергнешься ужасным нападкам страшного царя, … с ужасом взирая на прошлые грехи… и на настоящий пороховой сосуд князя бездны. Поэтому тебе сейчас нужно со святой внима-

тельностью, дальновидностью и осмотрительностью обратить на это внимание, чтобы тогда, в тот ужасный час, ты смог спокойно дать отчет. Поэтому не откладывай покаяние до дня твоей смерти и не уклоняйся от наставлений!»

Гиффорд многим умершим закрывал глаза, а кто сделает это ему? И он лихорадочно читал дальше:

«Обдумай, ты скоро должен предстать перед беспристрастным, строгим, последним и высшим трибуналом и уже не сможешь попросить прощения… за каждую мысль твоего сердца, за каждое слово из твоих уст, за каждый взгляд твоих глаз, за каждую секунду твоего времени…»

Достаточно! Гиффорд помнил о том, что он сам едва избежал человеческого суда, и это только из-за вмешательства его любимой сестры! Но все же он читал дальше:

«Поэтому сегодня, пока еще день благодати, дадим отчет, исследуем самих себя, проверим как наше сердце, так и нашу жизнь, наши мысли, наши слова и дела…»

Здесь Гиффорд остановился и стал проверять себя. Не он ли «угрожал и хотел убить последователей Христа» и особенно невинного Антони Харрингтона?

И он следовал дальше за мыслью Болтона:

«Подумай, что ты будешь лишен славной близости Бога и навеки отделен от вечной радости».

Книга упала на стол, а Гиффорд упал на колени. Дрожа от страха, он воскликнул: «Господи, что Ты хочешь, чтобы я сделал?»

* * *

Только он и его Господь знают больше об этом великом деле!

* * *

Когда слезы высохли, Джон Гиффорд снова взял книгу, и лицо его засияло небесным светом! Ему показалось, что буквы в книге стали ярче и больше, и он прочитал:

«Ах, имея в руках такое большое сокровище, через которое ты можешь обрести мудрость, чтобы прийти в небо, приложи все старание к духовному и вечному благополучию твоей души, пока еще есть время».

И он радостно прочитал о небе:

«…место, где вечно обитает Бог со всеми благословенными. Там, в небе, мы будем видеть Его лицом к лицу!»

* * *

Гиффорд поспешил в Бедфорд — к пуританам, которых он до сих пор так яростно преследовал, чтобы сообщить им радостную весть. Но они «боялись его, не веря, что он обратился к Богу».

Но он не отступил от них и постепенно обрел доверие.

Вначале Джон Гиффорд показывался только в частных кругах, позднее же совершал открытое служение. Это было важное служение, и рука Господа была с ним.

Гиффорд и его друзья прилежно исследовали Писание и много молились. Их практика веры и искание истинного водительства привели к созданию евангельской общины в Бедфорде.

В 1650 году Джон Гиффорд и одиннадцать верных братьев собрались вместе. После долгой усиленной молитвы они доверились Богу, а затем выбрали Гиффорда своим пастором. Он принял это служение, «отдал себя Господу и Его народу, чтобы вместе проходить земное поприще и заботиться о них в Господе».

Это и был тот человек, к которому «бедняки из Бедфорда» привели Джона Баньяна.

Глава 10

В церкви Св. Иоанна

…они рассказали мне о мистере Гиффорде, который пригласил меня к себе.
Джон Баньян, «Преизобилующая благодать»

В братской комнате церкви висит доска с именами руководителей и ректоров церкви Св. Иоанна начиная с 1316 года. Связанный с церковью и посвященный Иоанну Крестителю госпиталь был основан несколько десятилетий до этого Робертом де Парисом.

В 1653 году последователем Эндрю Денни стал Теодор Кроули. Очевидно, он присоединился к парламентской партии, так как продолжал служение во время Английской республики. Но позднее его по неизвестной причине отстранили, может быть, из-за того, что граждане Бедфорда находились в то время под влиянием пуритан и парламента.

С тех пор, как Теодор Кроули оставил церковь Св. Иоанна, в списке пропущено семь лет. Это можно объяснить только тем, что в это время так называемые «захватчики» заняли место посвященного духовенства. Городской парламент, распоряжавшийся этим владением, поставил вместо Теодора Кроули Джона Гиффорда.

Совершенно ясно, что «захватчики» сталкивались с трудностями. Уже в 1657 году был издан закон, передающий конфискованные у священников дома во владение их новых жителей.

Внешний вид церкви Св. Иоанна остался почти таким же, как 350 лет назад, когда здесь жил Джон Гиффорд, а дом пастора подвергся многим изменениям. В 1653 году он имел «высокий и внушительный парадный вход», как говорит доктор Джон Браун. «А старая прихожая и столовая с высокими окнами, которые выходили на церковный двор, являются частью бывшего госпиталя».

Те женщины, которых посещал Баньян, принадлежали к маленькой группе христиан, которые вместе с Джоном Гиффордом, их руководителем, собирались в церкви Св. Иоанна.

Они рассказали мистеру Гиффорду о молодом лудильщике из Эльстоу, который так долго мучился сомнениями, и пастор заинтересовался им.

И вот однажды Джон Баньян направился к дому пастора. Пройдя под великолепной старой аркой, он увидел к северу от церкви и госпиталя чудесный сад. Над газоном простирал свои ветви кедр, чуть поодаль бросала тень цветущая шелковица, за которой виднелся пышный каштан и множество других деревьев и кустов. Все это пленило его.

Звук дверного колокольчика, за который он потянул, вернул его к действительности и он пришел в себя, когда большая дубовая дверь открылась, чтобы впустить посетителя в высокий зал. Он смущенно смотрел себе под ноги, так как, несмотря на свой высокий рост, чувствовал себя под высоким потолком совсем маленьким. Его мысли вернулись к жене и дочке и к их собственному маленькому домику.

Стоя с правой стороны двери, он ожидал мистера Гиффорда и нервно теребил в руках свою высокую шляпу. При этом он обнаружил на потолке балки в форме креста. Ничто не ускользнуло от его внимательного взгляда, все вписалось в его память. Даже эти балки были для него больше, чем только балки!

Через решетчатое окно он видел посеревшую от долгих лет церковную башню, и снова его мысли понеслись в Эльстоу, к некогда горячо любимой, колокольной башне.

Он внимательно разглядывал мебель, книги и картины на стене. Его взгляд остановился на портрете благородного господина с седыми усами и такими же коротко остриженными бакенбардами. Шея господина была обрамлена широким жабо, а на голове красовался вышитый клобук. В левой руке он держал суковатую палку, правая покоилась на открытой Библии, лежащей на столике.

Баньян глаз не мог оторвать от портрета, так как изображен был никто иной, как Эндрю Денни! Он вспомнил, как семилетним мальчиком встречался с добрым старым дядей Эндрю (как называли его дети), когда тот приезжал для исполнения своих пасторских обязанностей в Эльстоу.

Улыбка, осветившая лицо Джона Баньяна при воспоминании об этом, тут же исчезла, когда до его сознания дошло, что

Эндрю Денни уже давно похоронен в тени дома, в котором он сейчас находится.

Он так увлекся мыслями о детстве, что вздрогнул от неожиданности при входе человека, к которому он пришел. Это был Джон Гиффорд.

Молодой ремесленник пожал своей мозолистой, но чувствительной рукой протянутую руку. Ответное рукопожатие тут же открыло его сердце и уста. И Джон Гиффорд, бывший советчик при физических недомоганиях, а теперь духовный наставник, внимательно выслушал историю лудильщика.

С того момента эти двое мужчин стали неразлучными друзьями.

* * *

Баньян, все еще неуверенный в своем спасении, часто посещал мистера Гиффорда. Он охотно слушал, когда Гиффорд «разговаривал с другими о Божьих действиях в их душе». И чем больше он слышал, тем дальше он чувствовал себя от той цели, которую сам себе поставил. Ему казалось, что вместо стремления к Богу им движет «глупое тщеславие».

Многие пытались рассеять его сомнения; но ни одно обетование Божье не утешало его. Его сердце казалось совершенно закрытым «для Господа и Его Слова». Но его совесть была настолько чуткой, что он «не решался поднять какую-нибудь иголку или палку» из страха, что это покажется кому-нибудь воровством. Даже слова, которые он произносил, наводили на него страх, что он «их, возможно, неправильно употребил». Ему становилось ясно, что Бог, несмотря на многие его грехи, еще не отверг его, позволяя ему в незнании «продолжать грешить». Также он понял, что «праведности нигде не найти, как только в личности Иисуса Христа». Его мучила и искушала его «унаследованная, внутренняя испорченность», и он боялся, что грехи и пороки будут вырываться из него, как вода из источника.

Пожилые люди, ищущие богатства, «как будто они вечно будут жить на земле», и такие, которые говорили, что они верующие, но впадавшие в полное отчаяние, когда переживали «какой-то ущерб», приводили его в замешательство.

Но в то время, когда подобные проблемы мучили его сердце и разум, Джон Баньян все-таки постиг вечную истину, что только Кровь Христа может снять всю вину греха. Грех был для него та-

ким реальным и страшным, что когда падшее состояние человека угнетало его сердце, он завидовал «животным, птицам и рыбам, которых, — так думал он, — не ожидает гнев Божий».

Глава 11

Номер двадцать шесть

Пока Дьяволос неустанно приготовлял всякие способы для нападения на город Человеческая душа, жители точно также неустанно приготовлялись к обороне.… Но Дьяволос ответил им: «Вы все еще ожидаете и рассчитываете на помощь и спасение? Вы обращаетесь к Эммануилу, но ваше беззаконие так опутало вас, что уста ваши не могут выражать угодных Ему молений. Неужели вы думаете, что добьетесь своего? О нет, обманчивы ваши надежды, и не будут исполнены ваши желания: не только я против вас, но даже сам Эммануил, – ведь Он сам разрешил мне покорить вас. На что вы еще надеетесь и как вы думаете спастись?

Джон Баньян, «Духовная война»

Джон Баньян был принят членом в церковь мистера Гиффорда, и его имя числится в списке членов под номером 26. Теперь он принимал участие в богослужении церкви Св. Иоанна.

Эта церковь имела только один неф шириной в восемь метров, на северной и южной стороне которого было по три окна. Западную сторону украшало одно готическое окно. Помещение хора тоже имело три готических окна и арку с выходом на обе стороны.

Вокруг церкви — на юге и на западе — находилось кладбище, где погребены все те, кто когда-либо служили Богу в этом доме.

Когда Джон Баньян вместе с другими приближался к столу Господню, они принимали знаки ломимого тела Спасителя и Его пролитой крови с той же тарелки, которую использовали уже многие поколения, и из старой чаши с надписью: «Для церкви Иоанна Крестителя в Бедфорде», на крышке которой было выгравировано: «1570 год».

Как напоминали эти сосуды о том времени в Эльстоу, когда он с суеверным страхом «поклонялся всем сердцем всему, что принадлежало церкви»!

Но теперь он нашел нечто лучшее. Не преображался ли он в образ Христа, и не скоро ли настанет день, когда он полностью поймет, что его жизнь сокрыта со Христом в Боге? Его поклонение было теперь в духе и истине.

* * *

В один воскресный день он сидел на церковной скамейке с высокой спинкой. Его мысли все еще упрямо направлялись на его внутреннее «я», в то время когда он с другими верными, принадлежащими к пастве Джона Гиффорда, слушал служителя Божьего, объясняющего им стих из Песни Песней: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!»

Проповедник особенно делал ударение на два слова: «Моя возлюбленная». Их он сделал главным предметом своего изложения и пришел к таким выводам:

1. Церковь, а с ней и каждая спасенная душа, любима Христом, хотя сама она не имеет никакой любви.

2. Христова любовь к ней не имеет ни основания, ни причины.

3. Она любима Христом, в то время как мир ненавидит ее.

4. Она любима Христом и тогда, когда она в искушениях и в одиночестве.

5. Она любима Христом от начала до конца.

Но вначале слова проповедника не принесли Баньяну никакого утешения. Только на четвертом пункте Гиффорд достиг ушей молодого человека и захватил его сердце, так как задел именно то, что так волновало искателя Бога. Вот слова проповедника: «Возможно, спасенная душа, возлюбленная Христом, находится в больших искушениях, и Бог скрывает от нее лицо Свое; все же, несмотря ни на что, думай об этих двух словах: ‹Моя возлюбленная!›»

* * *

Но, увы! Не прошло и месяца, как он снова потерял «живость и приятный вкус» новой жизни. Он видел, что искуситель снова затемнил его путь.

Возбужденный ум Баньяна откликался на каждый импульс. Самый малозначительный подозрительный шорох пугал его, и он думал, что слышит голоса, которые раздаются позади него.

* * *

Наконец «надо мной разразился шторм, который был в двадцать раз ужаснее, чем все, что я до сих пор пережил». И это было как гром среди ясного неба. Искуситель использовал самое хитроумное оружие, чтобы напасть на сердце своей жертвы. В

нем даже возникли сомнения в существовании Бога и Христа и в истинах Библии.

Баньян впал в «топь уныния» и во власть «великана Отчаяние». Он не мог плакать слезами покаяния — и в то же время печалился об ожесточении своего сердца.

Долгие, изнуряющие месяцы сатана господствовал над разумом Баньяна в такой мере, что он просто механически исполнял заповеди Божьи.

Чтение Библии стало для него тягостным, и молиться он почти совсем не мог. «И, — продолжает Баньян, — искуситель работал над тем, чтобы оторвать меня от Бога и смутить».

Дьявол решил возвратить себе человеческую душу.

* * *

Чрезмерно «разбитый, но не погибший», Баньян считал, что он не готов к смерти, но, с другой стороны, думал, что дальнейшая жизнь сделает его еще более непригодным. При этом он стал взывать к Господу, и Он услышал его. «В те дни, когда я так много страдал, ко мне пришло исцеляющее слово: Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина… не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе».

Во время всех этих испытаний его духовная жизнь получала иногда и некоторое подкрепление. Например, когда Баньян с печальным сердцем сидел в доме соседа и жаловался на свои бессвязные мысли о Божьей любви, его внезапно осеняло Слово: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?» Или: «ибо Я живу, и вы будете жить». Утешение от этих обетований было очень кратким, но очень сладким. К сожалению, они очень быстро исчезали из его сознания.

Как-то раз, когда Баньян странствовал по родному краю и думал о своей ничтожности, ему на память пришли слова: «Посредством крови, пролитой со креста, Он принес мир». Он понял значение этих слов и воскликнул: «Это был для меня хороший день!»

В другой раз, когда он сидел у камина с Библией в руках и думал о том, какой же он все-таки негодяй, Господь открыл ему важность следующих слов: «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы име-

ющего державу смерти, то есть диавола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству». Это были слова, из которых он почерпнул утешение, и к тому же «непоколебимую радость и мир».

Как пилигрим Христианин, Баньян поднялся на гору Затруднение, устоял перед диким взглядом львов, слыша их ужасный рев. Наконец он все же попал в комнату, называемую «мир», где он мог радовать свое сердце, глядя на «отрадные горы».

Глава 12

«Он может…»

Когда битва прекратилась, то начальники и старшины города Человеческая Душа подошли вначале без народа приветствовать Царевича и благодарить его за возвращение Его к ним. Он милостиво улыбнулся им, сказав: «Мир вам!»
Джон Баньян, «Духовная война»

Джон Баньян, слушая проповедь мистера Гиффорда, каждый раз извлекал для себя урок. Гиффорд не принадлежал к тем, которые своим нездоровым учением убаюкивали народ в состояние ложной безопасности. Он убеждал их, не просто перенимать мнение других людей, но в серьезной молитве искать света Духа Святого для понимания Его Слова. «Если вы будете делать по-другому, — часто повторял он, — то скоро заметите, что вам не хватает силы, которую вы думаете иметь, если вас постигнут настоящие искушения».

Такие увещания ободряли Баньяна. Из всех его долгих мучительных переживаний он понял, по крайней мере, истину слов: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым». Также он научился различать между плотскими помышлениями и истинными откровениями Божьими, между лицемерной верой, покоящейся на человеческой мудрости, и «той верой, что живет в человеке, которого возродил Бог». Так Бог вел Баньяна от одной истины к другой. «Поистине, великий Бог был очень добр ко мне», — радостно восклицал он.

Но все же к нему снова и снова приходили сомнения — сомнения, которые у других улетают так же быстро, как и приходят, но у Баньяна они упрямо укоренялись в сердце. Но и это имело явно положительную сторону. Он сам утверждал: «Меня это побуждало к более интенсивному изучению Библии».

Именно в это время ему дали старую книгу — он считал, что Бог дал ее ему — которая была так зачитана, что распадалась при перелистывании. Это был комментарий Лютера к посланию к Галатам. «Я был очень рад, что эта старая книга попала мне в руки, так как в ней было написано именно то, в чем я нуждался». Пос-

ле Библии, комментарии Лютера «были для него самой важной книгой, которую он когда-либо видел; в ней было все, чтобы утешить израненную совесть».

Страх, что он совершил «непрощаемый грех», вынудил его однажды открыть свое сердце одному пожилому христианину. «Я рассказал ему о своем переживании, о страхе, что согрешил против Духа Святого». Его друг ответил очень честно, но не очень мудро: «Я тоже верю этому». Баньян отмечает: «Это было для меня плохим утешением», и его печальное состояние из-за этого еще более ухудшилось. Но с тех пор он не обращался больше к людям, а только к Богу, хотя и не оттолкнул своего друга.

Но странное дело: утешение бежало от него, даже если он читал Слово Божье. «Самые совершенные и милостивые слова Евангелия, дающие избавление, вызывали во мне самые большие страдания». Искуситель говорил ему, что Христос имеет сочувствие к нему, но не может сказать ему слов прощения. И не потому, что Его заслуги недостаточны или Его милость пришла к концу, но так как Он должен исполнить Свои грозные обетования и поэтому не может излить Свою благодать на такого грешника как Джон Баньян. «Другим эти вещи покажутся глупыми, да это так и есть на самом деле, — пишет он в своей автобиографии, — но для меня это были крайне мучительные рассуждения». Это состояние длилось довольно долго, пока слово: «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» не наполнило сердце Баньяна.

Снова получив мир, Баньян сказал: «Мне казалось, что я вижу, как искуситель, ухмыляясь, постарался незаметно удалиться; как будто он стыдился того, что сделал».

Но так быстро Баньян не мог уйти от силков врага, и перед ним еще лежало долгое время испытаний. Снова и снова он сравнивал свою жизнь с бесчисленными библейскими образами, все больше приходя к мысли, что он «самый ничтожный из всех святых», и под конец он снова стал сомневаться, что он вообще один из них.

«Так терзалась и носилась ветрами моя душа от этих странных и необычных нападок искусителя то в одну, то в другую сторону. Я чувствовал себя сокрушенным и разбитым».

Однажды, когда Баньян шел в соседний город, он опустился на камень и глубоко задумался. Потерявшись в темных мыслях, он

поднял свой взор к солнцу; но и оно, казалось, не желало давать ему света. Даже камни мостовой и кровельная дранка на крышах объединились против него. Но ему казалось, что из темноты на его горький крик души исходит эхо: «Это грех не к смерти!»

Спустя три дня он снова искал Господа в молитве: «Господи, я умоляю Тебя, покажи мне, что Ты возлюбил меня любовью вечною!» И тогда ему казалось, что он слышит в сердце нежный голос: «Я возлюбил тебя любовью вечною!»

«Тогда, — сказал он радуясь, — я спокойно пошел спать, и на следующее утро, когда проснулся, моя душа была бодрой, и я мог верить этому!»

«Но уже через несколько недель я снова начал унывать, и мне пришло на память место: «Много дней пройдет». Тогда я снова подумал: «Многие дни не длятся вечно, и многие дни будут иметь конец».

В это время «я вспоминаю, что меня снова мучил вопрос, достаточно ли Крови Христа, чтобы спасти мою душу». Однажды эти сомнения длились с раннего утра до «шести или семи часов вечера». Затем «вдруг в моем сердце прозвучали слова: Он может».

Глава 13

Крещение

Любовь, не крещение, открывает нам мир, как Христос видит его.
Джон Баньян

Есть два таинства, так верим мы,
Крещение и вечеря Господня,
Тайны Божии, — которые мне
Оказали помощь по Его воле.
Но знаки лишь они, мой Бог. Могу ли я
Неправильно и глупо думать о хлебе и воде,
Что они освободили меня от смерти и проклятий,
И подарили мне спасенье?
Джон Баньян, «Эмблемы»

Что препятствует мне креститься?
…если веруешь от всего сердца, можно.
Д. Ап. 8:36-37

Можно видеть, что он святой, но он не сделался им через крещение; так как он должен прежде стать святым, иначе его нельзя крестить.
Джон Баньян

Утверждение, что Баньян поддерживал крещение детей — исходит ли оно от англиканской церкви или еще откуда — основывается только на утверждении, что Баньян и его дети еще младенцами были крещены в государственной церкви. В отношении к нему это совершенно точно, так как его отец принадлежал к англиканской церкви. Вероятно и жены Баньяна были членами государственной церкви, так как их имена не числятся в списках бедфордской церкви. Нет необходимости рассуждать, насколько вероятно, что их дети были крещены в младенческом возрасте. Как бы то ни было, для самого Баньяна крещение было актом послушания, который следовал за возрождением. Его убеждения имели глубокое основание в Слове Божьем, но он считал освящение выше ритуалов.

Поэтому он писал: «Я не осмеливаюсь утверждать, что водное крещение не имеет значения; но оно не является ни фундамен-

тальным камнем церкви, ни знаком того, что я дитя Божье, ни дверью, через которую я смогу проникнуть в общение святых, ни средством благодати церкви».

Дальше он говорит: «Святой есть святой и может ходить с Богом, к тому же быть верным по отношению к другим верующим и своему познанию, без того чтобы быть крещенным. Я хочу быть в общении со святыми, так как они святые…»

Баньян заканчивает словами: «Я признаю водное крещение как Божье повеление, но не делаю из него никакого идола».

«Водное крещение, — говорит Баньян, — это средство, умножающее благодать. И в нем и через него возрастает святость и ярче проявляется отказ от грехов».

В «Небесном страннике» Баньян пишет: «…не имею слишком большого общения с анабаптистами, хотя меня причисляют к ним».

Хотя Джон Гиффорд много сделал для того, чтобы создать церковь Божью в Бедфорде, мы очень мало знаем о ней. В середине семнадцатого века открыто крестить для служителя Евангелия было непросто. Было много вражды или даже гонений на тех, кто таким образом исповедовал свою веру.

Поэтому могло быть и так: прежде чем маленькая группа из церкви Св. Иоанна встретилась среди ночи на глубоком месте реки Уз, во все направления были высланы сторожа. Совершив молитву с Джоном Баньяном, мистер Гиффорд крестил его в знак того, что он умер для греха и воскрес для новой жизни.

Слезы радости текли из глаз братьев и сестер, когда они увидели молодого лудильщика возрожденным Духом Божьим — как он исповедует свою веру.

Добрый старый Чарльз Деу пишет об этом времени в 1691 г. в своей книге «Борьба» по поводу издания одной из книг Баньяна: «Богу было по сердцу в Своей неизменной благодати вызвать в Баньяне как страх и ужас ада, так и тоску по небу. Это привело его к тому, чтобы заняться изучением Слова Божьего. Он заметил, что благодать все больше возрастала в нем, но не обращал на все это внимания, постоянно борясь с собой и с другими, чтобы возрастать в познании Бога и зреть. В своих исканиях он наткнулся на независимую церковь христиан Бедфорда и был на основании исповедания своей веры крещен в 1653 г.».

Святой акт был завершен, маленькая группа шла вдоль берега в город, чтобы, пожав руку и тихо сказав: «Да благословит тебя Бог!», поспешить домой.

Дома Джона Фенне и некоторых других верующих находились совсем близко к реке, некоторым же нужно было идти далеко. Мистер Гиффорд и Баньян шли вместе до пасторского дома Св. Иоанна. Здесь Баньян пожелал своему пастору «Спокойной ночи» и поспешил к своему дому в Эльстоу.

Все было тихо. Он осторожно открыл дверь и на цыпочках поднялся по лестнице, обнял свою еще бодрствующую и молящуюся жену, и полный невыразимой радости вверил свою семью и самого себя Тому, Который «не спит и не дремлет».

Глава 14

«Моя благодать…»

Но Он знает путь мой; пусть испытает меня, — выйду, как золото.
Иов 23:10

Однажды утром Баньян пошел в свою каморку для молитвы. Он был полон темных мыслей и чувствовал себя полностью разбитым. Он открыл зарешеченное окно в крыше, и тихий ветерок немного освежил его.

Какое-то время он шагал по скрипучим доскам, затем тяжело опустился на колени перед табуреткой, невидящими глазами глядя в Библию. Он дрожал от страха, так как «никакое Слово Божье не помогало ему». Но вдруг его настигло Слово: «Довольно благодати Моей…» В мыслях он перенесся в Бедфорд, к мистеру Гиффорду и скромным сестрам из церкви Св. Иоанна, которые так часто ласково утешали его. «Да, — думал он, — Божьей благодати довольно для них…»

Изо дня в день он возвращался к этому стиху и к этому отрывку. Но конец абзаца быстрее исчезал из его памяти, чем он успевал укрепить его в своем печальном сердце. В отчаянии он отодвигал святую книгу в сторону.

Он несколько недель боролся с невыразимыми страданиями! Мир, который он только что думал иметь, улетал от него в то же мгновение. Он не переставал просить Бога наполнить его сердце Своим Словом, чтобы ему принадлежал весь абзац. Как ему хотелось сказать эти слова — «для тебя»!..

«Однажды, — говорит Баньян, — я был вместе с народом Божьим, и вдруг со всей огромной силой мне открылось это слово:

‹Довольно для ТЕБЯ благодати Моей…›

И не один раз, нет, три раза повторилось в моем израненном сердце это обетование. И мне казалось, что каждое слово является сильным словом именно для меня!»

***

Теперь закроем занавес перед мучениями этого бедного, находящегося в испытаниях святого, который в определенном смысле «был усовершенствован страданиями».

***

Занавес вновь открывается, и мы видим Баньяна в радостном настроении. «Однажды, когда я был в пути и снова начал страшиться, что внутри у меня не все в порядке, в мою душу пришли слова: Твоя праведность в небе.

Мне казалось, как будто я внутренним взором вижу Иисуса Христа одесную Бога. Там моя праведность, так как моя праведность — Сам Иисус Христос, а Он вчера, сегодня и вовеки Тот же.

Теперь на самом деле цепи упали с моих ног, и мои искушения оставили меня. Поэтому я одно время жил в сладком мире с Богом через Иисуса Христа».

***

Джон Баньян честно признает свои ошибки и приписывает многие свои скорби тому, что при молитве он часто ожидал, «что Бог заберет у него настоящее зло и даст новые ощущения любви ко Христу». «Этого, — признает он, — было недостаточно: мне нужно было молиться о том, чтобы Господь избавил меня от предстоящего зла».

Джон Баньян говорит, что он также мучился и скорбел, когда у них должен был родиться ребенок. Его состояние отразилось и на его нежной жене, и ее слезы вынудили его к тихой молитве за нее. Пока он молился, Мэри Баньян «заснула глубоким сном, который продолжался до утра… а я очень долго не мог заснуть», — говорит Баньян.

Когда начался день, он почувствовал, что Господь знает тайны сердца Своего слуги.

Их дочь, Элизабет, появилась на свет 14 апреля 1654 года.

***

Напряжение, которое Баньян так долго переносил, сильно подорвало его силы, пока «не появилась опасность чахотки».

Весной того года он «вдруг неожиданно сильно ослаб». Он думал, что жизнь его идет к концу. Он снова и снова испытывал себя, силен ли он посмотреть смерти в глаза. Все это, вместе с подорванным здоровьем, возвратило страхи прошлого, и сатана немилосердно использовал слабости своей жертвы.

Стало еще хуже, его дух упал. Встав с постели, он «стал ходить по дому взад-вперед, как человек, который глубоко потонул в страданиях», и тут на память ему пришло обетование: «Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе».

«Мне стало совсем легко на сердце, — и, ликуя, он добавляет: — Теперь смерть была для меня желанной и прекрасной!»

В другой раз, снова «очень слабый и больной», он почувствовал вблизи искусителя, который «сильно досаждал мне, скрыв от меня все полученные по милости Божьей благословения, и вместо этого объял меня страхом смерти и суда Божьего». Но Баньян смог крепко держаться утешения Слова Божьего и снова ожил. «Это слово всем своим весом достигло моего сердца: Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» «Через это, — говорит он, — я мгновенно стал здоровым как телом, так и душой, и мог с радостью снова трудиться для Бога».

Глава 15

Снова во мраке

И вот, напал на него ужас и мрак великий.
Быт. 15:12

Во время долгих месяцев бодрствования и молитв за своего мужа Мэри Баньян переносила различные переживания и заботы. Но она знала, что ее Джон избрал «благую часть, которая у него не отнимется», и это однажды прославит Бога. Но разве ее жизнь не жертва? И не придут ли еще большие трудности, когда подрастут ее слепая Мэри и малютка Элизабет? Ее силы были сильно подорваны постоянным напряжением. Но она хотела жить или умереть для своего мужа, которого — она это предчувствовала — ждет великое будущее. Она старалась всегда встречать его с радостной надеждой, независимо от того, возносит ли его непостоянное расположение духа в светлую высь или бросает в темную глубину. Но несмотря на это она не могла скрыть от его любящего взгляда своих переживаний, которые подорвали ее здоровье. Она улыбалась на каждый испуганный вопрос, но когда оставалась одна, часто проливала слезы.

Джон Баньян опять чувствовал себя хорошо и радостно. Такое состояние всегда невыразимо радовало его жену. Звук его радостного голоса и веселый лепет детей приносили ей счастье. В такие минуты она забывала свою собственную немощь.

«Но вдруг меня покрыла большая темная туча». Баньяну казалось, будто ему переломали все кости и заковали в цепи. Физически он также был слаб, и это усиливало страдания его искушаемого духа.

Ежедневные обязанности теперь раздражали его, а вскоре стали просто невыносимы, и его сильное тело под напряжением и страданием страхов души начало отказываться служить ему.

Это состояние длилось три или четыре дня. Сидя перед камином, он вдруг услышал внутри себя слово: «Я должен пойти к Иисусу!» Темнота исчезла, и «благословенные горизонты неба» снова открылись перед его взором.

Мэри Баньян, делая свою домашнюю работу, время от времени поглядывала на мужа и заметила изменение в его лице. Их взгляды встретились, и он воскликнул: «Жена, есть ли в Библии место, говорящее, что я должен идти к Иисусу?» Бедняжка от неожиданности не знала, что ответить.

«Поэтому, — говорит Баньян, — я сидел и вспоминал это место. Я искал едва ли две или три минуты, как мне пришло в голову: ‹Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева›» (Евр. 12:22-24).

Баньян листал свою потрепанную Библию, переходя от одного места к другому, в то время, как его жена задумавшись смотрела на спящих детей. Неожиданный возглас мужа «Нашел, нашел!» заставил ее вздрогнуть.

***

Редко она следовала за своим мужем по скрипучим ступенькам такими легкими шагами как в этот вечер.— Много позднее Баньян писал: «Это была хорошая ночь для меня, я едва ли имел когда-либо лучшую».

Итак, небо прояснилось!

Весь Эльстоу пришел в движение из-за порочного лудильщика, который так удивительно изменился. «Да, — говорит Баньян, — некоторое время это волновало и молодых и старых. Некоторые, видя, как Бог милостиво поступил со мной, с плачем обращались к Нему, чтобы тоже получить милость». Среди них был и Роберт Холдсток, который тоже присоединился к церкви в Бедфорде.

В 1655 году — маленькой Элизабет исполнился только год, а слепой Мэри пять лет —Джон Баньян стал дьяконом своей церкви и переселился с семьей и небольшим имуществом в Бедфорд. Там он был ближе к братьям и сестрам, что способствовало его духовному росту, и он надеялся иметь лучшие шансы зарабатывать насущный хлеб.

Семья Баньяна, очевидно, жила в доме, принадлежащем церкви Св. Катберта. Дом выглядел очень скромно, и простоял до

1838 года. Затем его снесли, и теперь на его месте стоит некрасивое здание в раннем викторианском стиле. Баньян и его семья хорошо устроились в своем новом доме, и здесь родились их сыновья Джон и Томас.

Несмотря на темные периоды, от которых он все еще страдал, Баньян сильно любил своих детей. В книге «Преимущества святых» он говорит: «Я охотно, играя с ними становлюсь ребенком, и многому при этом научился». Сердце радуется, глядя на семейную жизнь Баньяна; и вторая часть «Путешествия пилигрима» очень ясно открывает его большую любовь к детям.

В мире с Богом и с самим собой молодой дьякон бедфордской церкви снова начал улыбаться и наполняться святой радостью. У него было слишком мало времени для работы, на содержание семьи, для изучения Библии, труда в церкви и для своих детей. Его первенец, маленькая слепая Мэри, всегда занимала в его сердце особое место, ведь она в точности походила на свою мать.

Джон Баньян был на самом деле счастливым человеком, и он по праву мог сказать в своей книге «Символ»:

Я не стыжусь, хотя очень многие говорят,
Что я — ребенок, так как играю с детьми.

Но нечто другое тревожило его: Мэри Баньян становилась все бледнее и слабее, она уже не могла скрывать, что жить ей осталось совсем недолго. Она знала, что ее муж «должен быть в том, что принадлежит его Отцу» (Лук. 2:49), потому что уже давно увидела его Божественное избрание. Но теперь она должна была признать, что и она имеет небесное призвание.

Джон Баньян знал, а дети, даже «малыш» чувствовали, что в их любимом доме что-то должно случиться. Темная тень покрыла их любимый дом — тень смерти!

Мэри Баньян ушла домой — к Богу.

Глава 16

Смерть Джона Гиффорда

Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало.
2 Тим. 4:6

Все, кто близко знал Джона Гиффорда, видели, что их любимый пастор становится все слабее. Его дух был как всегда бодрым и светлым, но признаки физического разрушения становились все более видимыми. Его служение как всегда было верно и истинно. Так было всегда, с тех пор как он принял это служение.

Слишком быстро настал день, когда Гиффорд слег, и все усилия помочь ему остались напрасными.

Сады вокруг пастората в это прекрасное сентябрьское утро 1655 года залиты теплым солнечным светом. Птичье пенье умолкло, и некоторые листья уже упали на землю. На ветках блестят ягоды тутовника, но никому не хочется рвать их. Даже тень кедра сегодня темнее обычного. Все в природе тихо и мирно, и вокруг царит торжественное молчание.

Люди различного возраста в строгой пуританской одежде со склоненными головами идут через лужайку. Они негромко и серьезно разговаривают, при этом боязливо поглядывая на пасторат. Джон Гиффорд при смерти.

Зайдя в дом, они на цыпочках осторожно поднимаются по лестнице и идут вдоль длинного коридора. Затем останавливаются около комнаты, где лежит больной. Один из пришедших, Джон Фенне, открывает дверь и заглядывает в нее, затем рукой делает знак друзьям войти.

Само помещение низко, но очень просторно. Створчатые окна выходят на улицу. Рядом небольшая комнатка для молитвы, в которой пастор много часов проводил в общении с Богом. Теперь некоторые из его паствы находятся здесь и просят Небесного Отца, чтобы эта чаша прошла мимо них; но — «Да будет воля Твоя!»

В кровати, скрытой за пологом, лежит Джон Гиффорд. Его левая рука без сил покоится на одеяле. Пальцы едва могут держать носовой платок. Другую держит в загорелых руках молодой человек, который склонился на колени у его постели и прижимает губы к руке умира-

ющего. Это Джон Баньян, который при входе друзей взглядом просит их вести себя тихо.

Гиффорд безмерно любит Баньяна — «…больше любви женской».

Джон Гиффорд открывает глаза, и его лицо озаряется неземным светом. Он поднимает левую руку, приглашая братьев подойти поближе. Он хочет еще что-то сказать, но не может, и тогда знаками просит принести ему чернила и бумагу. Он должен им еще нечто сказать.

Ничто не может его удержать, он снова пытается говорить, а они должны писать. Он диктует:

«Церкви, над которой Бог поставил меня наставником, когда я жил на земле.

Я очень прошу вас, возлюбленные братья, чтобы эти слова (которые я пишу из любви к вам и в заботе о вас, когда наш Небесный Отец как раз хотел перенести меня в Царство Своего возлюбленного Сына) были прочитаны на вашем собрании.

Поэтому, братья мои, во-первых, я хочу, чтобы все вы знали, и дальше от всего сердца любили церковь и сохраняли заповеди Иисуса Христа, нашего Господа, как и в то время, когда я еще был с вами.

Во-вторых, не оставляйте собраний ваших. Совершайте всю работу в церкви с большой верностью, тогда Господь будет с вами.

Что касается принятия в члены церкви, то я предаю вас мудрости Божьей. Я считаю правильным, чтобы напомнить вам следующее: Если вы убедились, что Господь совершил дело благодати над кандидатом в церковь, тогда объясните ему, что основанием для общения всех святых является единство со Христом, а не какие-либо суждения или мнения о внешних обрядах… относительно крещения... возложения рук, молитвы с помазанием, пения псалмов или других порядков, я увещаю вас как таковых, которым придется за все это нести ответственность перед Господом Иисусом Христом… чтобы никто из вас не оказался виновным в этом».

Это настойчивое увещание сильно утомило его, и некоторое время Гиффорд лежит тихо с закрытыми глазами. Затем он открывает их и продолжает:

«На ваших общениях не поступайте с лицеприятием, — при этом он, улыбаясь, поворачивается к Баньяну и говорит: — Во Христе нет богатых или бедных, рабов и свободных».

Джон Гиффорд останавливается. Он проводит рукой по горячему лбу. Его пульс все учащается. Затем он продолжает:

«Два пункта по отношению к вашим собраниям я еще не упомянул. Я настоятельно прошу вас: не молитесь сидя!

(Джон Баньян делает непроизвольное движение, как будто хочет убедиться, что действительно стоит на коленях.)

Такое положение не подобает перед величием Того, Кому мы молимся».

Мистер Гиффорд пристально оглядывает всех, стоящих вокруг кровати, и немного строго спрашивает:

«Разве вы хотели бы так встретить Царя?»

После длительного молчания, которое прерывается только легким колыханием штор у открытого окна, и во время которого Джон Гиффорд думает о своем скором конце, он торжественно, подчеркивая каждое слово, продолжает:

«Проводите — много — времени — пред — Господом — по поводу — избрания — пастора».

Слезы текут по его впалым щекам, и он громко всхлипывает. Немного успокоившись, он добавляет с внутренним волнением:

«На ваших общениях со всей серьезностью помните о предсказаниях, которые исполнятся в последние дни, и — не — забывайте — ваших — братьев — в узах!»

Он думает особенно о тех, которым, возможно, скоро придется пострадать, и смотрит на Баньяна.

Гиффорд снова проводит рукой по взмокшему от пота лбу. Как аптекарь он знает, что это значит, и торопится сказать:

«Наконец, братья, будьте все единомысленны; живите в любви между собой, как — и — Христос возлюбил — вас».

***

Гиффорд поднимает обе руки для благословения, все встают и склоняют головы, когда он шепотом говорит:

«Бог мира, — Который воскресил из мертвых нашего Господа Иисуса, — да умножит Свой мир в вас — и да сохранит вас — для Своего вечного Царства — через Иисуса Христа…»

С влажными от слез глазами его собратья прощаются со своим умирающим пастырем. Но он еще раз пристально смотрит на них и говорит неожиданно окрепшим голосом:

«Будьте верны; Господь близко!»

***

Теперь остается только подписать документ. Он берет в руки перо и пишет, последний раз на этой земле, хотя и дрожащей рукой, всеми любимое имя — Джон Гиффорд.

***

Светлый луч солнца падает на его лицо и освещает всю комнату. Джон Гиффорд еще раз глубоко вдыхает. Затем его голова падает на подушки, и «святой мистер Гиффорд» отходит на вечный покой.

Через несколько дней маленькое собрание стоит вокруг открытого гроба на кладбище церкви Св. Иоанна. Братья и сестры с печалью хоронят тело своего умершего пастора. Со времени покаяния его жизнь была — насколько могут оценить люди — безупречной и большим образцом для всех.

В церкви Св. Иоанна о нем не напоминает никакой документ. Не осталось ни одного знака о месте его последнего покоя. Он же ушел, чтобы быть со Христом, что намного лучше.

Глава 17

Служение проповедника

Не неради о пребывающем в тебе даровании.… Притом же ты из детства знаешь священные писания.… Итак, заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом…, проповедуй слово.
1 Тим. 4:14; 2 Тим. 3:15; 4:1-4

Здесь, под открытым небом,
Стоял Баньян, христианин и герой,
Проповедуя благую весть.
Эдуард Фостер

Джон Баньян, сам того не ведая, излучал перед людьми силу, о которой и не подозревал. Он был учителем и проповедником и не знал об этом. Переживания, через которые прошла его душа, намного лучше подготовили его к назначенному Богом призванию, чем это сделало бы академическое образование.

Немногие исследовали Писание так, как Баньян, который искал в нем вечную жизнь. И он был почти в отчаянии, не видя успеха своих стараний. Но Бог дал пройти ему через эту страшную печь, «раскаленную в семь раз больше», пока его глаза не открылись, чтобы увидеть Сына Божьего. Наконец с его глаз отпала чешуя, и он не увидел «никого, кроме Иисуса одного».

Его верующие друзья в Бедфорде знали, что Баньян не был посредственным возрожденным. Они понимали, что он прошел не только через воды крещения, но и через весь огонь искушений.

Потребовалось немало уговоров, пока он решился в смирении проповедовать Слово Божье тем, которые хотели слушать его и садились к его ногам, чтобы учиться у него.

«Это, — так объясняет Баньян, — меня вначале сильно смутило и устыдило. Но когда они все еще хотели слушать меня и настаивали, я, наконец, сдался». Но и тогда он говорил к ним только в частном порядке, и все, слушающие его, благодарили Бога.

Возможно он считался с тем, что «никакой пророк не принимается в своем отечестве», а может и по другой, неизвестной причине он свои первые проповеди и увещания не осмеливался

говорить в Эльстоу и Бедфорде. На самом деле не сохранилось никаких документов, подтверждающих, что он хотя бы один единственный раз проповедовал в своем родном городе.

Он не знал никакого страха, и верующие и неверующие в окрестных селах охотно слушали его, и души приходили ко Христу через его проповеди.

Баньян чувствовал внутреннее побуждение, и смело шел указанным путем. По его собсвтенным словам, его гнала вперед скрытая заноза. Но он чувствовал и сеть самодовольства, «так как, — добавляет он, — меня сильно мучили огненные стрелы лукавого».

Снова и снова его ободряли и побуждали к применению своих талантов слова ап. Павла коринфянам: «Прошу вас, братья (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым), будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся». И Баньян понял, что его талант — от Духа Святого, и он не может зарыть его в землю или скрыть его. «Это место Писания, — говорит он, — постоянно кружилось в моей голове, ободряло и укрепляло меня в деле для Господа».

С того времени он открыто проповедовал Евангелие, но «с трепетом и большим страхом», так как глубоко сознавал, что недостоин делать это.

Его влияние постоянно росло. Люди приходили «сотнями отовсюду, чтобы послушать его, хотя и (как он сам скептически комментирует) по различным причинам».

В своих проповедях он не надеялся на себя. Со всей серьезностью и большим старанием он искал «слово, которое бы… тревожило совесть и было в состоянии разбудить ее». Тайна его служения крылась все же в том, «что Господь учил меня начинать со Слова о грехе».

«Я два года продолжал открывать людям грех и страшное состояние, в которое они попали через него», — говорит Баньян.

Бог благословил его служение и вводил Своего слугу все глубже в тайны Своего Слова, и Баньян учил других тому, чему Дух Святой учил его. Он говорил, что на проповеди ему казалось, что рядом стоит Ангел, подбадривающий его. Он не довольствовался словами: «Я верю, я уверен». Он был больше чем уверен, «что все, что я утверждал, истинно».

«Во время проповеди, — говорит он, — мое сердце часто взывало к Богу, чтобы Он этим словом спасал души».

Баньян усердно трудился над своими проповедями. Он никогда не шел на кафедру без основательной подготовки и всегда имел при себе свои заметки. Но полное внимание его слушателей обеспечивалось, в первую очередь, его интенсивным сопереживанием и данным Богом талантом оратора. Он старался избегать любых упоминаний о политике и как-то сказал: «Я готов во всякое время открыто показать все мои заметки…», чтобы показать, что его проповеди служат единственно для спасения душ.

Со временем он стал записывать проповеди, после того как скажет их. Так, в 1658 году он опубликовал проповедь о богаче и Лазаре. Книга называлась: «Некоторые вздохи из ада, или жалобы проклятой души». В предисловии он оправдывает слова на титульном листе: «Бедный и ничтожный слуга Иисуса Христа, Джон Баньян». Обращаясь к читателю, он пишет: «Друг, мне больше нечего сказать тебе. Если ты любишь меня, тогда молись за меня, чтобы мой Бог не оставил меня и не взял от меня Духа Святого, и чтобы Он дал мне силы работать и переносить все нападки мира и дьявола. Я должен сказать тебе, что мир бушует, топает ногами и неодобрительно качает головой. Да даст Господь мне терпеливо переносить все, что он делает…»

Эту проповедь он, возможно, говорил с кафедры своего друга Джона Гиббса, пастора из Ньюпорта, который написал предисловие и рекомендовал своего друга и его книгу. «Я глубоко убежден, что Бог нашел его верным и призвал его на служение. И хотя его происхождение и его прежняя работа незначительны и он имеет очень скудное образование, но он все же один из тех, кто знает Бога и используется Им для спасения душ. Но если ты претыкаешься его низким положением и недостатком человеческого образования, ты показываешь, как мало ты знаком с Божьими методами. Господь шел не к иудейским раввинам в их высшие школы, чтобы найти там Своих проповедников Евангелия, но к мытарям, которые были самыми презренными. Я думаю, что те, кто имеет образование, не должны презирать тех, которым не хватает его. А те, которые не имеют образования, не должны умалять тех, которые чему-то научились и верно исполняют дело Божье». Джон Гиббс сообщает кроме этого, что Джон

Баньян был подвержен «нападкам лучников». Лудильщик в то время действительно был подвержен ужасной клевете, и против него сплетали гнусные интриги.

Столкновения будут неизбежны, если Баньян будет продолжать, проповедуя путешествовать по стране. «Книжники и священники широко открыли рот против меня», — жалуется он.

Однажды, это было в мае 1659 года, Баньяна пригласили проповедовать в Тофт, в пяти милях от Кембриджа. Это маленькое село лежало в стороне от большой дороги и состояло из нескольких домиков и церкви. Еще и сегодня там есть нонконформистская церковь.

Богослужение проходило в амбаре мистера Эйнджера, крестьянский двор которого лежал поблизости от сельской улицы (позднее Ч. Г. Сперджен тоже проповедовал там). Во время проповеди вдруг появился доктор Смит, профессор богословия и руководитель университетской библиотеки в Кембридже.

Баньян проповедовал на текст из 1 Тим. 4:16: «Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя». Баньян открыто заявил, что большинство из его слушателей неверующие. Доктор Смит был шокирован этим смелым утверждением и в конце богослужения раздраженно спросил проповедника, как он смеет так говорить о группе крещеных людей. Баньян указал своему критику на учение Господа о четырех видах почвы, на которые упало доброе семя. В свою защиту ученый муж стал оспаривать право Баньяна на проповедь и спросил его: «Как Вы проповедуете, если Вы не посланы?»

Баньян ответил, что его послала церковь из Бедфорда.

— Там только сборище простолюдин, и они имеют настолько же мало права посылать, насколько лудильщик проповедовать! — воскликнул Томас Смит.

На этом дискуссия закончилась.

Но университетский библиотекарь на этом не успокоился. Вскоре он дал выход своему возмущению в одной газетной статье. Баньян ничего не ответил ему. Но другие сделали это за него, и среди них — два выпускника Кембриджского университета. Один из них был Уильям Делл, ректор из Йелдена. Позднее его упрекали в том, что он допустил, «что на последнее Рождество некий

Боньон из Бедфорда, лудильщик, проповедовал в собрании с кафедры», и что еще хуже, «в тот день в церкви не проповедовал ни один настоящий пастор».

В мае 1659 года Баньян издал свою четвертую книгу: «Объяснение учения о законе и благодати», выпущенной М. Райт в Олд Бейли. В этой книге он возвышает Христа и умаляет сам себя. Он повествует о своих переживаниях, пока не «смог увидеть через благодать, что посредством пролитой крови на Голгофе грешники могут получить спасение и искупление. Я видел это моими сердечными очами так же ясно, как видел купленный за один пенс будильник». Также он признал, что «когда все слезы и молитвы ничего не могли сделать, а глубокое раскаяние и все остальное не могли успокоить мое сердце, тогда кровь, пролитая на кресте, освободила меня чудесным образом». Баньян предчувствуя, что с ним вскоре должно что-то случиться, настоятельно просил своих верующих читателей: «Молитесь за меня Богу со всей серьезностью, и все снова прибегайте к Нему, так как я очень нуждаюсь в этом».

Маленькая группа христиан, составляющая церковь в Бедфорде, за год до этого была очень обеспокоена, так как Баньян осмелился взойти на кафедру приходской церкви в Итон Соконе, чтобы там увещать людей. Это было в марте 1658 года.

Джон Бертон (преемник Гиффорда) и его друзья собрались тогда для молитвы, «чтобы выпросить мудрости, что им делать в отношении судебного запрета брату Баньяну после проповеди в Итоне», — записано в церковной книге Бедфорда. Хотя судебное разбирательство на этом остановилось, глаз закона пробудился и наблюдал за всеми движениями странствующего лудильщика и проповедника, так как он, без сомнения, проповедовал и в других приходских церквах, включая Риджмонт, а может, и Мельбурн, в графстве Кембридж. Все это было против 23 статьи церковного закона о «служении на богослужениях».

Глава 18

Приближающийся шторм

«Примите же его в Господе со всякою радостью,
и таких имейте в уважении».
Фил. 2:29

«Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены;
мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся».
2 Кор. 4:8

В эти годы Джон Бертон, крещенец, занял место умершего мистера Гиффорда.

У этого молодого человека был сильный дух, но очень слабое здоровье, и уже вскоре он не мог перенести всех тягот служения. Записи в церковных книгах показывают, как сильно его любили и как часто усиленно молились за его здоровье. 29 апреля 1660 года есть такая запись: «Ввиду слабого здоровья нашего брата Бертона мы решили попросить братьев Уилера, Донна, Гиббса и Бридона помочь ему в воскресенье в проповеди и раздаче вечери Господней, а именно, чтобы они в течение месяца или трех недель менялись, пока брат Бертон болен».

25 марта мы читаем: «По нашему решению, наш брат Баньян должен подготовиться проповедовать у нас в следующее воскресенье, а брат Уайтмен — сообщить ему об этом».

Джон Бертон возлагал большие надежды на Джона Баньяна. В предисловии к книге Баньяна «Объяснение некоторых библейских истин» в 1656 году он писал: «Этот человек (Баньян) прошел обучение не в земном, но в небесном университете, в Церкви Божьей. Поэтому примите это слово не как от человека, но как слово от Бога и не противьтесь тому, что Христос подает вам прекрасные сокровища Евангелия в бедном земляном сосуде, а не через того, кому бы можно было поручить это служение из-за его величия или мирской мудрости, но наученному благодатью Божьей и наставленному Духом Святым. Это сделало его христианином и служителем Евангелия. В доказательство он достиг следующие три небесные научные степени:

Он одно со Христом.

Он имеет помазание Духа.

Он знает из опыта искушения сатаны.

Это делает его способным к великому делу проповеди Евангелия более чем вся университетская ученость и все титулы. Я пишу не для того, чтобы прославить человека, но потому, что я совместно с другими святыми познакомился со здоровой верой этого человека, его духовной речью и его способностями проповедовать Евангелие. И так как это вызвано не человеческим искусством, но Духом Божьим, и все это сопровождается большим успехом в покаянии грешников, я вижу своей обязанностью засвидетельствовать это о моем брате».

В конце сентября 1660 года сообщается: «Так как Господь взял нашего учителя, брата Бертона, к Себе, мы согласились 17 числа следующего месяца просить Господа о водительстве в избрании нового пастора или подходящего учителя и рассуждать об этом, а также попросить наших друзей и остальных братьев и сестер, чтобы они помогли нам молиться об этом вопросе».

Так Джон Бертон, которого все очень любили, перешел в вечность.

Вскоре после этого духовным настоятелем церкви Св. Иоанна после пятилетнего отстранения от служения вновь был назначен Теодор Кроули. Об этом записано в Бедфордской церковной книге: «Мы просим наших братьев Харрингтона, Ковентона и Фенне поискать подходящее место для наших собраний. Это нужно сделать как можно быстрее и сообщить церкви (так как нас изгнали из наших помещений)».

***

Вновь установленная монархия принесла стране значительные изменения. Смерть отняла у церкви в Бедфорде верного пастыря, а закон — место собраний.

Перспективы нонконформистов не были блестящи, и маленькая группа христиан искала водительства, как в вопросе выбора нового пастора, так и в вопросе другого места собраний. Но они возложили свое упование на неизменного Бога и знали, что Он будет милостиво вести их.

Первое время они собирались на Хай-стрит в доме шляпника Джона Фенне. В последующие годы гонений они также собирались в частных помещениях. Они встречались для молитвы и богослужений где только могли — в амбарах, на сеновалах и в сараях — и везде «Бог посещал их души». И каждый раз на Новый год они читали письмо Джона Гиффорда, которое он продиктовал им на смертном одре. Этот обычай прекратился совсем недавно.

Смерть Оливера Кромвеля в 1658 году и отказ от престола его сына Ричарда предшествовали событиям 1660 года, когда был распущен Долгий парламент. 29 мая Чарльз II ступил на трон. Находящиеся в стране убийцы короля были осуждены — и затем вновь была введена духовная иерархия. Содействовал этому Эдуард Хайд, который сопровождал короля Чарльза II в место изгнания. Это дело было продолжено лордом Кларендоном. Его целью было кроме монархии также восстановить епископскую церковь, какой она была до гражданской войны.

Пуритане, без сомнения, страдали до войны при архиепископе Лоде; но истинно также и то, что пуритане при правлении Кромвеля также заставляли страдать своих врагов.

Чарльз II хотел заключить компромисс между пуританами и епископами, но епископы твердо решили не допускать никаких богослужений кроме государственной церкви. Поэтому они изгнали из церкви Англии почти всех пуританских пасторов. Кроме того, пуритане не допускались в университеты и в городской парламент.

Акт Единообразия, который скоро должен был получить законную силу, был составлен так, что только немногие пуританские пасторы могли остаться в государственной церкви, не вступая при этом в конфликт со своей совестью.

Епископы настаивали на применении Английского Молитвенника (служебные ритуалы церкви Англии) на богослужении, и каждый должен был согласиться с содержанием этой книги. Акт дискриминировал всех, кто не был посвящен епископом. При этом практически отвергалось любое иное призвание Божье. Сверх этого Акт требовал дать право королю и парламенту издавать законы, посредством которых они могли вмешиваться в Церковь Христа.

Хотя Акт Единообразия еще не вступил в силу, он вызвал большие тревоги нонконформистам, и Джон Баньян находился под постоянным наблюдением. Ранней осенью 1660 года правители графства Бедфордшир стали с большой ревностью настаивать на «открытых чтениях литургии в церкви Англии».

Враги Баньяна все умножались, и он знал, что они наблюдают за каждым его шагом. Он не мог и не хотел подчиниться требованиям государственной церкви. У него были большие опасения насчет Английского Молитвенника и связанных с ним требований. В своей брошюре «Беседа о молитве», изданной в 1663 году, он представляет свои основания для его отклонения. Здесь он порицает выраженную в этой книге мысль, что можно «определенную молитву утвердить для определенного дня, и это на двадцать лет вперед». Составители этой книги, сетует он, предопределили, «сколько слогов можно сказать [в молитве]; кроме этого они утвердили для еще не рожденного поколения, о чем они имеют право молиться». Кроме того, он не находил никакого смысла в указаниях, которые «предписывают, когда нужно склоняться на колени, когда можно встать и когда можно остаться сидеть. Все это апостолы, которыми руководил страх Божий, упустили».

Баньян выступает за молитву в духе и в разумении. «Кто ставит молитвенник над духом молитвы, ставит человеческую форму выше духа», — говорит он.

Мы должны всегда помнить о том, что Баньян имел веские основания для отклонения молитвенника, так как никто не страдал за свои убеждения столько, сколько он. «Это известно всем, — добавляет он, — если дорогих служителей Божьих, мощно вооруженных духом молитвы, заставить молчать только из-за того, что они не могут согласовать ритуалы государственной церкви со своей совестью, тогда формальная молитва по молитвеннику ставится выше молитвы в духе Слова. Вообще мне совсем не нравится заниматься этим вопросом. Пусть Господь по Своей милости приведет сердца людей к тому, чтобы искать духа молитвы и в его силе изливать свою душу перед Господом».

Джон Баньян был борцом молитвы; он молился как за друзей, так и за своих врагов.

Прошло совсем немного времени, и власти графства напали на след «преступника». Один из них, мистер Френсис Уингейт, издал указ о его аресте. Так как новые предписания еще не вступили в законную силу, ему пришлось для этой цели использовать старый кодекс из тридцать пятого года правления королевы Елизаветы.

Баньян знал, что его хотят арестовать.

Что же делать? Он думал о своем доме, детях, о работе. Возможно ему уже вскоре придется оставить все это и ради истины пойти на страдания! Его дети — и особенно десятилетняя слепая Мэри — нуждаются в большей заботе, чем та, которую может дать даже самый лучший одинокий отец. Он просил Бога о совете, и получил вполне ясный ответ: «Женись!»

Джон Баньян знал только одну женщину, которой он мог доверить свою семью. Это — благочестивая Элизабет. Он осторожно открыл ей свое сердечное намерение, и она после молитвы и размышлений согласилась стать его женой и матерью его детей. На сердце у Баньяна стало легко. На Элизабет он мог положиться, так как она любила не только его, но и детей.

«Мое сокровище, — говорил отец слепой дочери, гладя ее золотистые локоны, — я знаю, что ты будешь слушаться нашу новую маму и, сколько возможно, ...» — Он не смог договорить ввиду беспомощности своего ребенка. Но затем он прижал девочку к себе, поцеловал ее и пошел в мастерскую, чтобы заработать следующий обед. При этом у него было время обдумать все, что происходило вокруг него.

Мальчики — Джон и Томас — играли у него в кузнице. Баньян из-за ударов молота не мог понять, о чем они говорили между собой. «Тувалкаин, — твердил Баньян во время ритмичных ударов по металлу, — был ковачом всех орудий из меди и железа, и от него все другие научились этому ремеслу». С глубоким вздохом он положил готовую работу на верстак и подумал: «А кто научит моих детей?»

В данный момент это было его последней работой. Какая будет следующая?

— Пойдемте, мальчики! — весело позвал отец.

Они вместе пошли в дом и сели за стол, накрытый руками Элизабет и Мэри.

***

К концу лета тени на политическом горизонте стали сгущаться, и Джон Баньян уже чувствовал приближение шторма.

Дорогой, великий Господь,
Я знаю, что Ты любишь того, кого бьешь.
Смиряй меня, но помоги,
Охотно нести то, что Ты возлагаешь на меня.

Я сетую, но готов хвалить Тебя,
Я громко причитаю, но подчиняюсь.
Это горько-сладкое время.
Я Тебя люблю — и плачу.

Глава 19

Арест!

Мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем.
2 Кор. 4:9

Примерно два десятилетия приход Линкольна был без епископа. Теперь же 17 ноября 1660 года на это место был назначен семидесятилетний Роберт Сандерсон.

Жители Бедфорда уже многие годы не видели никакого епископа. И поэтому при его первом посещении, через три недели после данной ему власти, ему приготовили поистине прекрасный прием: на улицах раздавались выстрелы салюта почетной гвардии.

Воздух был наполнен треском мушкетов и восклицаниями толпы, но некто, заключенный в тюремную камеру, только глубоко вздыхал при виде этих развлечений. Это был Джон Баньян.

***

Рано утром 12 ноября 1660 года Баньян направлялся на хутор, прилежащий к Лоуер Самсель и находящийся в 13 милях от Бедфорда. Он обещал провести собрание в одном фермерском доме, о котором еще сегодня известно, где он стоял.

Это укрепленный дом, с подъемным мостом. Могучие вязы окружают его с трех сторон, а на четвертой стороне возвышается холм Бартон. Джон Баньян часто проповедовал здесь под старым боярышником.

В этот ноябрьский день природа была по-осеннему мрачной. Солнце тщетно пыталось пробить туман, и желтые пожухлые листья шелестели под ногами.

Мужчины и женщины стекались со всех сторон. Они тихо разговаривали между собой, а имя брата Баньяна поизносили только шепотом.

Верующие стояли небольшой группой на улице перед домом хозяина и с тоской размышляли:

— Осмелится ли он, как вы думаете?

Затем они услышали шелест листьев и треск ветвей под твердой поступью. Подошедшего узнали — это был Джон Баньян.

Он снял шляпу, вытер лоб и посмотрел вокруг себя.

— Значит, ты все же пришел, брат Баньян? — начал один неосторожный, но всеобщее «Ш-ш-ш!» заставило его мгновенно замолкнуть.

Баньян протянул руку, чтобы поприветствовать хозяина, который в этот раз вел себя несколько необычно.

— Что с тобой? — спросил проповедник, когда они вместе зашли в дом.

— Да, брат, да, но…

— Ну, что же? — коротко спросил Баньян.

— Брат Баньян, — испуганно спросил хозяин, — ты не боишься? Тебя же могут арестовать, если ты проведешь сегодня богослужение! Разве это не безрассудно созывать сегодня людей?

— Нет, нет, ни в коем случае, — ответил Баньян. — Я не хочу создавать беспокойства. Но, с другой стороны, не стоит из-за этого отсылать людей по домам. Не бойся, ободрись, не будем унывать. То, что мы делаем, хорошо. Нам нечего стыдиться. Проповедовать Слово Божье — хорошее дело, мы получим за это большую награду. — Но, подумав о возможных последствиях, он со вздохом добавил: — Даже если нам придется за это пострадать.

До начала богослужения у Баньяна еще было немного времени. Он вышел в поле без головного убора, и задумчиво стал ходить взад-вперед. Он говорил со своим Богом, и при этом перед его духовным взором предстала молитвенная борьба Учителя в Гефсимании. Недалеко от него были братья и сестры, и на этот раз они не спали, но бодрствовали и внимательно оглядывались по сторонам — не видно ли непрошеных гостей. Повсюду уже ходили слухи о том, что издан приказ об аресте их проповедника.

Джон Баньян не боялся. Он был готов идти на риск. Или ему все же в последнее мгновение следовало бежать от приготовленной чаши? Нет, конечно, нет!

Снова и снова враг шептал ему на ухо: «Беги, и все будет хорошо!» Но Баньян уже слишком часто слышал этот голос и знал, откуда он приходит. И он решительно вошел в дом, где его ждали пришедшие отовсюду люди.

Баньян, обращаясь к слушателям, ясным твердым голосом произнес:

— Помолимся!

Никогда раньше он не просил так настойчиво о Божьем благословении на богослужение и на Его Слово. Баньян молился за других, для себя же он просил только о прощении грехов. Затем он обратил внимание слушателей на Иоан. 9:35: «Ты веруешь ли — ТЫ веруешь ли (повторяет он) в Сына Божия?» Он остановился. Его вопрос через повторение и путем ударения на «ты» был так настойчив, что взоры всех собравшихся устремились на него, за исключением тех, кто не осмеливался встретиться с его пытливым взглядом. Он начал объяснять текст, но тут открылась дверь, и в комнату, несмотря на громкие протесты, ввалилось двое верзил. Начальник охраны и служащий органов власти. Они самодовольно разглядывали свою жертву, попавшуюся в собственную ловушку.

Присутствующие в панике вскочили. Женщины зарыдали, мужчины, сжимая кулаки, побледнели.

Проповедник спокойно повернулся к пришельцам. Начальник охраны злорадно протянул ему «Приказ об аресте Джона Баньяна».

— Братья и сестры, — сказал Баньян, — нам запретили говорить и слушать Слово Божье, и теперь нам за попытку делать это, видимо, придется пострадать. Но, я не хочу, чтобы вы унывали. Это милость, это милость — говорю я, если мы имеем право страдать. Разве нас не могли бы арестовать как воров или убийц или делающих зло? Но, братья и сестры, слава Богу! Это не так! Мы страдаем как христиане, делая добро, а это лучше — быть гонимыми, чем быть между гонителями…»

Его грубо прервали, и сопровождая свои действия насмешливыми замечаниями схватили за руки и вывели из помещения. Затем прямо через поля его повели в Харлингтон, к дому Френсиса Уингейта, находящемуся в миле от этого места.

Мистера Уингейта в тот вечер не было дома, но хозяин соседней фермы поручился, что Баньян завтра рано утром предстанет перед судом. «Иначе, — так позднее писал Баньян, — начальнику охраны пришлось бы сторожить меня — так велико было мое преступление».

Оставшаяся церковь искала утешения в молитве о своем любимом брате. Спать в этот вечер никто не мог. И Баньян чувствовал себя тоже не лучше.

Глава 20

Судья из Харлингтона

«…Но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах».
2 Кор. 6:4-5

Судья Френсис Уингейт возвратился домой утром 13 ноября. Это был молодой человек, немногим старше тридцати лет, с культурными манерами, но при этом очень высокомерный и дерзкий.

Ему нужно было рассмотреть интересное дело, и он, присаживаясь к столу, самодовольно улыбался. Его жена и девять детей не могли в этот день дождаться от него ни слова. Он только сказал им, что лудильщик из Бедфорда осмелился проповедовать в Лоуер Самсель, и что он, как местный судья, положил конец этому делу. Разве это не было его заслугой — откопать старый документ, на основании которого он мог арестовывать этих заразных, странствующих, поющих лицемеров? Затем он откинулся в своем кресле и смеясь рассказал своей жене, что болтающий лудильщик попался как крыса в ловушку.

Миссис Уингейт при этом только мучительно улыбнулась. Может, ей и хотелось бы, как жене Пилата, уговорить своего мужа: «Не делай ничего Праведнику Тому» — Джону Баньяну. Но судья ничего не хотел об этом слышать.

Дверь столовой открылась, и слуга доложил:

— Старый фермер и начальник охраны привели лудильщика, сэр!

После этого Френсис Уингейт вышел из столовой.

Административное здание Харлингтона было выстроено в 1396 году. Однажды сам король Чарльз II ночевал в этом доме и ел овощной суп из той же тарелки, которой пользовался теперь Френсис Уингейт. Этот небольшой, но уютный дом возвышался на углу двух скрещивающихся улиц. Напротив находилась приходская церковь. К селу Харлингтон принадлежали, кроме пастората и старого трактира, поместье и некоторое число низких домиков.

Все еще смеясь и покручивая усы, Уингейт зашел в зал, где арестованный стоял между двумя приведшими его на суд людьми. Судья с важностью сел за стол. За ним, на темной, выложенной плитками стене, виден был портрет короля. Уингейт ожидал увидеть перед собой человека с непроницаемым лицом. Каково же было его удивление когда, взглянув на арестованного, он обнаружил перед собой приятного мужчину своего возраста, выглядевшего почти так же интеллигентно, как и он сам.

Взяв в руку перо, он спросил начальника охраны, как тот застал Баньяна и его товарищей, когда неожиданно появился у них. Кроме того его интересовало, что они имели при себе. Судья вне своей конфессии не мог представить себе никакого религиозного собрания, свободного от политических интриг, и поэтому думал, что люди в собрании в Лоуер имели при себе оружие.

— Там собралось только несколько человек, чтобы проповедовать и слушать Слово Божье, — честно ответил начальник охраны.

Этого Френсису Уингейту было недостаточно, и он обратился к Баньяну.

— Что же Вы хотели там делать? Почему Вы не довольны Вашей професией? Вы этим нарушили закон!

Джон Баньян ответил, что пришел в Лоуер Самсель, как приходил и во многие другие места, чтобы учить людей и советовать им оставить свои грехи и присоединиться ко Христу, чтобы избежать погибели.

— Я могу работать по своей специальности и одновременно проповедовать Слово Божье, — добавил он.

Уингейт вскочил и сердито закричал:

— Я таким собраниям переломаю хребет! — А про себя добавил: «И тебе тоже!»

На это выражение ненависти Баньян ответил спокойно, не повышая тона:

— Это вполне возможно.

Едва сдерживая себя перед спокойной приветливостью своей жертвы, молодой судья объяснил Баньяну, что ему нужны поручители, «или, — сказал он с угрозой, — я посажу Вас в тюрьму!»

Поручители нашлись быстро. Они зашли, и им быстро оформили Баньяна на поруки. Некоторые из них, по всей вероятности,

были благосклонны к лудильщику. Когда судья обнаружил это, он, с ненавистью глядя на Баньяна, закричал:

— Вы должны удерживать этого парня от проповеди, иначе ваше поручительство недействительно!

Джон ответил за своих братьев:

— Я не буду придерживаться этого, так как не перестану возвещать Слово Божье. Я также буду советовать, увещать и учить людей, к которым принадлежу. Для меня это дело славно, и не достойно порицания.

— Тогда, — не выдержал Уингейт, — Ваш приговор готов, и Вы пойдете в тюрьму и останетесь там, пока верховный судья не вынесет свое решение! — И Френсис Уингейт вышел из судейского зала.

Место Уингейта сразу занял доктор богословия Линдалл, священник из Харлингтона. Он подобно Ироду уже давно желал видеть перед собой лудильщика-проповедника. После того как Баньян некоторое время выслушивал насмешливые речи духовного лица, он сказал ему, что находится здесь для того, чтобы говорить с судьей, а не с ним. Линдалл продолжал мучить его вызывающими речами, но Баньян хотел «отвечать только на серьезные вопросы». Так, доктор спросил его, может ли он доказать правомерность своей проповеди. Баньян процитировал из послания апостола Петра:

— «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил».

— Вот тебе и на! — возмутился Линдалл.— К кому это сказано?

— К кому? — переспросил Баньян.— Конечно, к каждому, который получил этот дар от Бога.

На это Линдалл не сразу нашел что ответить и переключился на более «спокойные обороты».

— Ну конечно же! — проговорил доктор с саркастическим смехом, — я вспоминаю (ха-ха-ха) некоего Александра, серебряника, который противостоял апостолам и принес им большие трудности.

Джону Баньяну стало ясно, что Линдалл имеет в виду его ремесло, и очень серьезно и медленно ответил:

— Я тоже читал о многих священниках и фарисеях, которые сделались виновными в Крови нашего Господа Иисуса Христа.

— Это так, но ты один из этих книжников и фарисеев, так как ты долго молишься, чтобы съедать дома вдов! — не унимался доктор.

— Если бы Вы за Ваши проповеди и молитвы получали не больше меня, тогда Вы не были бы так богаты, как сейчас, — ответил Баньян.

Он отлично знал Библию, и ему на память пришли слова «не отвечай глупому по глупости его». Но прежде, чем его противник нашел что ответить, вернулся Френсис Уингейт с приказом о передаче дела в суд. Он подозвал начальника охраны, вручил ему бумагу и поручил отвести осужденного в Бедфордскую тюрьму.

Джон Баньян твердым шагом вышел из дома, не замечая ни полного ненависти взгляда доктора Линдалла, ни высокомерного смеха судьи.

На улице перед домом Баньяна ждали двое его друзей. Они стали уговаривать начальника охраны, чтобы он подождал, пока они поговорят об арестованном с мистером Уингейтом. Поспешно вернувшись, они попросили Баньяна зайти обратно в дом, так как ему нужно сказать судье только несколько слов, чтобы быть свободным. Баньян серьезно посмотрел в лица своих друзей и сказал:

— Если эти слова можно сказать с доброй совестью, я хочу их сказать, а иначе — нет!

Направляясь назад к дому, чтобы снова предстать перед власть имущими, Баньян направил свое сердце к Богу, чтобы получить свет и силу не делать ничего, что бесславило бы Господа, причиняло бы вред его душе и чем-нибудь огорчило бы тех, кто любит Иисуса Христа. Баньян нуждался в свете и в силе.

Доктор Линдалл ушел, но его место занял другой — Уильям Фостер (позже доктор богословия) из Бедфорда.

На улице уже стало темнеть. Фостер вышел из боковой комнаты держа над головой свечу, чтобы лучше видеть.

— Кого я вижу, Джона Баньяна? — воскликнул он с притворным восторгом.

Баньян отпрянул назад. Он вспомнил Иуду, и ему показалось, что Фостер сейчас поцелует его. Ему снова пришло на память место Писания: «Слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи». На вопрос Фостера о его здоровье Баньян ответил:

— Слава Богу, у меня все хорошо.

— А почему Вы здесь? — спросил Фостер.

— Я был недалеко отсюда, в собрании нескольких людей, которым я хотел сказать слова увещания. Но судья узнал об

этом и дал приказ арестовать меня, и вот я предстал перед ним, — объяснил Баньян.

— Ах да, я понимаю, — насмешливо заметил мистер Фостер, ведь он отлично знал, почему Баньян находился в доме судьи. — Да, я понимаю, — повторил он, — но слушайте, если Вы пообещаете не собирать больше людей, Вы можете как свободный человек пойти домой, так как, — добавил он доверительно, — мой зять, мистер Уингейт с удовольствием отпустил бы Вас, если бы Вы приняли этот совет!

Последовал длинный разговор, который заключался в следующем: Баньян остался твердым в своем призвании возвещать душам о спасении, а Фостер хотел удержать лудильщика от проповеди и уговорить его работать по своей профессии. На вопрос, какие места Писания Баньян понимает дословно, он ответил:

— «Кто будет веровать, спасен будет».

Через некоторое время их разговор был прерван слугами судьи, которые заняли место Фостера и сообщили Баньяну, что их господин отпустит его с условием, что он никогда больше не будет собирать людей. Баньян спросил их, что же означает «собирать людей». Но прежде чем он успел получить ответ, Фостер и судья возвратились.

И так как Баньян оставался непоколебимым, Фостер раздраженно воскликнул:

— Уингейт, сажай его в тюрьму!

С каким удовольствием Джон Баньян рассказал бы этим людям о том мире, который наполнял его сердце. Но он не стал этого делать и снова вышел на улицу, в холодную, сырую ноябрьскую ночь. Тринадцать миль до Бедфорда, всегда в ногу с начальником охраны, показались ему бесконечными.

Ночь была очень темной. Когда они достигли Хай-стрит, начальник охраны провел своего арестанта по тюремной улице, через темные ворота окружной тюрьмы. После этого он отдал бумаги начальнику тюрьмы и, сурово пожелав Баньяну «Спокойной ночи», исчез.

Толстая дубовая дверь с тяжелой обивкой с лязгом распахнулась и с громким стуком закрылась.

Джон Баньян оказался в безутешной камере — ради Евангелия!

Глава 21

«Допрос»

Господь же предстал мне и укрепил меня.
2 Тим. 4:17

Весть об аресте Баньяна быстро распространилась в Бедфорде и во всем графстве. Среди его братьев по вере царила большая подавленность.

Окружной суд находился на углу между главной улицей и Сильвер-стрит, напротив трактира, прекрасный фасад которого являлся одним из отличительных признаков старого Бедфорда. Сегодня от тюрьмы и трактира ничего не осталось, так как они уже давно освободили место для новой планировки города. Там, где до 1801 года стояла тюрьма, сейчас находится гостиница «Чекерс».

Арест Баньяна был оформлен так, что он должен был оставаться в тюрьме до тех пор, пока не найдет для себя поручителя. После того как он просидел там пять или шесть дней, его братья начали искать такового, чтобы освободить его. Вначале они обратились к судье в Эльстоу, мистеру Крамптону, который обещал помочь им в этом деле. Но взвесив все, он попросил приказ об аресте, где прочитал, «что он (Баньян) посещал во многих местах графства тайные религиозные собрания, к большому недовольству церкви Англии...» Прочитав документ Крамптон подумал, что, очевидно, против лудильщика есть еще другие обвинения, которые не упомянуты в приказе об аресте, и «так как он был еще молод, то не осмеливался заняться этим делом». Баньян узнал об этом повороте дела от начальника тюрьмы.

Но Баньян не унывал. Он мог даже радоваться. Разве он не просил Бога подарить ему свободу, если это послужит ко благу, а если нет, то да будет воля Его? Он ждал «доброй воли Господа». Он молился: «Господи, сделай со мной так, как Тебе нравится!» Он знал, что без воли Небесного Отца ни один волос не упадет с его головы. Пусть на него обрушивается злоба людей, но они никогда не пойдут дальше, чем это допустит Бог. А если люди дойдут до крайности, то Баньян знал, что любящим Бога все содействует ко благу. Уповая на Господа, лудильщик-проповедник ожидал своего приговора.

Прошло более семи тягостных недель, прежде чем окружной суд прибыл в Бедфорд.

Наконец Баньяна вывели из камеры и повели по главной улице мимо рыночной площади, где он часто проповедовал. Они направлялись в часовню Хэрн возле средней школы, которое часто называли школьной капеллой. Перед судебным заседанием здание пришлось основательно почистить, так как между заседаниями суда, оно служило складом для дров и других вещей. В предписании было оговорено, что перед приходом судьи в нем следовало навести порядок.

В это удивительное старое здание, которое в католические времена было вотивной часовней, январским утром 1661 года привели Джона Баньяна.

На этот раз собрался полный состав суда, так как дело касалось достойного внимания заключенного по имени Баньян.

Судейская коллегия состояла из сэра Джона Келинджа, сэра Генри Честера (дяди Френсиса Уингейта), сэра Джорджа Бланделла, сэра Уильяма Бичера и мистера Томаса Снэггса (впоследствии верховного шерифа над всем графством).

С сознанием своего достоинства уважаемые господа заняли свои места на судейской скамье.

Перед ними стоял заключенный, которому было зачитано следующее обвинение:

… Джон Баньян из Бедфорда, ремесленник, со злым умыслом не посещает богослужения приходской церкви. Кроме этого, он организовывает различные незаконные собрания и другие религиозные общения, чем сильно беспокоит и тревожит подданных короля, и нарушает законы нашего суверена и господина короля...».

Обращаясь к Баньяну председательствующий судья загремел:

— Что ты скажешь на это?

«Ремесленник» ответил без страха, ясным голосом:

— Относительно первого пункта, я хочу сказать, что посещаю Церковь Божью, и по Его милости я член того народа, глава которого Христос.

—Ходите ли Вы в церковь, Вы знаете, что я имею в виду, приходскую церковь, чтобы принимать участие в богослужении? —спросил председательствующий сэр Джон Келиндж.

— Нет, я туда не хожу, — спокойно ответил Баньян.

— Почему же нет? — крикнул сэр Джон и топнул ногой.

— Потому что Слово Божье не повелевает мне этого, — мягко ответил заключенный.

— Но мы должны молиться, — продолжал председательствующий немного спокойнее.

— Но не по всеобщему молитвеннику, — заметил Баньян.

— А как же? — спросил Келиндж.

— В духе, как говорит апостол: «Стану молиться духом, стану молиться и умом».

— Можно молиться и духом и умом, и также по всеобщему молитвеннику, — заметил сэр Джон.

Баньян объяснил, что молитвенник написан людьми, «а не вызван Духом Святым в сердцах людей. Апостол говорит: я хочу молиться духом, а не с духом *и* с всеобщим молитвенником!»

Другие судьи внимательно слушали дискуссию и удивлялись тому, как хорошо заключенный может защищаться. Во время маленькой паузы один из них осмелился задать вопрос:

— Что *Вы* называете молитвой? Думаете ли Вы, что это значит сказать несколько слов перед людьми? — И он оглянулся на своих коллег, ища признания.

Баньян, который прекрасно понимал, что судьи пытаются уловить его в собственных словах, все же ответил:

— Нет, ни в коем случае. Люди могут говорить много льстивых и возвышенных слов, но все же не молиться. Человек, который молится, говорит все, что Дух положил ему на сердце через Христа перед Богом. — И, сравнивая свою скромную речь с речью образованных людей, он добавил: — Хотя мои слова могут звучать не так благородно, как у других людей.

— Это действительно так! — воскликнули сразу все шесть судей и улыбаясь закивали друг другу.

Но Баньяна это не смутило, и он мягким голосом добавил:

— Это можно делать без всеобщего молитвенника.

Один судья, закрыв глаза, хитро спросил:

— Откуда *нам* знать, может, Вы сначала записываете свои молитвы, а потом читаете их перед людьми?

Его коллеги разразились диким смехом. Но они затихли, когда Баньян серьезно объяснил:

— У нас не принято записывать чернилами и пером несколько слов и читать их перед людьми.

— Но откуда *нам* это знать? — с сарказмом допытывался инквизитор.

— Господин! — возмущенно воскликнул Баньян.— Такого у *нас* нет!

Сэр Джон Келиндж заметил, что лудильщик имеет лучшие аргументы, а так как в данном судебном разбирательстве его это абсолютно не устраивало, он решил прервать дискуссию следующими словами:

— Пользоваться всеобщим молитвенником и подобными формами вполне приемлемо. Даже Христос учил Своих учеников молиться, как и до Него Иоанн Креститель. — Он самодовольно оглянулся (разве он не блеснул своим религиозным знанием дела?) и добавил: — И кроме этого, не может ли один человек учить другого молиться? Вера приходит от слышания, и один может другого обличить в грехах, и поэтому, — Келиндж в связи со своими чрезвычайными «познаниями» принял еще более горделивую осанку, — и поэтому, — повторил он ради эффекта, — написанные людьми молитвы годятся для наставления, а также, чтобы помочь другим молиться. — Благородный господин самодовольно откинулся назад.

Во время этой риторической речи Баньян стоял неподвижно и, как думали судьи, был полностью разбит. Но это было не так! Он «молился духом и умом». На память ему пришло одно место Писания, и он как бы услышал: «Возьми меня! Возьми меня!» Баньян так и сделал и, подавшись вперед, с сияющим лицом заговорил спокойно и обдуманно:

— Сэр, Писание говорит: «Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». — Выпрямившись во весь рост и подняв руку, он добавил громовым голосом: — Видите! Здесь ничего не написано о всеобщем молитвеннике, но Дух учит нас молиться! Это Дух подкрепляет наши немощи, говорит апостол, он не говорит, что это делает всеобщий молитвенник!

Его слова прозвучали на весь судейский двор, и говоря о молитве устами и о молитве в духе, он совсем забыл, что стоит перед судьями. Поэтому он продолжал свои объяснения:

— Как легко сказать «Отче наш», но очень немногие могут сказать два первых слова в духе. Это могут сделать только те, которые возрождены Духом. В противном случае они говорят только пустые слова!

В своей речи он поднялся выше своих слушателей, и председательствующий, совершенно захваченный властной речью лудильщика, необдуманно проговорил:

— Это правда!

Заключенный продолжал говорить о сознании греха посредством Духа Божьего, и этим все яснее подтверждал выдвинутое против него обвинение: он учит и проповедует, без полномочия людей.

Силы сэра Келинджа иссякли. Напряженная атмосфера в помещении и неопровержимые аргументы заключенного вызвали в нем желание закончить судебный разбор. И поэтому он приветливым тоном спросил Баньяна:

— Скажите мне, что Вы имеете против всеобщего молитвенника?

— Сэр, — сказал лудильщик, который рад был возможности что-то объяснить вместо того, чтобы оправдываться, — если Вы хотите послушать меня, я могу высказать мои аргументы.

— Пожалуйста, но, — Келиндж занял угрожающее положение, — примите мой совет — не говорите непочтительно о всеобщем молитвеннике, — он даже встал, — иначе у Вас будут неприятности!

Сэр Джон снова сел, и другие судьи устроились поудобнее, чтобы послушать объяснения лудильщика.

Первый аргумент Баньяна гласил, что Слово Божье не повелевает пользоваться молитвенником. «Поэтому я не пользуюсь им», — добавил он. Его речь была прервана глупым вопросом с судейской скамьи, говорит ли ему Писание, куда ему идти: в Эльстоу или в Бедфорд. Баньян ответил, что Слово Божье разрешает ему в Эльстоу, и в Бедфорде, и во всех других местах следовать своему призванию.

— Но молитва, — продолжил он, — это важная часть нашего служения перед Богом, и поэтому, — он сделал особое ударение, — это нужно делать согласно Слова Божьего.

Другой судья обратился к председательствующему, восклицая:

— Он причиняет вред, не давайте ему больше говорить!

— Нет, нет, не бойтесь, мы хорошо подкованы, нам он не может повредить. Мы знаем, что всеобщий молитвенник существует со времен апостолов, и он по праву используется в церкви.

Баньян быстро подхватил эти слова и вызывающе сказал:

— Покажите мне место в посланиях апостолов, где можно прочитать о всеобщем молитвеннике, или какой-нибудь другой текст, который предписывает это! — Он на какое-то мгновение замолчал, чтобы затем более спокойно добавить: — Но все же, если кто-то хочет пользоваться им, это его право, и это значит, что я не буду удерживать его. Но что касается нас, — ревностно продолжил он, — мы можем без этой книги молиться Богу. Да прославится Его имя!

— Кто твой Бог? Вельзевул? — яростно зарычал один из судей.

В судейской коллегии началось общее движение, и один из судей воскликнул:

— Он одержим духом заблуждения!

— Он от дьявола! — добавил другой.

Баньян все это слышал, но не обращал внимания на насмешки. Он тихо помолился, чтобы Господь простил им, а затем громко сказал:

— Слава Богу за то, что Он дает нам смелость собираться и молиться, и увещать друг друга, потому мы имеем утешающее присутствие Божье среди нас. Да будет всегда, — со страстью воскликнул он, — прославлено Его святое имя!

— Какая тарабарщина! Сейчас же прекратите! Господь да откроет Вам глаза! — закричал председательствующий, гнев которого снова возгорелся.

— Мы должны ежедневно увещать друг друга, доколе можно говорить «ныне», — спокойно ответил Баньян.

— Вы не имеете разрешения проповедовать. Где Ваше разрешение? — враждебно спросил Келиндж.

— Я могу доказать, что я и мне подобные имеют право проповедовать Слово Божье, — вежливо ответил лудильщик.

— Какими местами Писания? — спросил сэр Джон уже менее возмущенно.

— В первом послании Петра, в 4 главе, 10 стихе, и в Деяниях Апостолов, в 18 главе, и … —

Баньяна прервал резкий окрик председательствующего:

— Стоп! Стоп, не все сразу, скажите вначале, что написано в первом месте.

— «Служите друг другу каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией. Говорит ли кто, говори как слова Божии…»

Председательствующий снова прервал его и насмешливо сказал:

— Мистер Баньян, дайте мне объяснить Вам Писание: Служите каждый тем даром, какой получил — значит, каждый получивший специальность, этим и должен заниматься. Если кто имеет милость быть лудильщиком, как ты, то он должен паять котелки, — при этом он стукнул кулаком по столу, — а проповедникам оставить проповедь, — громко добавил он.

— Нет, сэр, — спокойно и мягко защищался Баньян, — в этом месте совершенно ясно сказано, что апостол говорит о проповеди Слова. Совершенно ясно, что Святой Дух не говорит здесь о наших гражданских обязанностях, если Он говорит о полученных от Бога дарах…

— Стоп! — воскликнул председательствующий.— Это мы можем делать в наших семьях, и больше нигде!

— Если правильно делать добро в узком кругу, тогда правильно делать добро и многим людям, — заметил проповедник. — Если увещать свою семью — хорошо, то увещать других — тоже хорошо. Но если Вы называете грехом — собираться и искать лица Божьего, а также увещать друг друга к следованию за Христом, то я продолжу грешить, потому что я должен это делать!

Келиндж понял, что знает Писание недостаточно хорошо, чтобы продолжить этот диспут и поэтому нетерпеливо сказал:

— У нас больше нет времени! Значит, Вы признаете свою вину, не правда ли?

Бедный Баньян! Он не знал, что является обвиняемым, и поэтому осмелился сказать:

— Я признаю следующее: мы часто собирались для молитвы и обоюдного увещания. Мы также наслаждались ободряющим и утешающим присутствием Божьим, которое укрепляло нас. Да славится Его имя! Больше мне не в чем признаться.

После короткого совещания Келиндж обратился к заключенному, и торжественно прочитал приговор:

— Слушайте Ваш приговор, Джон Баньян! Вы пойдете назад в тюрьму на три месяца. По истечении этого срока, если Вы не подчинитесь и не пойдете в церковь, посещая богослужения и не перестанете проповедовать, Вас изгонят из королевства. И если после изгнания Вас застанут внутри страны, или же Вы без особого разрешения опять вернетесь назад, это будет стоить Вам головы. Мы Вас поставили в известность! — От напряжения у него на лбу выступили вены, и ему стоило немало усилий, чтобы вновь успокоиться, прежде чем позвать стражника: — Уведите заключенного!

Джон Баньян повернулся к судейской скамье и вежливо сказал:

— Сэр, что касается этого вопроса, то я с Вами согласен. Если меня сегодня отпустят из тюрьмы, то я завтра же снова буду проповедовать Евангелие — да поможет мне Бог!

С судейской скамьи послышалось что-то презрительное, но Баньян уже не слышал этого, так как стражник вывел его суровым окриком «Марш!».

***

«Так я расстался с ними, — пишет Баньян в своем «Сообщении» о первом заключении, которое было впервые напечатано в 1765 году. — И могу честно сказать: я благодарю Господа за то, что мое сердце укрепилось и освежилось как во время допроса, так и после того, как меня снова возвратили в тюрьму. Я понял, что слова Христа не пустые обещания, когда Он говорит: ‹Ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам›. Его мир никто не может отнять у нас».

***

Здесь, в своей камере, он и услышал ликование в честь епископа Линкольнского, когда тот приехал в Бедфорд.

Глава 22

Втюрьме

…Возвещать тайну благовествования,
для которого я исполняю посольство в узах.
Еф. 6:19-20

Когда пойдешь, принеси… книги.
2 Тим. 4:13

Всякий поступай по удостоверению своего ума.
Рим. 14:5

Элизабет Баньян всю в слезах из зала суда вывел друг ее мужа. Он, как и другие члены церкви в Бедфорде, присутствовал на судебном процессе. Жена Джона Баньяна пошла домой, чтобы излить свое сердце перед Господом.

Слепая Мэри и маленькая Элизабет плакали вместе со своей второй матерью. Другие дети с удивлением смотрели на них. Некоторые братья и сестры из церкви собрались для молитвы у Элизабет, другие — у Джона Фенне.

Элизабет была сильной, энергичной женщиной. Она уже до замужества знала, что ее муж однажды станет жертвой реакционных сил страны, так как после периода свободы вероисповедания в стране снова царили строгие законы вернувшихся к власти.

В этот вечер она плакала не о себе, но о любимом муже и детях. О, с какой силой она взывала: «Отче наш, сущий на небесах.… Дай нам — этим невинным детям и их отцу в тюрьме — сегодня насущный хлеб!» Ее рыдания при мысли о малышах побудили бедную слепую Мэри подойти к ней.

— Мама, — сказала девочка, — я хочу помогать тебе зарабатывать насущный хлеб.

Она даже не подозревала, как скоро ей придется делать это.

Элизабет этой ночью так и не смогла уснуть.

Джон Баньян провел ночь в молитве и при этом обдумывал все, что он пережил в этот день в часовне. Может, все это было сном?

На следующее утро Элизабет с детьми пошла к окружной тюрьме, чтобы попрощаться с любимым мужем и отцом. Его держали под стражей, но обращались с ним как с должником, а не как с преступником, и поэтому разрешили свидание с женой и детьми. Баньян смирился со своим положением и надеялся на скорое освобождение. Он дал Элизабет некоторые указания относительно домашних и других личных дел и попросил принести Библию и симфонию. (Позднее Баньян говорил, что здесь в тюрьме многие места Писания, которые раньше ничего не говорили ему, осветились для него ясным светом.) В вопросе обеспечения семьи он полагался на Бога, Который будет вести их и заботиться о них.

Когда Элизабет с детьми собралась уходить, Джон Баньян по-настоящему понял, что значит быть заключенным. В его ушах звучали яростные слова сэра Джона Келинджа: «Тогда это будет стоить Вам головы!» А если дело действительно дойдет до этого? И выдержит ли его вера длительное заключение?

«Прощание с женой и бедными детьми, — писал позднее Баньян, все еще сидя в тюрьме, — было для меня таким мучительным, как будто мое тело разрывалось на части. Перед моим взором снова и снова вставали все нужды, страдания и заботы, которым была подвержена моя бедная семья, если я совсем буду взят от нее. Тогда я особенно думал о моей бедной слепой дочери, о которой я переживал больше всех. Когда я думал обо всех страданиях, что встретятся моей девочке, мне казалось, что мое сердце не выдержит!»

Когда шаги ушедших стихли вдали, Джон Баньян упал на колени и излил свое сердце перед Богом. И когда искуситель шептал ему на ухо: «Скажи, что ты не будешь больше проповедовать», — мысли Баньяна опять полетели к жене и детям, которые были лишены кормильца и теперь зависели от милости других. Его слепая девочка все больше становилась похожей на свою мать, и он громко сказал: «Бедное дитя, твой удел в этом мире — скорбь и горе! Тебя будут бить, ты должна будешь просить милостыню, голодать, переносить холод и многие другие страдания, в то время как я охотно уберег бы тебя от малейшего сквозняка. Я должен вас полностью доверить Богу, хотя мое сердце разрывается! Я подобен человеку, который разрушает крышу над головой своей семьи. Но — я не могу иначе! Я просто не могу иначе!» Слезы прервали его слова.

Он все еще стоял на коленях, обхватив голову руками, когда открылась дверь, и вошли Элизабет с Мэри. Они принесли книги.

Джон Баньян поднялся, чтобы обнять своих любимых, и сердце его стало успокаиваться.

— Элизабет, — сказал он, — мои слезы были ошибкой. Наш милостивый Бог послал мне слово: «Оставь сирот твоих, Я поддержу жизнь их, и вдовы твои пусть надеются на Меня» (Иер. 49:11). Дорогая жена, Бог показал мне еще больше: «Господь сказал: конец твой будет хорош, и Я заставлю врага поступать с тобою хорошо во время бедствия и во время скорби» (Иер. 15:11). Дорогая Элизабет, если я не отступлюсь ради Господа, Он возьмет мои дела в Свои руки. Если же я оставлю Его, из страха перед бедствиями, которые могут настичь моих близких и меня, тогда я не только отрекусь от веры, но и мои дела не будут иметь успеха, если я возьму их в свои собственные руки и отвергну пути Божьи. Поэтому я все хочу сложить к Его ногам, пока я страдаю за дело Божье.

Элизабет Баньян согласно кивнула головой.

***

Напряжение прошедших дней и заботы о насущном хлебе лишили Элизабет Баньян настоящей радости. Ее неожиданная болезнь еще более увеличила переживания ее мужа.

***

Арест Джона Баньяна укрепил работников юстиции в решении лишить свободы и других верующих, и окружная тюрьма открыла свои ворота для многочисленных нонконформистских проповедников Евангелия.

***

Через одиннадцать недель после ареста Джон Баньян предстал перед мистером Коббом, мировым судьей.

Сердечным тоном мистер Кобб приветствовал лудильщика:

— Сосед Баньян, как Ваши дела?

— Спасибо, хорошо, милорд, — ответил заключенный, — очень хорошо, слава Господу!

— Я пришел, — объяснил Пол Кобб, — чтобы сообщить Вам, что все ожидают Вашего подчинения закону страны, иначе, — он

делает ударение на каждом слове, — иначе, на следующем заседании окружного суда Вам придется плохо. Вас могут даже изгнать из королевства — или может случиться еще хуже!

Джон Баньян заверил своего посетителя, что он поступит как джентельмен и христианин. Кобб посоветовал ему подчиниться. Судьи просили его предупредить Баньяна, что они поступят с ним по всей строгости закона. Баньян ответил, что закон не против проповедников и их собраний, но против тех, которые под маской благочестия имеют злые намерения. Мировой судья напомнил о недавнем восстании в Лондоне, которое под скромным предлогом имело целью ни больше, ни меньше, как свержение королевской власти. Этим он намекнул на Томаса Веннера и его буквальное толкование книги Откровения, который в январе 1661 года с помощью пятидесяти человек предпринял глупую попытку силой установить «монархию Царя Христа» в Лондоне, после чего правительство строже стало относиться к нонконформистам. Баньян сказал, что подобные действия ему чужды, и заверил свою преданность королевской власти и лояльность по отношению к правителю, как на словах, так и на деле.

— Хорошо, — сказал Кобб, — но я бы хотел, чтобы Вы еще раз обдумали этот вопрос, сосед Баньян, и сами подчинились. Правительство решительно против этих Ваших тайных встреч.

— Если разрешено делать добро одному, то и двоим, или четверым, или восьми, — заметил Баньян.

— Да, конечно, —подтвердил Кобб, — и сотням, я Вас уверяю.

Баньян повторил свое мнение, что законы со времен Елизаветы направлены только против тех, которые под маской религии преследуют другие цели, но не против проповеди в том виде, как он совершает ее.

— И, — добавил он, — если я предприму или скажу что-то, что не достойно честного человека или христианина, я готов принять любое наказание! Мы не собираемся тайно, будто что-то скрываем от общественности. Если кто-то найдет в моем учении или в моих поступках какое-нибудь заблуждение или ересь, я тут же готов покаяться в этом даже на рыночной площади. Но если я говорю правду, я буду стоять за это до последней капли крови. Я не еретик, так как остерегаюсь защищать что-то, что

идет против Слова Божьего. Докажите мне, что в каком-нибудь моем убеждении есть заблуждение, и я отрекусь от него! — горячо воскликнул он.

— Но, дорогой Баньян, — возразил Кобб, которому нечего было на это ответить, — не можете ли Вы все же подчиниться, и делать столько доброго, сколько возможно в Вашем близком кругу, не собирая таких собраний?

Джон Баньян стал объяснять Полу Коббу, что он просто не осмеливается не использовать ко благу людей данный ему Богом талант. Кобб осторожно спросил его, может, Баньян слишком много думает о своем даре, и не может переносить проповеди другого. Баньян ответил на это, что он охотно слушает других и учится от них, как и сам хочет проповедовать и учить. Мистер Кобб посоветовал ему, на некоторое время отступить на задний план и тихо посидеть, «пока, — несколько смелее добавил он, — пока Вы не увидите, как будут развиваться обстоятельства».

— Сэр! — твердо ответил Баньян, — Уиклиф говорит: кто перестанет проповедовать и вникать в Слово Божье, так как боится, что люди отлучат его от церкви, тот уже отлучен Богом, и в день суда предстанет как предатель Христа!

Упрямый Кобб сделал вид, что не расслышал, что говорил Уиклиф, и попытался подойти с другой стороны:

— Можете ли Вы допустить, чтобы Ваш так называемый «дар» подвергся обсуждению двух независимых личностей?

Баньян также не сдавался и спросил:

— Вы непогрешимы?

Коббу пришлось признать, что нет.

— Тогда, — сказал Баньян, — мое суждение может быть таким же правильным, как и Ваше.

Снова и снова Пол Кобб пытался образумить заключенного. Он начал расспрашивать его о толковании Писания. Баньян объяснил ему на некоторых примерах, как для него одно место Писания объясняется другим.

Не выпуская из виду свою цель, мировой судья сделал еще одну попытку образумить Баньяна и спросил, подчинится ли он решению церкви.

— Конечно, господин, — ответил Баньян, — решению Церкви Божьей.

После последовавшей пространной дискуссии растерянный Пол Кобб снова принялся уговаривать Баньяна.

— Хорошо, сосед Баньян, — проговорил он как можно приветливее, — я действительно от сердца желаю, чтобы Вы до следующего допроса высшей судебной инстанции хорошо обдумали все эти вопросы и подчинились. — И с искренней заботой он добавил: — Я прошу Вас, покоритесь! Почему Вы хотите довести дело до того, чтобы Вас выслали из страны в Испанию или в Константинополь или в какое-нибудь другое пустынное место? Я прошу Вас, покоритесь!

Стражник, который уже долгое время гремел ключами, чтобы показать, что его терпение подходит к концу, не выдержал:

— В самом деле, если бы он только захотел уступить, сэр!

Джон Баньян оставался невозмутимым, но попытался объяснить судье, что всегда старался быть кротким и благопристойным, и, ссылаясь на Божью поддержку, объявил, что считает такое обращение с ним незаслуженным.

— Я говорю это перед лицом Божьим! — торжественно добавил он.

Пол Кобб напомнил ему, что все власти от Бога. И Баньян подтвердил свою готовность покориться королю и его наместникам. Кобб ухватился за этот ответ, как за соломинку и быстро проговорил:

— Вот видите, сосед Баньян, а ведь король не разрешает Вам тайные встречи, так как они против его закона, а он поставлен Богом!

— Сэр, — ответил Баньян, — закон оставляет открытыми два пути послушания: один состоит в том, чтобы активно делать то, что я считаю своей обязанностью, и другой — где я не в состоянии быть активно послушным, но готов взять на себя то, что на меня в данном случае налагают.

Пол Кобб, мировой судья, не знал, что ему на это ответить, и уставился в потолок. Затем он встал, с глубоким разочарованием на лице подал лудильщику руку и без слов повернулся к двери.

Джон Баньян пожал предложенную руку мирового судьи и с глубоким волнением сказал:

— Я очень благодарен Вам, мистер Кобб, что Вы так благожелательно и с таким расположением беседовали со мной!

«Мы разошлись. О, как бы мне хотелось встретить его на небе!»

Глава 23

Элизабет Баньян и «Лебединый зал»

На что только не способна самая кроткая женщина,
если сильная любовь возбуждает ее дух!
Роберт Саути, «Мадог»

Тюремное заключение Джона Баньяна описано как гонимыми так и гонителями. Конечно, разумно рассмотреть обе стороны, чтобы получить более полную картину. Без сомнения, он страдал во время своего долгого заключения, но он пользовался и определенной свободой и имел возможность видеть свою семью и друзей.

Дело в том, что тюремная реформа другого известного бедфордца, Джона Говарда, была проведена только в следующем столетии. Тюрьма, в которой сидел Баньян, побудила благотворителя Говарда побеспокоиться об улучшении условий содержания заключенных во всей Англии и в Уэльсе.

В 1666 году товарищ Баньяна по заключению, Джон Бабб, подал петицию королю. После года заключения в Бедфордской тюрьме он писал, что страшно мучится в этом ужасном месте и что, если король не освободит его, то он, конечно, погибнет там. Этот человек сидел за убийство, но даже мистер Френсис Уингейт из Харлингтона поддержал эту петицию.

Луч надежды осветил сердце Джона Баньяна, когда по случаю коронования короля Чарльза II вся страна наполнилась радостным волнением. «В честь коронования короля, — писал Баньян после своего освобождения, — обычно освобождаются различные заключенные, и к числу помилованных, собственно говоря, должен был бы принадлежать и я. Но они обошлись со мной как с преступником, который может быть помилован только по так называемому ходатайству о помиловании». Тысячи заключенных получили свободу в честь этого дня, но Баньян все еще оставался в тюрьме, как некогда апостол Павел. «После чего, — так говорил он, — я остался в тюрьме до следующего судебного разбирательства, которое состоялось в августе 1661 года».

Через свою жену Элизабет Баньян три раза подавал прошение своим судьям и сердечно просил, чтобы его выслушали и беспристрастно рассмотрели его случай.

В первый раз Элизабет Баньян пошла к сэру Мэттью Хейлу, который стал судьей в 1653 году, а с 1671 по 1676 годы был главой судебной и исполнительной власти в Англии.

О личности Хейла написано в вышедшей в 1682 году в Лондоне книге Бернета «Жизнь и смерть сэра Мэттью Хейла»: «Никогда в моей жизни я не видел одновременно столько благородства и приветливости, и при этом столько жизнерадостности во взгляде и движениях, как у этого человека, и это вызвало во мне огромное восхищение. Короче, он всю жизнь был образцовым человеком».

«Когда моя жена пошла первый раз, — писал Баньян, — она передала петицию судье Хейлу, который милостиво принял ее и сказал, что постарается сделать для нее и для меня все, что в его силах, но боится, что здесь он ничего не сможет изменить».

Элизабет была немного подавлена такими неопределенными словами судьи, но не теряла надежды. Она хотела показать петицию еще другому судье — Твисдену. Но так как ей не удалось передать ему бумагу лично, как Хейлу, она пыталась привлечь его внимание тем, что недолго думая забросила документ в его карету, когда он ехал на судебное разбирательство через Бедфорд. Но Твисден возмущенно остановил ее и сказал, что ее муж — приговоренная личность, и не может быть освобожден до тех пор, пока не пообещает никогда больше не проповедовать.

Но этот отпор скорее подстегнул ее, чем разочаровал, и жена Баньяна смело пошла в судебную палату и снова подала петицию находившемуся там судье Хейлу. К сожалению, Хейл был не один. Сэр Генри Честер, дядя Уингейта, разрушил все ее надежды. Он подошел к судье Хейлу и сказал:

— Джон Баньян осужден правильно. Он настоящий возмутитель спокойствия, сэр Мэттью Хейл, не вмешивайтесь в это дело!

После этого судья сказал Элизабет, что он не может ходатайствовать в этом деле, и вежливо отпустил ее.

Но, не взирая на это, жена Баньяна не сдавалась и со слезами пошла за советом к главному шерифу, о милосердии которого была наслышана. Она смело зашла к нему, и мистер Эдмонд Уайлд, так его звали, приветливо принял ее и посоветовал пройти в «Лебеди-

ный зал», где как раз проходило заседание суда. Ободренная, она, как неотступная вдова в Евангелии, осмелилась войти в присутствие высокопоставленных лиц, имеющих право судить. Она хотела сделать все, что было в ее силах, прежде чем они оставят этот город.

После того как Элизабет пробила себе дорогу среди снующих взад-вперед служащих, она вошла в великолепное помещение и внезапно оказалась перед большим числом судей и юристов. Ее глаза были так затуманены слезами и горем, что она не воспринимала торжественности этой сцены. Красные мантии ничего не значили для нее, в ее сознании было только одно: ее муж в тюрьме, и она желает добиться его освобождения.

Красная от волнения и с бьющимся сердцем, она подошла, пренебрегая всеми традициями, к судье Хейлу и с душевной горечью воскликнула:

— Милорд, я осмелилась предстать перед Вами, чтобы узнать, что можно сделать для моего любимого мужа!

Ломая в отчаянии руки, она заплакала. Все присутствующие пришли в волнение: жена лудильщика осмелилась зайти в судебный зал и без адвоката обратиться к суду — беспримерная дерзость!

Придя в себя, судья Хейл строго обратился к Элизабет:

— Женщина, я уже сказал, что ничего не могу сделать для тебя, так как твой муж осужден на основании его же собственных слов. И пока он не отречется от сказанного, я ничего не могу сделать.

— Милорд, — в отчаянии произнесла она вопреки всем порядкам, — его несправедливо держат в тюрьме. Его посадили прежде, чем вышел декрет запрещающий собрания, и осудили его тоже неправильно. К тому же, милорд, его вообще не спросили, считает ли он себя виновным или нет, и он не признавал себя виновным! — И она снова громко зарыдала.

Страдания ее души произвели на судей глубокое впечатление, и в зале наступило гробовое молчание, которое прерывалось только ее горькими рыданиями. Наконец, когда Элизабет Баньян уткнулась лицом в свою шаль, один из советников юстиции, откашлявшись, заметил:

— Милорд, он осужден по закону.

— Это неправда, неправда! — горячо запротестовала женщина и добавила: — Когда его спросили, что он может ответить

на выдвинутое против него обвинение (и сцена в часовне вновь предстала перед ее взором), он только сказал, что был на многих собраниях, проповедовал там Слово, молился, и Бог был посреди них, — последние слова она сказала уже совсем спокойно.

Но судья Твисден не дал жене лудильщика договорить. Он все еще не мог простить ей, что она бросила ему в карету свою петицию, и сердито закричал на нее:

— Вы что думаете, что можете делать здесь все, что хотите? Ваш муж нарушитель спокойствия и осужден по закону!

Судья Хейл попросил книгу уставов, и Элизабет умоляюще обратилась к нему:

— Ах, милорд, его осудили не по закону, нет, нет!

Сэр Генри Честер, который понимал, что председательствующий теперь основательно займется этим материалом и поймет, что лудильщик осужден только по произволу судей, обратился к сэру Мэттью Хейлу:

— Милорд, его приговор имеет законную силу.

— Это неправда! — возмутилась глубоко потрясенная женщина. — Слова из разговора были изложены как признание вины. Вы сами только что слышали.

— Но у нас имеются письменные доказательства, женщина, письменные доказательства! — ответил ей Честер.

Этим он хотел лишить дело остроты. И так как жена Баньяна неотступно повторяла свое объяснение, сэр Генри так же часто повторял свое утверждение: «У нас имеются письменные доказательства!»

Но настойчивая женщина не теряла надежду и снова обратилась к Хейлу:

— Милорд, я была недавно в Лондоне, чтобы узнать, что я могу сделать для освобождения моего мужа. Там я разговаривала с лордом Барквудом, который является членом палаты лордов, — Элизабет выпрямилась, — ему я отдала петицию, и он принял ее. — Затем она взволнованно добавила: — Чтобы добиться освобождения моего мужа, я показала ее и другим членам палаты лордов (господа в «Лебедином зале», удивленные бесстрашием жены лудильщика, недоверчиво переглянулись), которые, — она задрожала при этих словах, — которые, прочитав ее, сказали мне, что они не могут сами отпустить его, но

рекомендуют судьям освободить его на следующем судебном заседании! Вот что они сказали мне, и теперь, милорд, я пришла к Вам, чтобы узнать, что можно сделать по этому вопросу. — Она посмотрела судье в глаза, чтобы узнать его настоящие мысли, и с новым потоком слез добавила: — Вы же не даете мне ни освобождения, ни защиты.

Глубокое молчание было ответом на поток слов, и только Честер несколько раз зло прошипел:

— Он осужден! У нас имеются письменные доказательства!

Элизабет повернулась к нему и довольно строго сказала:

— Если это так, тогда это неправильно!

Сэр Генри Честер беспокоился прежде всего о том, чтобы судья не поднял документы о судебном разбирательстве от 3 апреля прошлого года, и обратился к Хейлу:

— Милорд, лудильщик — это чума, во всей стране нет подобного ему!

Судья Твисден презрительно посмотрел на женщину:

— Если твой муж согласен перестать проповедовать, тогда пусть его приведут сюда.

— Милорд, — печально ответила она, видя в этом искушение, — он не осмелится оставить проповедь, пока способен говорить.

На это Твисден, обращаясь к своим коллегам, презрительно сказал:

— Вы слышали? Что нам еще говорить об этом парне! Он думает, что может делать все, что ему нравится! Он нарушитель спокойствия!

Элизабет снова принялась утверждать, что ее муж хочет жить в мире со всеми людьми, хочет работать по специальности и кормить свою семью, и добавила:

— Милорд, у меня четверо маленьких детей, и я не могу одна заботиться о них, к тому же один ребенок слепой, и, — она вздохнула, — у нас нечего кушать, и мы вынуждены рассчитывать только на милость людей!

— У тебя четверо детей? — спросил судья Хейл отеческим тоном. — Ты еще слишком молода, чтобы иметь четверых детей.

— Милорд, — объяснила жена лудильщика, — я только мачеха для них, я только два года замужем. Когда моего мужа первый

раз арестовали, я была такой молодой и неопытной в этих вопросах, что эта новость повергла меня в невыразимый страх.

Сэр Мэттью Хейл с состраданием посмотрел на нее и вздохнул:

— Бедная женщина!

Судья Твисден, наоборот, стал утверждать, что она кокетничает своей бедностью, и саркастически добавил:

— Я понимаю, Ваш муж неплохо зарабатывает, когда он то там, то здесь проповедует, вместо того, чтобы заниматься своим ремеслом!

— Каким ремеслом? — спросил судья Хейл.

— Он лудильщик, милорд, лудильщик! — хором ответило ему несколько голосов с насмешкой и презрением.

— Да, милорд, — быстро подхватила Элизабет Баньян эти насмешливые слова, — и так как он беден, его презирают, и он не имеет никакой защиты!

Хейл, обращаясь к ней, сердечно произнес:

— Я советую тебе, женщина, если это так, что показания твоего мужа были приняты за признание вины, тогда тебе нужно обратиться к королю или подать ему прошение о милости или добиться пересмотра дела.

Этот совет вызвал гнев сэра Генри Честера, и он обиженно сказал:

— Тогда, милорд, он будет проповедовать и делать то, что ему заблагорассудится!

— Он проповедует не что иное, как Слово Божье! — защитила Элизабет своего мужа.

— Проповедует Слово Божье! — зло прошипел судья Твисден и так угрожающе посмотрел на бедную женщину, что она испугалась, как бы он не ударил ее: — Он носится по стране и причиняет большой вред!

— Нет, милорд, — ответила она, — это неправда, это неправда! Бог избрал его и совершил через него уже много доброго.

— Бог! — прорычал Твисден, — Бог! — его учение от дьявола!

— Милорд, — воскликнула оскорбленная женщина, — милорд, в день праведного суда, все узнают, что учение моего мужа не от дьявола!

Твисден обращаясь к Хейлу проговорил полуповелительным полупросительным тоном:

— Милорд, не обращайте на нее внимания и выбросьте ее отсюда!

Это настойчивое требование коллег наконец возымело свое действие, и Хейл сказал Элизабет Баньян:

— Мне очень жаль, женщина, но я ничего не могу сделать для тебя. Тебе нужно попытаться выполнить одно из трех моих предложений, а именно: самой обратиться к королю, добиться от него помилования или пересмотра дела, — и, глядя на бедно одетую жену лудильщика, он добавил с состраданием: — Пересмотр дела самый дешевый.

Честер, красный от ярости, заскрипел зубами, сорвал с головы шляпу и стал яростно чесать затылок.

Элизабет до самого конца надеялась, что позовут ее мужа, чтобы он сам мог постоять за себя. Когда же она поняла, что об этом нет и речи, она залилась слезами. Плакала ли она только о муже? Нет, и о тех людях, которых она оставляет теперь, и которым придется однажды отвечать за свои действия перед Богом.

Судьи потребовали книгу уставов, и что дальше там происходило, нам не известно. Без единого утешающего слова они отпустили назойливую женщину.

Элизабет Баньян вышла.

Глава 24

Узник

Мне было показано, что если я хочу страдать ради Бога угодным образом, то вначале я должен вынести смертный приговор всему земному, что окружает меня в этой жизни. Я должен считать себя мертвым по отношению к моей жене, детям, к моему здоровью, к моей работе, даже к себе самому.

Джон Баньян

Между судебными заседаниями осенью 1661 года и весной 1662 года Баньяну удалось, хотя и безуспешно, поставить свое имя в список, по которому проходили судебные разбирательства для заключенных. В действительности против него так и не было возбуждено дело. Он сам рассказывал: «Когда пришло следующее судебное заседание, десятого числа одиннадцатого месяца, я, невзирая ни на что, рассчитывал на честное обращение, но день прошел, а меня так и не вызвали. Так я ждал до следующего заседания, которое должно было состояться девятнадцатого числа следующего месяца». Баньян попросил стражника записать его имя в список преступников. Он надеялся, что таким образом его вызовут. Баньян говорил: «Я познакомился с судьей и главным шерифом, которые пообещали мне, что я буду вызван. Но все было напрасно, так как юристы и мировой судья выработали такой план, что до меня не доходила очередь, хотя я был в списке. И я знаю, что мировой судья был моим самым сильным противником». Стражник делал со своей стороны все, чтобы помочь Баньяну. Но Пол Кобб, который узнал об этом, пригрозил, что ему придется нести судебные издержки. «Итак, — жаловался Баньян, — мне не позволяли предстать перед судьями, и мне приходилось оставаться в тюрьме».

Отношение к Джону Баньяну во время его заключения менялось с переменой начальства. Одно время он даже пользовался правом свободного передвижения. Он рассказывал: «Между обоими судебными заседаниями стражник дал мне больше свободы, чем вначале». Баньян использовал дарованное ему право свободного передвижения для проповеди и «посещал народ Божий, чтобы увещать их твердо стоять в вере в Иисуса Христа и остерегаться ради внешнего спокойствия принимать всеобщий молитвенник».

Он даже побывал в Лондоне, чтобы иметь там общение с другими христианами. Об этой поездке услышали враги, они «пришли в бешенство и чуть было не выгнали стражника и не завели на него судебное дело». Они предполагали, что он планирует заговор или хочет возбудить беспорядки, «что — Бог знает — было только сплетнями». После этого случая Баньяну запретили даже выходить за двери, и началось его строгое заключение.

После того как Баньян потерял надежду на освобождение или на нормальный ход процесса, он смирился со своим положением и стал размышлять о том, как ему лучше использовать время, чтобы, прежде всего, помочь своей жене и детям. О том, чтобы заняться своим ремеслом, не могло быть и речи, поэтому нужно было придумать что-нибудь другое, чтобы заработать. В данных обстоятельствах лучше всего было заняться плетением шнурков, которые он продавал странствующим торговцам или сам вместе со слепой дочерью предлагал у ворот тюрьмы прохожим.

Некоторые его друзья, которые и дальше пытались помогать ему, сами вступили в конфликт с законом.

Анонимный писатель книги «Жизнь и смерть мистера Джона Баньяна, проповедника Евангелия в Бедфорде» в последнем десятилетии семнадцатого века повествует: «В первый раз я увидел Баньяна, когда посетил его в тюрьме. Кроме него, там было более шестидесяти диссентеров, которых незадолго до этого посадили в тюрьму за религиозные собрания в графстве Бедфорд. Среди них было двое известных нонконформистских проповедников — мистер Уилер и мистер Дан (Доне). Тюрьма была переполнена. Но среди всего беспокойства, которое причинили новоприбывшие, я слышал, как мистер Баньян, исполненный духом веры, молился и проповедовал с такой Божественной силой, что я мог только удивляться».

Тот же самый неизвестный писатель подтверждает, что Баньян заботился о своей семье, своими руками сплетая тысячи шнурков. «Там я также, — продолжает биограф, — видел его библиотеку, самую маленькую и самую замечательную из тех, которые мне когда-либо приходилось видеть. Она состояла из двух книг: Библии и книги о мучениках».

Для нас намного важнее его служение проповедника и писателя, чем изготовителя шнурков, так как в течение шести лет тюрьмы его перо не бездействовало.

Утешение, получаемое в общении с братьями играет очень большую роль. И Джон Баньян, должно быть, благодарил Бога за своих друзей, которые часто посещали его в тюрьме! К нему часто приходили Джон Фенне, шляпник с главной улицы, его брат Самуил, а также пасторы Джон Доне и Уильям Уилер, которые были изгнаны из своих приходов — один из Петенхола, а другой из Блунхэма. (В 1662 году почти две тысячи пасторов были отстранены от служения, потому что они не могли исполнить принятый закон — издатель). Его также посещали благочестивый Сэтлер из Блунхэма и Джон Райт. Вскоре всем им пришлось пойти путем мучеников.

Братские общения в этих печальных обстоятельствах помогали скоротать долгие часы. Как духовный руководитель, Джон Баньян не забывал души, которые нуждались в его служении. Поэтому ежедневно в определенное время он оставлял работу над своими шнурками.

Один из его товарищей по заключению как-то спросил его:

— Брат Баньян, что это ты так усердно пишешь?

— Да так, мелочи, — ответил скромный лудильщик, но по просьбе согласился прочитать вслух одну из 186 строф «Полезных наблюдений» — его первой книги, написанной в тюрьме.

— Прочитай этот стих еще раз! — попросил его другой слушатель, и Баньян читал:

Бедный грешник, послушай меня,
Я приношу тебе добрую весть высшего значения:
О человек, взирай на прекрасные небесные дары,
Когда твое сердце отвернется от греха.

— В этих стихах Евангелие! Пошли это брату Френсису Смиту, который живет в Элефант эн Кассл в Лондоне, — посоветовал ему друг, — я уверяю тебя, он напечатает это.

Сборник стихов и правда вскоре был напечатан. Сегодня единственный сохранившийся экземпляр этого издания хранится в Британском музее. Тогдашний читатель написал под именем автора: «Лудильщик, теперь в тюрьме в Бедфорде, 1664 г.».

Однажды в воскресенье Баньян выбрал текст из 1 Кор. 14:15: «Стану молиться духом, стану молиться и умом». В проповеди он изложил свои убеждения о молитве в духе. Он делал это так убедительно, что один из слушателей посоветовал ему записать эти мысли на бумаге и напечатать их.

— Но, — сказал один из братьев, — издай это сам, брат, почему другой должен извлекать выгоду от продажи? Ты же можешь использовать эти деньги для себя и своей семьи!

Так был опубликован в Лондоне томик с припиской: «Напечатано для автора». (В то время только четыре города в Англии имели лицензию на печать.)

Френсис Смит (известный под именем «Элефант» Смит) очень желал сохранить в своих руках издание книг своего друга и обещал напечатать все, что напишет заключенный. Позднее Баньян проповедовал о христианской жизни и сказал, что верующий должен быть живым христианином. Он говорил: «Остерегайтесь быть только нарисованным огнем, в котором мало тепла, нарисованными цветами, которые не пахнут, и нарисованными деревьями без плода». «Запиши и пошли Смиту!» — решили его слушатели. И в свет вышла новая книга: «Христианское поведение — плод истинного христианства» Джона Баньяна, заключенного, имеющего живую надежду, который написал на последней странице: «Я приветствую вас из моего заключения в Бедфорде. Сегодня семнадцатое число четвертого месяца 1663 года». Баньян писал эти слова, прекрасно понимая, что в любое время может из тюрьмы попасть на эшафот — таким неопределенным было его положение в эти критические дни.

Дни и недели складывались в месяцы и годы, а Баньян все еще находился в заключении. Тюрьма была теперь уже не такой полной, так как многих его друзей отпустили на свободу, ведь срок заключения зависел как от приписываемого правонарушения, так и от произвола служаших юстиции. Кроме того, решение отдавалось на произвол служащих юстиции.

В конце 1665 года были изданы по меньшей мере три проповеди: «Одно только нужно! Серьезное размышление о последнем времени», «Святой город» и «Воскресение мертвых». Кроме этого, вышла «Гравюра», содержащая причины и следствия спасения и погибели, затем — «Гевал и Гаризим» — стихотворение и книжечка со стихами под названием «Тюремные размышления». В ней Баньян от всего сердца мог сказать:

Пусть наше тело страдает,
Живя в цепях и кандалах.
Но несмотря на это, чрез веру во Христа,

Я могу подняться над всем.
Решетка не может угасить дух,
И не может отлучить меня от Бога.
Вера не может быть в оковах,
В конце я выйду победителем.

Баньян, в котором товарищи по заключению видели своего руководителя, однажды собрал их на богослужение. Когда он поднялся, чтобы проповедовать, все притихли в ожидании проповеди, но вместо этого он вдруг сел и склонился над Библией на своих коленях. Заключенные посмотрели друг на друга, затем — на проповедника. Джон Баньян снова и снова озабоченно разглядывал печатные знаки на открытой перед ним странице. Но постепенно тени рассеялись, и, поднимаясь, он поднял глаза к небу. Его лицо сияло, когда он провозгласил текст «Славное возвещается о тебе, град Божий!» (Пс. 86:3) и «А имя городу с того дня будет: Господь там» (Иез. 48:35). Эту проповедь можно прочитать в книге «Святой город», в предисловии которой сказано: «Я думал, что не смогу сказать им и пяти слов истины, которые содержали бы жизнь и были бы достаточно ясны. И тогда я со вздохом принес свои мысли Господу, чтобы Он благословил, что Он и сделал в Своем милосердии. Он помог мне, чтобы я мог дать братьям, и мы все ели и ободрились».

— Брат Баньян, почему ты не запишешь на бумагу все переживания, которые были у тебя с тех пор, как ты ступил на путь жизни?

Джон Баньян не сразу ответил. Какой интерес представлял для других людей жизненный путь странствующего лудильщика?

— Мне нечего писать о себе, мой друг, кроме того, что я некогда был слеп, а теперь вижу. Однажды я был погибшим грешником, а теперь я спасен через Божью благодать. Да прославится Его имя!

— Тогда запиши это. Все церкви в графстве Бедфорд будут приветствовать такую книгу.

***

Однажды Баньян взял в руки перо. Ему не нужно было долго думать, какое название дать новой книге. Это была история, которую он очень часто рассказывал в те трудные годы, когда Бог так милостиво вел и оберегал его.

«По благодати вы спасены, — размышлял лудильщик. — Да, да, и по благодати вы сохранены!» — добавил он. Он написал название: «Преизобилующая благодать — для Джона Баньяна». «Нет! Это только имя. Кто я?» И быстро нашел ответ: «Первый из грешников!» Так он и написал.

После того, как Джон Баньян нашел название, он решил эту книгу кому-то посвятить, и написал: «Тем, кого Бог удостоил меня через свое Слово пробудить к вере». Его перо так и летело по бумаге: «Дети, благодать да будет с вами. Аминь. Так как я не могу находиться среди вас, но должен сидеть здесь, поэтому я не могу исполнить возложенную на меня Богом обязанность, учить вас и дальше вере и святости, но я хочу достичь вас таким образом, так как я очень желаю, чтобы вы достигли желаемой пристани…»

«Бог не шутил, когда победил меня; дьявол не шутил, когда искушал меня; но и я не шутил, когда опустился в бездонную, глубокую яму. Поэтому я и сейчас не хочу шутить, рассказывая об этом, но скромно и просто буду описывать события так, как они происходили». Оглядевшись в безутешной тюрьме, он продолжает: «Мои возлюбленные дети, молоко и мед находятся за пустыней. Бог да будет милостив к вам и да поможет вам, чтобы вы не ленились взять землю себе в наследие».

К своей книге он добавил предисловие: «Короткое сообщение о чрезвычайной благодати Божьей во Христе по отношению к бедному слуге Джону Баньяну».

Так Баньян, заключенный ради Евангелия, издал труд, который профессор литературы Оксфордского университета доктор Дж. В. Макаил, назвал «самой великолепной духовной автобиографией».

Баньян долго трудился над этой книгой. Когда она была готова, он прочитал ее друзьям, и она нашла их сердечное одобрение. Кто может напечатать ее? «Ну конечно же Элефант!» Но, к сожалению, это было невозможно, так как Смит — крещенец — «человек благочестивый и всегда довольный во всех обстоятельствах жизни», — именно сейчас страдал за имя Господа. «Тогда пусть ее напечатает Джордж Ларкин!» Ему передали рукопись и молодой человек 22-х лет, живущий за Бишопсгейт, взялся печатать эту книгу.

«Преизобилующая благодать» вышла в свет, в то время, когда Джон Баньян вышел из тюрьмы — к сожалению, только на короткое время.

Глава 25

Дома!

Как по-домашнему звучит собаки верной лай!
Родимый кров приветствует его, которого надолго он лишился.
Какое радостное чувство, что глаза светлеют,
Когда с чужбины мы возвращаемся домой!
Лорд Байрон

Освободившись из тюрьмы, Джон Баньян сразу же пошел домой. Он поцеловал свою мужественную жену и крепко прижал к себе свое слепое дитя. При этом оба плакали.

— Моя сладкая малышка! — (Она всегда останется для него такой) — Как ты похудела! Чего тебе недостает, мое самое любимое сокровище?

Элизабет вздохнула и взглядом попросила мужа не говорить в присутствии дочери о ее здоровье. Джон Баньян тоже тяжело вздохнул. Девочка все больше становилась похожей на свою мать! Но она таяла на глазах, и он подумал: «Господь дал ее мне — Господь и возьмет ее от меня... Да будет имя Господне благословенно». Его окружили другие дети, им тоже хотелось, чтобы он прижал их к себе. Наконец он, обернувшись, обнаружил полку, на которой стояли оставшиеся экземпляры его изданий. Он коротко полистал некоторые из них, но только чтобы посмотреть качество печати. Мальчикам не терпелось показать ему мастерскую, и здесь он вспомнил тот день, когда отложил инструменты, чтобы взять на себя крест.

— Папа, посмотри сюда! — воскликнул двенадцатилетний Джон. — Смотри, чему научил меня мастер Холтон! — и он с гордостью показал отцу образец своего искусства.

— Джон Холтон? — переспросил Баньян.—Он стал твоим Тувалкаином, мой мальчик?

Джон Холтон был кузнецом и лудильщиком в Бедфорде, и его частые посещения Баньяна в тюрьме свидетельствовали о его доброжелательности. И хотя он не исповедовал открыто свою веру, но все же считал своим долгом помогать «вдове» и «сиротам».

Вновь воссоединенная счастливая семья попросила благословения на пищу, и все с радостным сердцем наслаждались обще-

нием после шести долгих и трудных лет разлуки. Они говорили о небесном и земном, о духовном и временном. При этом они не обошли стороной и последнюю новость, достигшую Бедфорда: Великий пожар в Лондоне с его ужасными последствиями. Волнующие подробности, независимо от их достоверности, горячо интересовали мальчиков. Но отца волновал факт, что Бог взыскивает грехи человека, будь это в Содоме или в Лондоне. Он открыл Библию, и они склонились на молитву.

Но семейное счастье оказалось слишком коротким. Повсюду, куда бы ни пошел Джон Баньян, чтобы увещать слушателей избежать будущего гнева, и где он проповедовал добрую весть о Божьем спасении, за ним внимательно наблюдали. Среди его слушателей всегда были шпионы, которым была обещана хорошая плата, если их показания приведут к аресту этого человека.

Однажды Джон Баньян проводил собрание в отдаленном месте графства Бедфорд. Стоя с открытой Библией в руках он только хотел начать говорить, как в помещение ворвался начальник охраны, чтобы арестовать его. Он схватил проповедника за руку, но Баньян так посмотрел на него, что тот тут же отпустил его руку. Когда Баньян увидел, что начальник охраны не остался равнодушным к только что прочитанному слову, он обратился к стоящим вокруг него людям и сказал:

— Посмотрите, как человек дрожит перед Словом Божьим!

***

После короткого допроса Баньян снова сидит за тюремной решеткой, и охраняют его сильнее, чем прежде.

Но вновь осужденного постигает еще более тяжелый удар. Туберкулез, который уже давно прогрессировал в нежном теле его слепого ребенка, закончил свою работу, — Мэри теперь у своей матери.

***

Теперь Баньяну приходится самому предлагать прохожим свои длинные плетенные шнурки. Некоторые покупают из сострадания, другие скрывая чувство неловкости отворачиваются в сторону. Некоторые насмешливо кривят губы над «бесстыдным» лудильщиком, другие с любопытством разглядывают его.

***

Перо, которое так прилежно писало во время первого заключения, теперь отдыхало. Во время следующих шести лет, проведенных в окружной тюрьме, Баньян написал только две книги, и обе в конце этого срока заключения. В первой из них — «Мое исповедание веры и мотивы моих поступков» — он обосновывал свое учение и надеялся тем самым послужить своему освобождению. В предисловии Баньян пишет: «Я ни в коем случае не стремился во что бы то ни стало защищать свое учение. Тем более, что такой веский аргумент, как более одиннадцати лет заключения, вновь и вновь заставлял меня обдумывать причины и основания тех истин, за которые я страдаю. Но я испытал их и нашел их верными, и поэтому я не могу и не имею права встать против них или отвергнуть их».

Устав от нескончаемого однообразия и печалясь о смерти своего ребенка, он все же добавляет: «Несмотря на это, я решился страдать, так как знаю, что мой всемогущий Бог — помощь и щит». Сознавая, что его собственное тело тоже начинает слабеть, он продолжает: «Даже если эта разрушающаяся жизнь будет продолжаться до тех пор, пока на моих ресницах не начнет расти мох, то я скорее соглашусь на это, чем предать мою веру и мои убеждения».

Решительный и вновь укрепленный в духе, Баньян отправил свою маленькую книгу в печать и взял в руки другую — Эдварда Фаулера из Нортхилла в Бедфордшире «Цель христианства». Ее автор, ставший позднее епископом в Глочестере, противоречит фундаментальным высказываниям Слова Божьего. Сердце Джона Баньяна пришло в волнение, и его перо заскользило по бумаге, чтобы выступить против книги лжеучителя. «Защита учения об оправдании через веру в Иисуса Христа, в котором излагается, что истинная евангельская святость изливается из Него...». Напечатанная Френсисом Смитом, эта книга была передана ему из тюрьмы 27 декабря 1671 года, «Твоим слугой Евангелия Христова, Джоном Баньяном».

В ответ на эту книгу последовала анонимная атака (по всей видимости от самого Фаулера): «Грязь стерта: разоблачение грубого незнания и заблуждения, как и нехристианского и злого духа некоего Джона Баньяна, дилетанта-проповедника из Бедфорда,

которые он обнаружил в своем грязном памфлете против цели христианства. Подписано к печати 10 сентября 1672 года». Эта своеобразная халтура была составлена так спешно, что в предисловии были принесены извинения за ошибки: «Благосклонный читатель, эти и другие ошибки, к несчастью, сделаны в отсутствии автора и из-за спешной печати этой статьи. Поэтому мы просим тебя собственноручно исправить ошибки перед ее изучением».

Во время свего второго заключения Баньян мало писал, но тем больше времени он использовал для чтения и размышления. Друзья приносили ему книги, среди них, возможно, была и книга Джона Мильтона «Потерянный рай», выпущенная в 1667 году.

В 1672 году Баньяна освободили во второй раз.

Глава 26

След змеи

Зависть — мать всех злых сплетен.
Кэнон Венэйбл, «Жизнь Баньяна»

Нет, это злословие,
Режет острее, чем меч…
Шекспир

В январе 1672 года Джон Баньян получил радостное известие о своем предстоящем освобождении, так как король уже пятнадцатого числа последнего месяца 1671 года подписал в своем дворце в Уайт Холле «Декларацию о религиозной терпимости». Согласно этой декларации все нонконформисты, осужденные по «церковным вопросам», должны были быть освобождены из-под стражи.

В годы заключения Баньяна церковь в Бедфорде собиралась в различных местах: иногда в домах, часто же ночью в открытом поле или в лесу, где, несмотря на всю осторожность и конспиративность, в кустах сидели наблюдатели, чтобы за определенную плату донести на верующих.

Постоянство Баньяна в отношении истины укрепляло доверие друзей. Уже за несколько месяцев до его освобождения они решили выбрать его своим пастырем, как только он вернется домой. На «всеобщем собрании церкви 24 числа восьмого месяца (ноябрь 1671)», было решено, «что через семь дней руководящие братья соберутся для молитвы у брата Джона Фенне. Церковь также будет вопрошать Бога, чтобы ясно познать волю Божью в вопросе выбора брата Баньяна на должность пастора».

Никто среди братьев не подходил для этого служения так, как Джон Баньян. Он показал это своей непоколебимостью в гонениях, через многочисленные письма к таким же страдающим братьям и сестрам, через свои книги и, прежде всего, через его духовную борьбу, которую он описал в «Преизобилующей благодати».

Никто не мог отрицать, что он определенно избран Богом. В церковных отчетах записано: «Бедфорд, в последний день девято-

го месяца (31 декабря) было решено провести еще одно собрание 6 числа десятого месяця (январь), чтобы молиться и рассуждать о выше сказанном вопросе, чтобы укрепить дарования братьев и выбрать брата Баньяна на служение». Следующая запись от 21 января 1672 года гласит: «На собрании всей церкви в Бедфорде после многих молитв и трезвых рассуждений единодушно (торжественным поднятием рук) наш брат Джон Баньян был призван на служение пастора. И он принял это служение и отдал себя Богу, чтобы служить Христу и Его церкви таким образом. После этого он получил полномочия пастора в церкви». Затем нужно было избрать семь братьев, безупречного поведения, для совместной работы с пастором в близлежащих селах. Церковь торжественно подтвердила следующие кандидатуры: Джон Фенне, Оливер Скот, Лука Эствуд, Томас Купер, Эдвард Дент, Эдвард Исаак и Неемия Кокс — «для созидания дела Божьего».

Двенадцать лет (с тех пор, как она была изгнана из церкви Св. Иоанна) церковь Бедфорда вынуждена была собираться в частных домах или под открытым небом. Теперь же пришло время подыскать себе постоянное помещение, так как скрываться не было надобности, потому что король издал следующий декрет:

«Чтобы в будущем у всех наших подданных не было повода для нелегальных и тайных собраний, мы объявляем, что отныне мы допускаем достаточное количество мест во всех частях нашего королевства, которые могли бы использовать те, которые не принадлежат к церкви Англии, чтобы встречаться там для открытой молитвы и богослужения. Эти места должны иметь свободный доступ для всех людей.»

Эта свобода, частично достигнутая посредством терпеливого страдания Джона Баньяна и его соратников, была радостно встречена церковью в Бедфорде, и церковь начала укрепляться. Один из братьев, Жосайас Раффхед, купил сад в Милл-Лейн рядом с Бедфордом, в котором стоял амбар. Раньше этот сад принадлежал мистеру Крамптону из Эльстоу — служащему, который в свое время поддерживал указ Френсиса Уингейта об аресте Джона Баньяна, но теперь не медлил продать этот участок земли. Амбар был официально зарегистрирован «как место, используемое теми, кто не принадлежит к церкви Англии — так называемыми конгрегационалистами, для открытых богослужений. И всем, особенно

нашим служащим и духовным, гражданиским и военным лицам, имеющим отношение к этому вопросу, следует принять это к сведению. Им, как и всем другим, строго повелевается не допускать никакого беспорядка или беспокойства и предотвращать всякого рода внешние посягательства на их богослужения. Издано при дворе в Уайт Холле 9 мая, 24-го года нашего правления, 1672».

Именно тут и нес Джон Баньян пасторское служение. С тех пор Бедфордская церковь собирается в этом месте, называемом сегодня «Баньян Митинг».

Заявление Баньяна на лицензию проповедника было подписано в мае 1672 года, но только 13 сентября этого же года его помилование было подтверждено гербовой печатью. Баньян также позаботился о лицензии примерно для двадцати пяти братьев в Бедфордшире и близлежащих графствах. Этот интересный документ, написанный его рукой, хранится в государственном архиве. Так лудильщик-проповедник стал не только пастором в Бедфорде, но и «епископом», как его с любовью называла его паства в городе и на селе.

***

— Элизабет, — обратился однажды утром Баньян к своей жене, — в следующее воскресенье, 6 октября, я должен проповедовать в Лестере. Да благословит и сохранит тебя Господь, пока меня не будет дома!

— Да будет Господь и с тобой, мой любимый, в дороге и в служении, — ответила Элизабет со слезами, так как ее пронзила неожиданная боль.

Именно сейчас она хотела бы удержать его возле себя, но «да будет воля Твоя, Боже, не моя!», — тихо помолилась она.

Ранним осенним утром, отправляясь в путь, Баньян сказал: «Бог с вами», сел на лошадь и выехал, помахав на прощание своим любимым рукой.

— У тебя лицензия с собой? — спросила вслед заботливая Элизабет.

— Конечно! — и, послав ей воздушный поцелуй, он исчез из ее поля зрения.

Элизабет прислушалась к удаляющемуся звуку копыт. Затем она вошла в дом и, уткнувшись лицом в фартук, заплакала.

В летописях города Лестера имеется следующая запись:

«Лицензия Джона Баньяна имеет дату: 9 мая 1672 года. Ему разрешено проповедовать в доме Жосайаса Раффхеда в Бедфорде, а также в любом другом месте, помещении или доме, разрешенном Его Величеством. Меморандум: Названный Баньян предъявил лицензию бургомистру мистеру Оверингу, кроме этого мистеру Фримэну и мистеру Брауну, которые были там в воскресенье 5 октября 1672 года.»

В том же доме на Самблес-Лейн (теперь Св. Николас стрит) в Лестере, где проповедовал Баньян и где его слова отражались дубовыми стенами, сто лет назад звучали слова другого странствующего проповедника — Джона Уэсли. К сожалению, городские власти в 1895 году сочли необходимым снести этот дом в целях перестройки города!

***

В это время сердце Джона Баньяна было омрачено тяжелыми заботами. Его новорожденный сын Иосиф, согласно записям, был 16 ноября крещен в церкви Св. Катберта. Совсем недавно Баньян написал брошюру «Оправдание через веру». Теперь же он вынужден читать возражение ректора из Нортхила или его куратора: «Среди многих фарисеев нашего времени нет ни одного, чье сердце было бы исполнено большей местью и злом, чем человека, обнародовавшего эту публикацию, а именно Джона Баньяна, который уже на протяжении по меньшей мере двадцати лет известен в городе и графстве Бедфорд как самый ужасный раскольник!» Это поистине не могло принести радости человеку, отсидевшему двенадцать лет в тюрьме за религиозные убеждения. Обвинения Фаулера достигли апогея в следующих вопросах: «Может ли такой человек пользоваться снисхождением Его Величества? И какое право имеет такой «очаг пожара» и злостный возмутитель спокойствия безнаказанно повсюду расхаживать? Не означает ли это подрыв любого правительства?»

Кроме атак Фаулера, Баньян подвергался нападкам тех, которые были не согласны с его мыслями, изложенными в книгах «Исповедание моей веры и основание моих действий» (Лондон, 1672) и «Различные суждения о водном крещении — не препятствие для общения». Эти книги были ответом на книгу мистеров

Т. П(оля) и В. К(ифина) под названием «Некоторые серьезные размышления об исповедании веры мистера Баньяна в отношении общения с некрещенными...» (Лондон, 1673). Баньян оправдывает себя во второй из названных книг, а также в книге «Мирные и истинные основания» (1674). В ней он, обращаясь к своим критикам, пишет: «В будущем я не буду беспокоить мир ответами на ваши книги. Мои книги доступны всем, пусть все желающие читают их и обсуждают». Этим он оставляет неприятный для него спорный вопрос в покое. Его самым большим желанием на протяжении всей его жизни было — насколько возможно с его стороны — жить в мире со всеми людьми.

Но в мире его не оставляли. Враг, который уже четверть века не давал ему покоя, не переставал создавать препятствия на его пути. Из многих поединков Баньян вышел победителем. Еще совсем недавно он заставил замолчать своих противников. Но враг нашел еще другое оружие — скандал — пожалуй самое действенное и ужасное оружие из всех. Вот как все это произошло:

Молодая женщина, Агнесса Бьюмонт, жила со своим отцом на ферме в Эдворфе, на границе между графствами Бедфорд и Херфорд. Она и ее родственники попали под влияние нонконформистов, и некоторые из них даже претерпели страдания ради этого. Бьюмонт получил благословение от проповеди Баньяна, так как он всегда проповедовал то, «что сам испытал в страданиях». И фермер и его дочь воззвали к Господу. Но после этого одному конформистскому соседу удалось настроить Джона Бьюмонта против «этого зловредного лудильщика Джона Баньяна». Это обстоятельство осложняло жизнь Агнессы, так как в декабре 1672 года она присоединилась к филиалу Бедфордской церкви в Гэмлингее. Эта церковь находилась в одиннадцати километрах севернее ее места жительства. Личная запись Баньяна в церковном регистре — «Агнесса Бьюмонт» — сохранилась до сегодняшнего дня.

Как-то в пятницу, в феврале 1674 года, дочь фермера захотела посетить собрание в Гэмлингее. Ее отец запротестовал, но наконец сдался, так как Джон Вильсон из Хитчина согласился взять ее с собой. Но он не сделал этого. Улицы в феврале размыты и почти непроходимы, а брат Агнессы тоже не мог взять ее с собой, так как ехал со своей женой на своей единственной лошади.

Девушка была очень расстроена и разочарована. В это время на улице послышался топот копыт — это проезжал мимо Джон Баньян. Брат девушки тут же остановил его и спросил:

— Сэр, Ты один едешь в Гэмлингей? Сосед Джон Вильсон напрасно заставил мою сестру Агнессу ждать его, и она сильно огорчилась, что ей придется остаться дома. У нас только одна лошадь, а я должен взять с собой мою жену.

— Друг, — ответил Баньян, — ты знаешь, как твой отец думает обо мне с тех пор, как он стал прислушиваться к клеветникам. Нет, я не могу взять ее. Брат, он сильно рассердится, если я возьму ее с собой!

— Но, мистер Баньян, — заплакала Агнесса, — я все же хочу осмелиться, так как нужно больше слушать Бога, нежели людей, пусть это даже будет собственный отец. Если Ты не возьмешь меня с собой, мне придется пешком пойти в Гэмлингей, так как я хочу на собрание.

Ее слезы и просьбы так смягчили сердце Баньяна, что он помог ей сесть в седло, и они вчетвером поехали на богослужение. Когда они проезжали по размытым дорогам, с дальнего поля их увидел фермер Бьюмонт. Он ужасно рассердился, крепко выругался и хотел было побежать за ними, но они, не зная о том, что обрушится на них, отъехали уже слишком далеко.

Богослужение в Гэмлингее закончилось. Резкий холодный ветер дул им навстречу на обратном пути. Подъехав к своему двору, Агнесса спрыгнула с лошади, поблагодарила женщину, которая подвезла ее, и по каменистой дорожке поспешила к дому. Дверь оказалась крепко запертой. Она стучала и кричала, чтобы отец впустил ее, но напрасно. В ответ не доносилось ни звука, и единственное, что она могла услышать, было издевательское эхо своего голоса.

Наконец Джон Бьюмонт немного приоткрыл окно и заявил, что если его дочь не прервет связь с диссидентами, его дом останется для нее навсегда закрытым. Не помогли никакие мольбы, и, несмотря на горькие слезы дочери, Джон Бьюмонт закрыл окно и оставил ее в эту ужасную ночь на улице. Она покрепче закуталась в свой плащ и стала искать себе место в амбаре, где, наплакавшись, отдала себя в руки Небесного Отца.

Ее разгневанный отец не изменил своего мнения и на следующее утро, — он продолжал неистовать. Агнесса умоляла его о ми-

лосердии, но он оставался непоколебим. Вконец расстроенная, она пошла через поля к своей сестре и излила там свое сердце. Через неделю она решилась пойти домой и покориться воле отца. Его гнев утих, и через пару дней между ними восстановились прежние взаимоотношения, правда, ценой доброй совести Агнессы. Вскоре ее отец тяжело заболел и стал умолять Бога о милости. В один из вечеров его дочь напугал какой-то непонятный звук и пронзительный крик «Агнесса!» Она поспешила в комнату отца, которого разбил паралич, и он умер у нее на руках.

В то время, когда Агнесса Бьюмонт оплакивала своего отца, в Бэлдоке на базаре несколько человек, широко открыв глаза и уши, слушали сплетни своего пастора: «В прошлую пятницу, когда я ехал верхом из Бедфорда в Эдворф, я вблизи Гэмлингея своими глазами видел этого болтуна Баньяна с…». «С кем, пастор Лейн, скажи же!» — упрашивали они его в один голос. Пастор общины осторожно оглянулся и полушепотом, приблизившись к своим слушателям, сказал: «С кем? Ну, конечно, с Агнессой Бьюмонт! Она сидела позади него!» Послышалось шипение подобное шипению змеи. Зло было сделано! Лицемерное удивление вскоре сменилось гнусными замечаниями и грубым смехом. Сплетня разошлась с быстротой молнии. Но злу недостаточно было только опорочить проповедника и дочь фермера. Имя Агнессы Бьюмонт стали связывать с внезапной смертью ее отца. Последнее звено в цепи подлости сковал адвокат Фэрроу, который таким образом отомстил ей за то, что Агнесса в свое время отклонила его предложение. Все село пришло в волнение. Похороны были отложены, и все требовали расследования.

В получившем известность рассказе, изданном в 1962 году баптистским историческим обществом, Агнесса Бьюмонт пишет: «Я не знала, насколько Бог позволит этим людям (Лейну и Фэрроу) и дьяволу раздуть это дело. Особенно печалила меня при этом мысль, что в этой ужасной для меня истории пострадал также невинный Джон Баньян. Но Господь знал о нашей невиновности в словах, делах и мыслях».

Медицинская наука, какой бы несовершенной в то время (1674) она ни была, однозначно установила, что смерть Джона Бьюмонта, хоть и произошла очень неожиданно, имела естественные причины.

В шестом издании «Преизобилующей благодати» от 1688 года — последнем из тех, которые издал сам Баньян — он в свое оправдание подробно описывает эти события в отдельной главе: «Я ношу эту ложь и клевету как ордена. Быть осмеянным, оклеветанным и опозоренным — участь христианина. Покуда все это не имеет оснований, что подтверждают мой Бог и моя совесть, я могу хвалиться страданиями ради Христа». Так Баньян следовал по стопам своего Учителя, мужественно неся свой крест и не воздавая «ругательством за ругательство».

***

Агнесса Бьюмонт прожила после этого печального события еще 50 лет. Когда в 1720 году она умерла в Хайгейте, по ее желанию она была погребена на кладбище Тайлхауз-часовни в Хитчине, в графстве Хартфордшир. Это место собраний основал Джон Баньян, а первым пастором там был его друг Джон Вильсон.

Глава 27

«Епископ» Баньян и тринадцать судей

Согрешил ли я тем,… потому что
безвозмездно проповедовал вам Евангелие Божие?
(Они) Христовы служители?
В безумии говорю: я больше. Я гораздо более был в трудах,
безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти.
2 Кор. 11:7 и 23

Церковная книга Бедфордской церкви содержит целый ряд интересных записей, сделанных рукой Баньяна. Но в июне 1674 года они внезапно обрываются. А случилось это так:

Сразу же после освобождения из окружной тюрьмы Джон Баньян снова стал заботиться о своей пастве. Он не мог мириться с черными овцами в своей церкви и поэтому наставлял и увещал их оставить грех, в частности пьянку и игру в карты, и вернуться на правильный путь. Баньян считал, что отступившие от веры, если они не покаются, должны быть отлучены от церкви. В одной из последних записей Баньяна мы читаем, что один человек выразил желание «иметь с нами общение. Но ввиду того, что его жизнь как свидетеля во многих пунктах не соответствует требуемой Евангелием святости, мы решили отклонить его просьбу».

Служение Джона Баньяна в церкви очень расширилось. Он заботился о церквах в Хартфордшире и Кембриджшире, а также в городе и графстве Бедфорд. К сожалению «епископ» Баньян совсем мало описал свое служение, но мы знаем, что один покаявшийся после проповеди лудильщика студент Кембриджского университета основал в Рейстоне церковь. И до сегодняшнего дня мемориальная доска в Коулмэн Грин, вблизи Сент-Олбанса, сообщает: «Джон Баньян проповедовал здесь и иногда останавливался в хижине с этой трубой (единственно сохранившейся частью)». В других местах, таких как Лутон, Хитчин, Хаутон Риджис, Тилсворт, Данстебел и Бэлдок, во время его жизни были основаны церкви, которые существуют еще и сегодня и хранят память о нем.

Вейн Вуд, одинокое местечко, примерно в трех милях от Хитчина, — одно из самых интересных мест, где проповедовал

Баньян. Здесь есть так называемая «долина Баньяна», где под защитой ночи он собирал слушателей, — настоящий, скрытый за густым кустарником, амфитеатр. В домике неподалеку от этого места можно увидеть у камина «кресло Баньяна». Жившие по соседству шесть крепких братьев по имени Фостер, преданные друзья «епископа», энергично претворяли в жизнь нонконформистские убеждения своего проповедника.

Туманный день. Семья Баньяна собралась на завтрак.

— Сынок! — говорит Элизабет одному из малышей, — не ешь руками. Разве папа не сделал вам вилки, чтобы вы брали ими пищу?

— Но, мама, разве во времена королевы Елизаветы люди не ели руками?

— Теперь, малыш, — вступает в разговор Джон Баньян, — мы кушаем как римляне!

— Но мы не в Риме, Джон, и дал бы Бог, чтобы этого никогда не случилось! — вздыхает Элизабет.

— Конечно, дорогая, если через это наша вера подвергнется опасности… Но все же вилки у нас от римлян, и малыш прав, у нас они появились совсем недавно. Как все-таки быстро продвигается так называемая цивилизация, — продолжает размышлять Баньян.— Ведь когда я женился на своей Мэри, — добавляет он со вздохом, — у нас не у каждого была своя ложка и тарелка!

— Джон, — говорит Элизабет, — не думай о прошлом! Тогда ты еще не написал своих книг и только начал заниматься своим ремеслом. Времена для нас были очень тяжелые, и об этом знает добрый Бог.— И тут же радостно продолжает, обнимая его: — Но теперь мы имеем много-много вещей, за которые можем быть благодарны. И прежде всего за то, что ты, дорогой муж, слава Богу, теперь с нами.

— Аминь! — отвечает на это Баньян, встав из-за стола и вытирая набежавшую слезу.

Он медленно выходит из комнаты.

— Джон, ты уходишь? — спрашивает Элизабет.

— Нет, моя девочка, я должен закончить книгу, над которой уже давно работаю.

— Как она называется, папа? — интересуется старший сын.

— «Свет для всех, находящихся во тьме», мой мальчик. Издатель Элефант Смит уже с нетерпением ждет рукопись.

В конце этой книги, содержащей проповедь о личности, делах и страданиях Иисуса Христа, Баньян обращается к читателям со словами: «Дорогой читатель, терпеливо выслушай меня. Я написал здесь то, что получил от Бога. Я знаю, что это путь к спасению. Я отдался ему на свой страх и риск. Я писал ее не просто так и не занимал мои мысли из других книг — здесь все взято из живых высказываний Божьих, найденных в Слове Истины».

Перо Баньяна летит по бумаге. Он стремится как можно скорее закончить этот труд. Ни жене, ни детям он не сказал, что в любой момент может снова вернуться в тюрьму. Акт Терпимости потерял силу, король собственной рукой сорвал большую печать. Вместо него вышел новый закон. Нонконформисты находятся в еще большей опасности, чем раньше. Уже ходят слухи о новом аресте Джона Баньяна, так как затребованы все проповеднические лицензии и одновременно высланы шпионы. Мысль об этом и радостный говор детей, который только иногда прерывается увещаниями Элизабет, подгоняют его мысли и перо.

Вдруг громкий стук в дверь заставил всех, кроме писателя-проповедника, вздрогнуть.

Побледневшая Элизабет взволнованно отодвинула в сторону засов. Двое охранников без приветствия вошли в комнату.

— Мы ищем Джона Баньяна! — властно заявили они и бестактно добавили: — Скажи ему, чтобы он пришел!

Едва были произнесены эти слова, как появился Джон Баньян. Обращаясь к своей жене и стараясь успокоить ее, он воскликнул:

— Да исполнится воля Господня! Да славится Его святое имя!

Пришедшие зачитали приказ об аресте, подписанный по меньшей мере тринадцатью работниками юстиции:

«Всем начальникам охраны в Бедфорде.

Так как мы получили заявления и жалобы, что (несмотря на предыдущий Акт Его Величества короля, согласно которого он всем подданным милостиво отпустил прежде совершенные преступления, чтобы они через вышеназванное милосердие и снисхождение были приведены к тому, чтобы быть более внимательными к законам и положениям, а также к послушанию Его Величеству) некий Джон Баньян, лудильщик, из вашего

вышеуказанного города, уже не раз в течение месяца проповедовал или учил вопреки добрым законам Его Величества, а именно в тайных собраниях или других общениях под видом религиозных общений, но не имеющих ничего общего с литургией и обрядами церкви Англии. Поэтому подписавшиеся повелевают вам во имя короля немедленно арестовать указанного Джона Баньяна и передать его нам или отдать его другим мировым судьям в вашем графстве и поступить с ним по закону.

Данный приказ собственноручно запечатан нами в четвертый день марта месяца, в двадцать седьмой год правления нашего всемилостивого суверенного господина, короля Карла II. 1674 год.»

Баньян спокойно заметил:

— Вот я, берите меня!

Он попрощался с любимыми, которые последовали за ним на улицу и провожали его взглядом, пока он не скрылся за углом.

Элизабет Баньян и дети снова пошли домой, чтобы дать волю слезам и молиться.

Глава 28

Городская тюрьма

Тогда привели его... в городскую тюрьму.
Фокс, «Акты и монументы»

...Бессмертные мечты
Живут дольше самих мечтателей и навеки достаются нам.
Мак'кей

Виденье помню я...
Лорд Байрон

Джона Баньяна повели в направлении окружной тюрьмы, и он сам свернул в ведущую туда улицу. Но ему насмешливо указали:

— На этот раз в другое место, господин Баньян.

И через несколько минут он оказался в недавно отреставрированной городской тюрьме на большом мосту через Уз.

Уставший — не от жизни, так как от нее Джон Баньян никогда не уставал — он упал на деревянные нары в своей камере и стал размышлять обо всем, что так внезапно, но отнюдь не неожиданно, постигло его. Он усердно использовал последние дни, как для работы, так и для размышлений. У него было не только бесчисленное множество обязанностей как пастора, но он заботился и о пропитании своей семьи. А теперь вместо свободной жизни он снова был один, заперт между четырьмя узкими каменными стенами.

Он молится, затем размышляет и опять молится, но его вера не ослабевает. Всемогущий Бог знает, что лучше всего для него и его родных, а также для дела Евангелия. Смиренно и доверчиво Баньян полагается на Него.

На улице начинает смеркаться, и слабый свет, проникающий в темноту влажной и безутешной тюрьмы, постепенно сменяется ночью. Волны Уза мягко плещутся об опоры моста и, укачивая заключенного, посылают ему мирный сон.

Время для Джона Баньяна потеряло значение, оно подобно вечности. Он спит и видит сон, перед ним проходит вся его жизнь. Он

стонет во сне, затем затыкает пальцами уши и громко кричит: «Жизнь, вечная жизнь!» Через помещение медленно ползет полоса лунного света и освещает спящего человека с испуганным выражением лица. Вдруг он, как утопающий, выкидывает руки вверх. Его голова прижимается к груди, будто тяжелая ноша хочет придавить его. Он бормочет: «Бедный обремененный грешник!» Голова снова запрокидывается и мышцы расслабляются. Он улыбается и говорит: «Благословенный крест!» Вдруг его руки и ноги напрягаются, будто он поднимается по крутой дороге. Правой рукой он хватается за грудь и кричит: «Я погиб!» Он содрогается, борется. Потом откидывается назад и снова дышит спокойнее. Затем, будто поскользнувшись, вздрагивает. Его дыхание учащается, становится прерывистым, и он взволнованно зовет кого-то. Его лицо передергивается, он изворачивается и вдруг, размахивая руками, начинает отчаянно защищаться от невидимого противника … Потом успокаивается, но вдруг складывает руки для молитвы и испуганно кричит: «Господи, спаси меня!» И снова наступает тишина … Голова его начинает метаться из стороны в сторону, и с его губ слетают обрывки слов: «Тщеславие! Купите правду!» … Затем, сохраняя самообладание, громко восклицает: «Пой, Верный, пой!»

***

Так проходит ночь. Колокол на церкви Св. Павла отбивает каждый час.

***

Джон Баньян спит. Его сон стал спокойнее, но не на долго. Его руки не лежат на месте, а голова свесилась с края нар. Все его тело вздрагивает при крике: «Я утопаю в глубоких водах!» Потом он снова поднимает свою голову на жесткие нары и его сон становится немного спокойнее. Вдруг он вскакивает и с радостным волнением восклицает: «Вот, теперь я вижу Его снова!» Лицо его озаряется улыбкой.

***

Лунный свет сменился ярким солнечным светом, который нашел себе дорогу через узкий зарешеченный люк. На улице поют птицы, начался новый день.

***

Джон Баньян приподнимает голову, будто прислушиваясь к музыке. Его глаза открыты, и он напряженно оглядывается вокруг. Опираясь на локоть, он глубоко вздыхает. Затем громко произносит: «Я хотел бы быть с ними!» Он протирает глаза, чтобы удостовериться, что все еще находится в одиночной камере: «Я не сплю?.. Значит все это мне приснилось!»

***

Он поднялся с нар, чтобы, раскрыв перед собой Библию, поговорить с Богом. Поднявшись с колен, он увидел перед собой свою жену Элизабет. Она принесла ему завтрак. Он немного поел — ради нее. Голода он не чувствовал — он уже получил достаточно пищи, о которой никто ничего не мог знать.

— Элизабет! — проговорил он, машинально поднося ложку ко рту, — я видел небо... и ад тоже!

— Неужели эта жесткая лавка — единственное место для отдыха в этой темной дыре? — поинтересовалась его жена.— Тогда неудивительно, что тебе снятся кошмары.

— Элизабет, я этой ночью пережил всю свою жизнь. Я шел по этой греховной земле и, — не плачь, дорогая, ты разрываешь мое сердце, — я переходил реку, через которую не было моста…

— Ах, дорогой, не говори дальше. Я не могу больше вынести ни одного слова. Эта тюрьма слишком ужасна, и твои гонители слишком жестоки! Джон, мой любимый Джон, когда окончится эта тирания? — Элизабет заплакала.

— Милая, — произнес он с легким упреком в голосе, — послушай мою историю. Каждая темная туча имеет серебряный край, а сегодня ночью, моя дорогая девочка, края моей тучи были из чистого золота. Слушай же: я видел в моем сне тех, чьи одежды сияли как золото. В руках у них были арфы, а на головах — золотые венцы. Затем, представь себе, я услышал, как все колокола в городе зазвонили от радости. Город сиял как солнце, и все улицы были из золота! И, дорогая Элизабет, — взволнованно продолжал он, — когда я все это увидел, то пожелал быть там! Затем — о ужас! — я увидел дорогу в ад, — добавил он подавленно, — да, дорога в ад шла даже прямо от небесных ворот, как и от этой грехом объятой земли.

— А что потом? — спросила Элизабет с любопытством.

— Я проснулся, — со вздохом ответил он.— Это был только сон!

***

Джон Баньян снова взялся за перо. Его новая книга называлась «Наставления для неосведомленных» и предназначалась для церквей Христовых в Бедфорде и округе. Себя он представляет так: «Ваш преданный брат и сотоварищ в Царстве и терпении Иисуса Христа». Так как «из-за особой обязанности, которую Господь возложил на меня по отношению к вам, и ввиду того, что меня лишили возможности быть среди вас, я в состоянии сделать лишь самое ничтожное — послать вам эту книжечку». Заканчивая словами «Ваш слуга, который очень хотел бы послужить вам, — он вытер набежавшую слезу и медленно добавил, — к вашему возрастанию и укреплению, Джон Баньян». Он перечитал все вопросы и ответы еще раз и подумал: «Дал бы Бог, чтобы эти мои слабые усилия послужили елеем, чтобы восполнить недостаток в познании у молодых и старых!» Рукопись он отправил на адрес своего старого друга — Элефанта Смита.

Но на бумагу нужно было занести еще и другие мысли, и он начал писать: «Спасен по благодати». Поводом этому послужили его сон и его переживания. С влажными глазами и бьющимся от волнения сердцем он думал о том, как чудесно открылась преизобилующая благодать Божья в его жизни. «Ты Сын Превознесенного, — пишет он, — какая благодать открывается в Твоем уничижении! Благодать низвела Тебя с небес, благодать сняла с Тебя одежды Твоей славы… О Сын Божий! Благодать была во всех Твоих слезах… в каждом слове Твоих прелестных уст… Но что будет с теми, которые попирают Сына Божьего ногами?»

Мысли Баньяна вернулись к проповеди, которую он недавно говорил на Лук. 13:24: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата». И новая его книга получила название «Тесные врата». В ней он оплакивает состояние тех, «которые используют слова Христа и Его имя в качестве трамплина к мирскому продвижению вперед». Тех, которые только на глазах показывают видимость веры и любви, он называет «воскресными святыми». И объясняет это так: «Я вижу, что некоторые свидетели поступают со своей религией так, как другие со своей праздничной одеждой. Всю неделю

она висит на вешалке, и только в воскресенье они надевают ее. Они приберегают свою религию для богослужения… О, жалкая религия! О, жалкие свидетели! Но что ты будешь делать в день суда? Ты не сможешь укрыться, ты не сможешь выдать себя за христианина, ты не сможешь устоять перед Судьей».

Джон Баньян писал, а сон той удивительной ночи не давал ему покоя. Так и не дописав «Тесные врата», он отложил в сторону этот серьезный труд, чтобы осветить эту тему иначе, в несколько причудливой форме — он рассказал свой сон:

«Я изобразил путь святых в это благодатное время. И получилась притча об их путешествии в небесную славу.»

У него проснулась сила воображения. Он внезапно обнаружил в себе дар сочинителя. Но так как он боялся, как бы его противник, старый враг, не использовал этот дар для своих целей, он добавляет:

«Я решил не торопиться, а постоянно испытывать себя, чтобы однажды в вечности мне не пришлось пожинать то, о чем я сам писал.»

Поэтому Баньян сначала закончил начатую книгу «Тесные врата или Достичь неба очень трудно», в которой на основании Писания доказывает, что не только грубияны и подлецы, но и многие свидетели не достигнут небесного Царства». Эта книга также была издана Френсисом Смитом в 1676 году.

Глава 29

Путешествие пилигрима

Баньян был больше, чем художник, и книга «Путешествие пилигрима» больше, чем труд художника.
Этот сон-притча — зоркое видение человека, который изучил жизнь в ее самых глубоких безднах.
Лекция, прочитанная в королевском университете в марте 1924 года профессором д.ю.н. Дж. В. Мак'кейлом.

Многие считали, что прежде чем записать свое бессмертное сновидение, Баньян прочитал много книг, чтобы из них получить импульсы к этому труду. Снова и снова раздавались голоса, которые утверждали, что находят много сходств с другими литературными произведениями. В своем предисловии к «Путешествию пилигрима» Баньян отрицал это. Но было много тех, кто завидовал ему и сеял подозрения в плагиате. Так что в одной из «Заметок для читателя», которые были добавлены к «Духовной войне» в 1682 году, Баньян был еще раз вынужден ответить на это: «Даже смешно! С тех пор, как Бог принял меня, Джон таким негодником никогда больше не был.»

Нет! Бог не дает Своим слугам никакого задания, прежде чем не даст способности к этому. Никакие затраты на изучение литературы не могли бы сделать лудильщика из Эльстоу автором «Путешествия пилигрима». Но снаряжение, которое Баньян получил в своей долгой и глубокой духовной жизни, сделало его способным к этой задаче. И это подтверждается замечанием Джеймса Монтгомери, что «Путешествие пилигрима» — это портрет жизни Джона Баньяна.

Если говорят, что Баньян был необразован, то это на самом деле так, но если утверждают, что он не учился, то это неправда. Он всю жизнь учился и никогда не оставлял школу искушений, пока смерть не освободила его от нее. Джон Баньян имел данный Богом гений, который сделал его способным нарисовать словами свою жизнь, да и жизнь всех нас, так как путешествие, в которое пустился вначале Христианин, а потом и Христиана,

пролегло вдоль той самой улицы, которую проходит каждое дитя Божье.

Один старый богослов правильно сказал: «Бог дал Церкви Христа по всей земле, и в особенности англоязычному народу, большой дар, сотворив и возродив Джона Баньяна, чтобы написать ‹Путешествие пилигрима›».

Тот факт, что эта аллегория переведена более чем на 120 языков (то есть больше, чем любая другая книга — кроме Библии), показывает, как сильно «Путешествие пилигрима» касается сердец, бьются ли они под белой, черной, красной или желтой кожей. Коренной житель Центральной Африки и эскимос на крайнем севере могут узнать себя в Христианине, так как, почувствовав бремя греха, каждый человек во всем мире сразу же вопиет к Богу: «Что мне делать, чтобы спастись?» И у подножия креста для каждого пилигрима начинается путешествие из этой страны в будущую.

Биография Баньяна — духовная история его жизни — начиная с видения на деревенской площади в Эльстоу и до того мгновения, когда его грубо бросили в тюрьму, длилась одиннадцать лет. И столько же времени прошло, пока он все эти переживания описал на бумаге. «Преизобилующая благодать» и «Путешествие пилигрима» различным образом повествуют об этом. В одной книге его переживания представлены «одноцветными» и трезвыми, а в другой — «цветными», и при этом в живых красках. Эти большие различия могут, если смотреть поверхностно, создать впечатление, что их написали два различных автора, но в них всегда можно узнать одно перо. В обоих видна одна личность, а именно «первый из грешников».

Постоянное чтение Библии дало Баньяну глубокое познание, и это позволило ему описать сон так, что каждый, кто уважает подобного рода литературу, может его понять и наслаждаться им. Книга «Путешествие пилигрима» преднамеренно написана именно так. Иначе автор воспользовался бы высокопарным языком. Именно ее простой, прямой язык привлекает читателя, поэтому каждый, кому нравится драгоценный образный язык притчи, в которой говорится, что «один человек имел двоих сыновей», с таким же восторгом читает о том человеке, который «путешествовал по пустыне этого мира». Поэтому неудивительно, что о книге

«Путешествие пилигрима» сказано, что она «связана с Библией как пение птиц с утренним рассветом».

Я уверен, что через него говорил Бог.
Лудильщик этого не мог бы сделать.

Браунинг

***

— Брат Баньян, почему ты так много пишешь? Каждый раз, когда я посещаю тебя, ты пишешь. Ты, видно, хочешь сказать нечто такое, о чем должен узнать весь мир. Так скажи же, сосед, что там написано?

— В первую ночь, которую мне пришлось провести в этой темнице мне чудесным образом была открыта вся моя жизнь. Это было как путешествие из этого мира в будущий. Это был только сон, но я не могу его забыть. Поэтому я записал его, не для моих знакомых и друзей, нет, просто для собственной радости. Это третье тюремное заключение поистине испытание для меня. Но Бог — да прославится Его имя — имеет со мной добрые намерения. Я это точно знаю, но я должен признать, что временами я сильно унывал. Поэтому я пишу, чтобы немного развеяться. И это только мои мысли — черным по белому! — Баньян положил руки на листы бумаги и добавил: — Посмотрите, какая стопка получилась!

Баньян стал читать. В это время подошли другие посетители. Пока он читал, все внимательно слушали его. Затем некоторые воскликнули:

— Это же чудесно! Об этом все должны узнать!

— Напечатай эту историю!

— Нет, — возразил Томас Марсом, тоже заключенный, медленно качая головой, — эти фривольные сочинения нужно уничтожить! Брат Баньян, послушай меня, если печатать такой легкомысленный хлам, это принесет только бесчестье нашей святой вере. Это же только сказки, и как таковые они могут исходить только от дьявола!

Джон Баньян посмотрел в глаза говорящему, но ничего не сказал.

— Я так не думаю, — заметил другой. — Мне кажется, что эта история многим сможет помочь! — При этом он постучал палкой по каменному полу, придавая важность своим словам.

— Нет, и еще раз нет! — прозвучало в знак протеста.

(Позднее Томас Марсом еще раз прочитал рукопись, изменил свое мнение и стал даже торопить Джона Баньяна напечатать ее. Его личная книга «Путешествие пилигрима» была продана в 1923 году за 500 фунтов.)

Баньян озадаченно сидел между своими критиками. Вздохнув он отложил рукопись в сторону. Разговор перешел на другие темы, и скоро друзья стали прощаться с ним. Баньян понимал, что в глазах некоторых друзей он потерял авторитет. Но он не обиделся на них из-за этого и, проводив их на улицу, долго глядел им вслед, пока они не перешли через мост и не исчезли из его поля зрения.

Возвратившись в свою одиночную камеру, он взял в руки стопку бумаг, над которой провел так много времени. Снова и снова он просматривал исписанные страницы. Затем бросил их на стол, прижал их кулаком и, поднимаясь с табуретки, сам себе сказал: «Я не знаю, что лучше. Один брат говорит: напечатай! Другой говорит: ни в коем случае! Друзья мои, — он обернулся, как будто они все еще стояли там, — так как вы разного мнения, я хочу осмелиться напечатать! Решено! Так я испытаю, кто из моих друзей и соседей дал мне лучший совет».

Как долго Баньян был в своей «пещере», как он сам называл мостовую тюрьму, никто не знает. Но летом 1676 года Томас Барлоу, епископ Линкольнский, издал указ — отпустить лудильщика. Это произошло через дружественное ходатайство доктора богословия Джона Оуэна, знаменитого проповедника Оливера Кромвеля. (Джон Оуэн был вице-канцлером Оксфордского университета. Он был, пожалуй, самым способным богословом и величайшим ученым среди всех пуританских толкователей Библии.) Этот доктор Оуэн был личным другом и поклонником Баньяна, и даже королю Чарльзу II как-то сказал, что «охотно променял бы всю свою ученость на способности лудильщика касаться человеческих сердец».

Освободившись из тюрьмы, Баньян отправился в Лондон, чтобы встретиться с Оуэном и проконсультироваться у него по поводу своего нового литературного эксперимента. Доктор Оуэн рекомендовал как произведение, так и самого автора, своему собственному издателю, Натаниэлю Пондеру, проживающему в

Полтрэ вблизи Корнхилла. Пондер сам недавно был освобожден из тюрьмы. Он попал туда 10 мая 1676 года, так как «напечатал недозволенный памфлет, который призывал к бунту и глумился над христианской верой». Но уже 26 числа этого же месяца хроника королевского совета сообщает: «Натаниэль Пондер, печатник, освобожден по его смиренному прошению о помиловании, так как он сожалеет о своих действиях, и обещает никогда больше не грешить таким образом». Уже вскоре выяснилось, что его согласие уплатить денежное поручительство в размере 500 фунтов оказалось мудрой тактикой. С того мгновения, как Баньян переступил порог его типографии, имя Пондера стало знаменитым, и он сам, если исторические книги не обманывают нас, добился положения в обществе. Прошло немного времени, и его коллеги называли его не иначе как «Баньян-Пондер».

Это был поистине счастливый день для мистера Натаниэля Пондера, когда 22 декабря 1677 года Баньян «зашел в его фойе с лицензией, подписанной мистерами Тёрнером и У. Вере, чтобы отдать в печать книгу ‹Путешествие пилигрима›». Официально она была лицензирована только 18 февраля 1678 года.

Объявление в окне магазина Натаниэля Пондера и ряд небольших книг за полтора шиллинга заинтересовали прохожих. О чем эта книга? Одна из книг была раскрыта и позволяла заглянуть в ее содержание.

Вскоре люди из всех сословий стали приходить к мистеру Пондеру. Молодые и старые, богатые и бедные, мужчины и женщины, молодежь и дети, пешком и на каретах, — все заинтересовались «Путешествием пилигрима», и это привело к тому, что тираж книг первого издания таял на глазах.

Сердце Натаниэля Пондера билось все сильнее, его глаза сияли, видя, как стопка книг становилась все меньше и меньше. У него была одна забота, успеют ли его рабочие печатать настолько быстро, чтобы удовлетворить спрос на книгу. Он постоянно поторапливал своих рабочих, так как никогда прежде он не имел такого успеха.

До конца года вышло уже два издания (второе было переработано самим автором), но люди по всей Англии все еще требовали последнюю книгу лудильщика. Натаниэль Пондер радостно потирал руки.

К концу 1678 года, когда в Англии было распространено более двух тысяч книг, Джон Баньян и Натаниэль Пондер стали совещаться. Автору книги пришли новые мысли, а у издателя появилась надежда на еще больший успех. Они решили выпустить новое издание, которое по многочисленным просьбам читателей должно было содержать портрет Баньяна, как он спит в «пещере» и видит сон. Это дело поручили Роберту Уайту, и на следующий год вышло третье переработанное и дополненное издание. Продажа все нарастала, и Пондер был в затруднении, так как не всегда успевал удовлетворить спрос на эту книгу, которую неспроста уже называли самой важной книгой после Библии. Другие издатели с завистью наблюдали за успехом Пондера и некоторые из них стали нелегальным образом распространять недоброкачественные копии этой книги. Это пиратство достигло такого размаха, что Пондер был вынужден в четвертом издании (1680) написать следующее: «В нашей отрасли есть некоторые непристойные люди, лишенные всякого чувства достоинства, с такими мерзкими принципами, что они не гнушаются посягать на права других людей. Мы называем их ‹пиратами›. Один из них попался на том, что печатал мою книгу не только для себя, но и для пятерых своих сообщников.»

В том же 1680 году Пондер выпустил пятое издание с указанием: «Так как книга ‹Путешествие пилигрима› нашла хороший отклик у читателей, вызвавший необходимость четвертого, еще более расширенного издания, и так как издатель узнал, что многие люди желают иметь эту книгу с иллюстрациями, то он взял на себя риск удовлетворить это желание. Поэтому мы наряду с обыкновенными сборниками пятого издания (т.е. с портретом Баньяна и «сожжением Верного») издали и такие, которые содержат для желающих 13 гравюр. Гравюры можно купить у нас и отдельно за один шиллинг.»

В течение десяти лет после выпуска первого издания «Путешествия пилигрима» в Великобритании было выпущено десять авторских изданий общим тиражом в 100.000 экземпляров. Согласно Чарльза Доуа еще при жизни автора книгу перевели на многие европейские языки. Такого успеха не имела еще ни одна книга, кроме Библии. Общее число изданий начиная с 1678 года и до наших дней невозможно пересчитать, так велик был спрос на нее.

***

Пока Джон сидел в городской тюрьме, умер его отец, Томас Баньян, «старый лудильщик из Эльстоу», и 7 февраля 1676 года он был похоронен на сельском кладбище. Свое завещание он начинает словами: «Во имя Бога, аминь. 22 января 1675 года по исчислению церковного календаря Англии». Затем он описывает себя как мастера художественных работ по меди и «предает себя, прежде всего, в руки всемогущего Бога… надеясь через заместительную смерть и страдания Иисуса Христа, моего Спасителя и Искупителя, достичь прощения моих грехов. Относительно моего тела, чтобы оно было похоронено по-христиански… Моему сыну Джону я завещаю один шиллинг» и т.д. Столько же он завещал всем другим детям, а остальное свое скромное имущество — своей жене Энн. Мы ничего не знаем о том, как Томас относился к своему сыну, который столько лет провел в тюрьме ради Евангелия. Мы также не знаем, был ли Джон на похоронах своего отца.

***

Как только Джон Баньян освободился из тюрьмы, он снова стал служить нонконформистам в Бедфордшире. При общей численности населения в стране около 51.000, нонконформистов было три или четыре тысячи. Если принять во внимание долгие годы гонений, то это число было довольно значительным. В самом Бедфорде нонконформистов было всего 121 человек, но и это было в четыре раза больше по отношению к 1669 году.

На политическом небосклоне все еще висели черные тучи: папский заговор грозил перерасти в гражданскую войну, и как говорил Даниэль Дефо, мужчины стали полировать свои пушки. Это не давало Джону Баньяну покоя, и он сам говорит: «Наши дни были поистине тяжелыми, мы уже начали бояться, что нам перережут горло или сожгут в наших постелях, и что нам придется увидеть, как наших детей рубят на куски. Но, — признает он, — мы узнали, что имеем милостивого короля, смелых парламентеров, крепкие города, хороших бургомистров, честных шерифов и эффективные законы, которые защищают нас. На все это мы возложили нашу надежду и забыли при этом, что сказано в увещание в Слове Божьем: Израиль, надейся на Бога!»

Работая над своими книгами, которые частично сохранились и до нашего времени, Джон Баньян наблюдал за ходом событий.

Но не только как автор, но и как пастор, он был неутомим. Из его собственноручных записей в церковной книге видно, как он обходился с доверенными ему. Он увещал братьев и сестер к их благу, при этом бескомпромиссно называя зло своими именами. В связи с этим последняя запись особенно интересна, так как можно предположить, что упомянутый там брат послужил прообразом для следующей книги Баньяна «Жизнь и смерть ‹господина Скверного›». Этот брат был исключен из церкви «из-за лжи, хулы и возмутительного поведения по отношению к церкви в общем и к некоторым братьям в особенности», после того как ему безуспешно советовали признать свою вину и принести плоды покаяния. Эта книга являлась контрастом к книге «Путешествие пилигрима». В этом труде автор использовал форму диалога. Доктор Джон Браун установил явную схожесть этой книги с книгой Артура Дента «Путь человека в Царство Небесное», которую имела первая жена Баньяна. «Соответствий слишком много, чтобы считать их случайными», — делает он вывод. Хотя между этими книгами есть и значительные различия, но, как утверждает доктор Браун, «основной рисунок у обоих одинаков. В обоих идет речь о беспощадном изображении человеческой природы, во всех ее проявлениях: гордости, нечистоте, проклятии, обмане, неискренности и пьянстве».

В 1680 году Натаниэль Пондер взялся за издание этого труда. Но популярности «Путешествия пилигрима» он не достиг.

Глава 30

Духовная война

Послушай, что я узнал о «Человеческой Душе» и ее состоянии,
как она была захвачена и продана в рабство,
и при этом ненавидела Того, Кто хотел освободить ее.
Джон Баньян, «Духовная война»

«Путешествие пилигрима» — это шедевр, который автор едва ли мог превзойти каким-либо другим трудом. Поэтому со дня издания в 1678 году этой книги Баньян два или три года не писал вообще. Но затем его творческий гений и истинный дух, который воспринимал все окружающее, создал другую аллегорию, о которой лорд Маколей заметил, что ее следовало бы считать самой великой религиозной притчей, если бы не было «Путешествия пилигрима».

В «Духовной войне» Баньян снова достиг литературного триумфа. Хотя эта книга и не захватывает читателя с самого начала, и ему даже приходится прилагать некоторое усилие, чтобы дочитать ее до конца, все же она покоряет его своим образным языком и подкупает своим остроумием. Духовная сторона везде на переднем плане, но одновременно ярко выражены и сатирические черты. И не раз люди, жившие в окружении Баньяна, узнавали себя в героях этой книги. Описанным характерам недостает только выраженной индивидуальности, которая присуща «пилигримам», но Баньяну удается мастерски олицетворить многие грани человеческой природы. Он знает свой город и его жителей, особенно городскую знать. И новый закон для «Человеческой Души» отражает постановления, которые выходили в Бедфорде в то время, когда он писал эту книгу. Король и граф из Эйлсбери объявили старый указ о свободе недействительным и выпустили новый. Он был зачитан жителям Бедфорда лордом Брюсом, сыном графа. При этом стало ясно, что король хотел взять в руки управление всеми органами власти включительно парламент.

Совершенно бесполезен спор о том, какая из обеих притч — «Путешествие пилигрима» или «Духовная война» — имеет большее духовное значение. Баньян испытал на себе все. Многие годы он шел

суровым и узким путем странника, и также долго участвовал в духовной борьбе, предписанной каждому христианину, борясь не только с плотью и кровью, но против «начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной», которые не только невидимы, но зачастую вообще не берутся человеком в расчет. Фактически Баньян сам является «Человеческой Душой». Потому первое издание этого бессмертного произведения содержит разворотный лист с портретом автора (это единственный его полный портрет). Здесь его сердце изображается крепостью а армии Шаддая и Дьяволоса стоят справа и слева от него, стараясь завоевать цитадель.

Внутренняя необходимость заставила Баньяна взяться за перо и написать эту аллегорию. Читателю он говорит:

Почему все, которые охотно пишут
О старых, давно прошедших событиях,
И этим прославляют свое историческое знание,
Молчат о борьбе Человеческой Души,
Относя это к миру сказок,
Которые не приносят никакой пользы читателю?
Делай, что хочешь! Но кто так глупо рассуждает,
Показывает, что он сам себя еще не знает.

В предисловии он советует читателю пользоваться многими меткими сносками, сделанными им.

В конце притчи он вспоминает колокольню в Эльстоу, когда пишет:

«…Итак, прощайте! Ведь в следующий раз мне возможно придется звонить по умершему.»

Этим он хотел напомнить читателю, что жизнь коротка и необходимо быть готовым к будущему.

Для Джона Баньяна работать означало жить. Он никогда не переставал писать, исполнять свои пастырские обязанности, заботиться о домашних и делать свою работу. Его проповеди были основаны не на мгновенных впечатлениях, они были очень хорошо обдуманы, обработаны и испытаны в жизни. Подтверждается сказанное о Баньяне: «Он вначале проповедовал истину с кафедры, и затем еще раз проповедовал ее на практике».

Рукопись «Духовной войны» после обработки была отдана новым издателям: Дорману Ньюману и Бенджамину Олсопу из

Полтрэ. В 1682 году эта книга была выставлена на продажу за один шиллинг. Дорман Ньюман, один из известнейших издателей своего времени, обанкротился в связи с неудачными биржевыми спекуляциями. Джон Дунтон, тоже издатель, упоминает Ньюмана в своей автобиографии: «Это человек с превосходными качествами... после своего несчастья превратился в проповедника.» О Бенджамине Олсопе эксцентричный Дунтон пишет: «Он многие годы был первоклассным издателем. Но... так как Бен был таким неспокойным парнем, он нанялся в армию Монмоута... В случае успеха герцога, он стал бы графом или бароном... Я (Дутнон) перенял его типографию в Полтрэ, и жил бы там до сегодняшнего дня (1705 г.), если бы находил удовольствие в шуме и суете.»

Нам неизвестно, почему Баньян поменял на этот раз издателей, но первые два издания «Духовной войны» (1682 и 1684 гг.) выпущены Дорманом Ньюманом. Второе издание вышло под расширенным названием: «Духовная война, которую Христос ведет против дьявола ради овладения человечеством». Впоследствии титульный лист снова получил свое первоначальное название.

Весной 1685 года Чарльза II разбил тяжелый паралич, и следующим летом герцогу Монмоуту пришлось подняться на эшафот. Поражение Монмоута отрезвила Олсопа, как язвительно сообщает Дунтон. На трон вступил Джеймс II, и его желание — тут же опять ввести в Англии римский католицизм — принесло гонения тем, о которых он, собственно, хотел позаботиться! Парламент упрямо держался Акта о присяге 1673 года, который лишал католиков возможности занимать какие-либо должности и посты в Англии, и требовал от короля утверждения закона, направленного против всех, не принадлежащих к церкви Англии. Джеймсу II, естественно, не хотелось выпускать закон против последователей своей собственной конфессии. За нонконформистов он не переживал. Так после восстания герцога Монмоута в 1685 году снова начались преследования при полковнике Кирке и судье Джеферсе.

Глава 31

Вторая часть «Путешествия пилигрима»

Две части «Путешествия пилигрима» можно считать почти что английской Одиссеей и Илиадой в прозе. Возвышать значение одной против другой — нецелесообразно... Если не взвешивать скрупулезно каждое слово в этом высказывании, можно сказать: первая часть — это эпос, а вторая — романтический рассказ.
магистр, д.ю.н. Дж. В. Мак'кейл

Джон Баньян стал уважаемым писателем и слыл таким не только у читателей, но и среди литераторов. Его книги быстро раскупались, и в следующие два года он написал ряд богословских статей. К ним однако нельзя причислить трактат, из шестнадцати строф, под названием «Призыв пробудиться и быть начеку перед грехом».

Но большой круг читателей желал более легкой пищи. «Духовная война» и «Господин Скверный» не очень понравились им. Снова и снова они читали «Путешествие пилигрима» и им очень хотелось знать, что стало с женой Христианина и его детьми, так как в их ушах постоянно звучали заключительные слова этой книги, что вероятно он (Баньян) увидит еще один сон.

Натаниэль Пондер был не менее заинтересован в том, чтобы предложить своим покупателям продолжение сна. Но он противостоял искушению печатать ложные «продолжения», предлагаемые разными писателями, чтобы оживить свое предприятие, хотя один из его коллег не упустил эту возможность. Баньян сам хотел удовлетворить это желание, но время было дорого, и события предвещали тяжелые времена. Наконец он отложил в сторону все страхи и отдался своей фантазии, углубляясь в труд, который сам по себе предоставил бы ему почетное место между английскими писателями.

Его трактат «Призыв пробудиться и быть начеку перед грехом» пробудил в нем желание начать новый труд. В своем домике при церкви Св. Катберта, в окружении своих близких, он до 1684 года написал продолжение, которое ни в чем не уступает первой части «Путешествия пилигрима», так как нехватка воодушевления в нем восполняется нежностью и чувствительностью.

Некоторые критики утверждают, что вторая часть «Путешествия пилигрима» не достигает уровня первой. На самом же деле она является противовесом к ней. Обстоятельство, что люди с нетерпением ожидали второй части, показывает, что она была необходима, а одна часть книги бессмертного сновидца не может существовать без второй. Они неразделимы. К тому же Баньян был слишком большим художником, чтобы разрушить впечатление от первой части чем-то менее ценным. Его творческий инстинкт руководил им, и потому получилось как в настоящей жизни — более строгое предшествует более нежному.

***

— Джон, — восклицает Элизабет Баньян, — твоя книга все еще не готова? Я бы хотела, чтобы ты немного больше времени уделял мне!

— Дорогая, — отвечает он, — ты всегда со мной, и все мое — твое, но Натаниэль Пондер не дает мне покоя, он ждет от меня рукопись этой книги. Кроме того он уговаривает меня, чтобы я уже сейчас отдал ему одному право печати этой книги, ведь, представь себе только, есть такие мошенники, которые обворовывают не только его, но и меня.

***

Баньян, заканчивая свое произведение, добавляет:

Иди, моя маленькая книга, на все улицы,
Где уже появлялся первый странник!
Стучи, и если спросят, как тебя зовут?
Тогда только скажи: Меня зовут Христиана.
Если пригласят тебя, то войди…
Со всеми твоими детьми…

***

Пусть эта маленькая книга будет благословением
Для всех желающих — и для меня!

***

И если она уведет кого-то от злого пути
И направит его сердце и ноги на правильный путь,
То услышана будет молитва автора, Джона Баньяна.

***

— Если это начало, Джон, тогда читай дальше — дальше, все до конца, — просит его жена.

Так он читает до самых заключительных слов:

«... Я не стал ждать, когда сыновья Христианы со своими женами и детьми перейдут реку. Совсем недавно я узнал, что они еще живы и служат благословением для поместной церкви…»

Но Элизабет уже не слушает его. Она закрыла лицо руками и плачет. Затем она смотрит ему в глаза со сверкающими на ресницах слезами и спрашивает, прерывая слова рыданиями:

— Дорогой, если ты «Христианин», тогда милая девочка «Благодать» — твоя любимая Мэри, а «Христиана» — мне даже неудобно при этой мысли, так как она слишком добра — я, твоя жена Элизабет?.. Тихо, Джон, мне кажется, я слышу звучание небесных колоколов! Джон, прости! Может я сплю? Скажи мне, дорогой, твоя книга — это история, или пророчество?

***

История о Христиане и ее детях показывает Баньяна в его зрелые годы. Его стиль и его характер за это время усовершенствовались. Позади него уже было пятьдесят семь лет, которые часто до предела напрягали каждую ниточку нервов и мускулов его сильного тела. Его сердце и разум также были испытаны и натренированы. Он испытал смягчающее влияние девической любви Мэри и непоколебимую силу самоотдачи Элизабет, а также невыразимую радость от привязанности его слепой дочери и несколько грубоватой сердечности других детей.

Он встречал много пилигримов — пилигримов различного вида, начиная от старого «Речистого» и до «Отчаяния», а общение со «Смелым Сердцем» часто радовало его. При этом он видел, какое действие производило Евангелие на «ярмарке суеты» на примере возрастания собственной церкви. Итак, все герои его второй части также были взяты из действительной жизни и не являются простыми абстракциями. С каким наслаждением он шел теперь тем же путем, которым однажды прошел вместе с «Христианином», в то время, правда, с меньшей радостью, но зато с более разнообразными бедами. На его пути, покуда не была достигнута небесная страна, никогда не звучала музыка, в то время как в путе-

шествии Христианы везде звучит музыка: «музыка в доме, музыка в сердце» и, естественно, «музыка в небе!»

На самом деле Баньян никогда не осмеливался отдаться своей любви к музыке. Если бы он сделал это, то ему бы пришлось оставить возложенный на него суровый путь веры. Потому он удалял из своей жизни все искусительные звуки. Даже на богослужениях он не допускал пения псалмов, боясь отвлечься от истинного поклонения. И все же во второй части книги он нечаянно добавляет к сокровищнице христианских песен замечательный гимн пилигрима, «борца за истину». К утверждению же доктора Чивера, что Баньян также сочинил и мелодию к ней, следует относиться с большой осторожностью. Только однажды — с тех пор как он оставил колокольню в Эльстоу — Баньян не мог удержать себя от волшебства музыки (и это также передано только преданием). Это было в тюрьме, когда он из ножки стула смастерил флейту, с помощью которой старался успокоить свои взволнованные чувства!

Но тем, что было недоступно ему, могли наслаждаться другие. Его пилигримы, идя узким путем, поют и играют. И он также останавливается вместе с ними, когда «Смелое Сердце» обращается к пилигримам: «Слушайте, что говорит пастушок!» И все слушают сладкий голос, который исходит из удовлетворенного сердца:

«Если мое сердце будет бороться с гордыней
и спокойно переносить унижение,
Господь всегда будет моим водителем
и сохранит меня от падения.
На что мне богатства?
Довольствуюсь немногим,
любуюсь голубым небом,
прошу Бога вразумить меня.
Когда иду в путь, не беру с собой лишней тяжести,
потому что во время опасности она стесняет.
Выносить беду и горе с веселым сердцем,
жить в Боге, Царе Небесном —
вот в чем заключается земное поприще пилигрима!»

***

— Ах, Элизабет, — говорит Баньян, обнимая жену, — будущее нашей страны снова темнеет, и если меня снова посадят в тюрьму, то, возможно, конфискуют и наше малое имущество. Тогда тебе придется лишиться «и ложки и тарелки», а также и меня! Поэтому я написал так называемое завещание или дарственное письмо. В нем я все, что принадлежит мне, вместе с домом и моей мастерской, переписал на тебя. Только кольцо я не мог переписать на тебя, его я потерял в тюрьме, или его украли у меня. (Кольцо с инициалами «Дж. Б.» нашли, когда сносили мостовую тюрьму.) Вот эта бумага! — И они вместе читают этот документ:

«Всем, кому в руки попадет эта бумага! Я, Джон Баньян, из церкви Св. Катберта в городе Бедфорде, лудильщик, приветствую всех. Знайте, что я, Джон Баньян, в силу естественного уважения и любви к моей дорогой жене, Элизабет Баньян… и на основании этой дарственной бумаги завещаю и отдаю в собственность упомянутой Элизабет Баньян, моей жены…»

— Ах, что за странные формулировки!

— Так должно быть, — отвечает он, — чтобы завещание имело законную силу. — И продолжает: — «Все мое добро и особенно каждый предмет моего движимого имущества, мои долги…»

— Джон, — возмущенно говорит Элизабет, — у тебя же нет долгов!

— Только по отношению к Богу, и они заплачены за меня на кресте! Но теперь слушай, а то мы никогда не придем к концу, — и он читает дальше:

— «Имеющиеся деньги, тарелки и… (муж и жена переглядываются), кольца, приданое, одежда, домашняя утварь, медь, цинковый припой (она знает, что последнее находится в мастерской), постельные принадлежности и все остальное движимое и недвижимое имущество, из какого бы оно ни было материала…»

— Перестань, мой милый, я больше не могу это слушать! Зачем это нужно? Ты же не попадешь снова в… — и она заливается слезами.

Джон молча читает дальше, и когда Элизабет снова успокаивается, вслух продолжает:

— «И знайте впредь, что я, вышеупомянутый Джон Баньян, упомянутую Элизабет Баньян, назначаю наследницей вышеназванных предметов, чтобы она в покое и мире пользовалась ими, и для этого передаю их ей, после того как скрепил печатью свое завещание и на-

клеил на него серебряную монету, обычно называемую двухпенсовой. В доказательство этого, я, вышеупомянутый Джон Баньян, поставил свою подпись под печатью, а именно 23 декабря, в год правления Англией и проч. нашего суверенного господина, короля Джеймса II, в год века Господня, 1685».

— Это завещание подписали наши братья: Джон Бардольф, Николас Малин, Льюис Норман и Уильям Хокс, зять «святого Гиффорда».

Элизабет, конечно же, принимает слова мужа всерьез, но вычурный язык этого документа и упоминание никогда не существовавших в их скромных условиях вещей, вызывает на ее печальном лице улыбку.

— И где эта бумага должна храниться, Джон? — спрашивает она полусерьезно, полушутя.— Если она будет лежать под полом или за деревянной обшивкой, не забудем ли мы про нее?

— Милая, — отвечает ее муж совершенно серьезно, — я уже придумал место, куда ее положить — в трубе, там, наверху. Пойдем, посмотришь, куда я положу ее!

Элизабет, которая пережила своего мужа только на два с половиной года, видно, забыла про это завещание, так как нашли его только в 1838 году, когда их дом при церкви Св. Катберта был снесен.

Глава 32

Другие книги

Хорошая книга — это драгоценная кровь жизни большого духа, забальзамированная и хорошо сохраненная для жизни сверх этой жизни.
Джон Мильтон

В 1685 году Баньян собрал свои аргументы против соблюдения иудейской субботы в книгу, носящую название «Вопросы о естестве и продолжительности седьмого дня — субботы», которую он издал у Натаниэля Пондера. В ней он доказывает, что «первый день недели является истинной христианской субботой». Баньян говорит о своей книге: «Так как она очень маленькая, то лучше всего подходит тем людям, которые имеют только пустые кошельки, короткую память и мало времени, что обычно является долей самых незначительных и бедных среди людей».

Со следующим произведением он обратился к другому издателю — Джону Харрису, которого Джордж Ларкин, тоже один из издателей Баньяна, назвал «королем издателей».

Эта книга — «Размышление о фарисее и мытаре» — имеет на титульном листе изображение фарисея и мытаря, со стихом:

Смотри, как фарисей однажды в храме стоял,
И сам себя с поднятою рукою оправдал.
А мытарь вдалеке стоя,
Молился: Господи прости меня!

Внизу изображен интересный портрет автора, который обрамлен словами: «Истинный портрет Джона Баньяна, в возрасте 57 лет». Эта книга была издана в 1685 году.

На следующий год вышла «Книга для мальчиков и девочек или Простые рифмы для детей в куплетах о семидесяти четырех вещах», которая была напечатана Н(атаниэлем) П(ондером) и продавалась за полшиллинга. В 1888 году был обнаружен один экземпляр этой книги, проданной в Америку. Библиотека Британского музея выкупила ее, и теперь она находится там. Другой экземпляр неожиданно появился в 1926 году. Он был продан на аукционе за баснословную сумму в две тысячи гиней (фунт и один шиллинг) и увезен в Америку.

Выпустив детскую книгу, следующие два года Джон Баньян посвятил почти исключительно своим пастырским обязанностям, различными методами призывая грешников к покаянию и наставляя верующих. Видимо, он сознавал, что близится время его отшествия. Если он находил немного времени, то обрабатывал свои книги или готовил рукописи для издателей. Так, в постоянном труде, наступила весна 1688 года. «Дело Царя спешное», — думал он, обрабатывая страницу за страницей свои произведения, и среди них «Преизобилующую благодать», которую снова должен был издать Пондер.

Однажды утром, когда Баньян как всегда усердно работал, его известили о посетителе:

— Джон, пришел мистер Бэгфорд, — сказала Элизабет.

— О, заходите, я рад познакомиться с Вами! — сердечно приветствовал Баньян посетителя, протягивая ему руку.

— Вы знаете многих моих друзей, мистер Баньян, — начал ободренный таким приемом Бэгфорд, — которые, конечно, и Ваши друзья, так как во всем Лондоне звучит Ваше имя!

Джон Баньян, не обращая внимания на комплимент, начал разговор об авторах и издателях.

Джон Бэгфорд собирал книги, не только для себя, но и для своих клиентов, которые искали редкие издания; а также переиздавал некоторые из них, так как большой пожар 1666 года уничтожил многие известные произведения, и среди них немалое число книг Баньяна. Многие еще не переплетенные в типографии листы были уничтожены. Немало книг из-за этого стали раритетом.

Мистер Бэгфорд с интересом оглядывался в маленьком кабинете лудильщика, осматривая его содержимое, а Джон Баньян внимательно наблюдал за своим посетителем. Гость обнаружил на столе стопку рукописей, «Библию и кругом стопки книг (прежде всего «Путешествие пилигрима»), которые он сам написал». Так пишет в своем дневнике Томас Хэрн, оксфордский библиотекарь. Он также добавляет: «Джон принял его (Бэгфорда) очень вежливо и предупредительно».

Мистер Бэгфорд не напрасно проделал долгий путь, чтобы посетить лудильщика, автора и проповедника дома во время работы. То, что он получил, превзошло все его ожидания.

Джон Баньян готовил к печати новую книгу: «Спасение грешника из Иерусалима или Добрая весть для худшего из людей, помощь отчаявшимся». Эту книгу он сдал в печать Джорджу Ларкину. Книга «Иисус Христос в качестве Ходатая...», тоже написана в это время и издана Дорманом Ньюманом. «Проповедь о строительстве, природе, превосходстве и управлении дома Божьего, как совет и путеводитель для всех, живущих в нем», была передана также Джорджу Ларкину. Книгу «Вода жизни» издал Натаниэль Пондер. «Храм Соломона, духовное размышление, или Свет Евангелия из храма в Иерусалиме, чтобы нам ясно узреть славу новозаветных истин» издал Джордж Ларкин. И наконец, «Приятная жертва или Совершенство сокрушенного сердца, в которой объясняются природа, признаки и воздействие сокрушенного духа». Эту книгу он хотел отдать в печать, когда в следующий раз поедет в Лондон.

Джон Баньян часто бывал в Лондоне, чтобы проповедовать вместо своего друга Джорджа Кокейна, который прежде был пастором в Соперлейне, а теперь имел церковь на Ред-Кросс-стрит. Доктор Джон Оуэн слушал лудильщика всякий раз, когда он бывал в городе. В Пиннерс-холле на Олд-Брод-стрит впервые была сказана проповедь «Величие души». Позднее она была напечатана в «Мершантс Лекчез». В церкви Джона Оуэна Баньян проповедовал перед такими уважаемыми слушателями, как лорд Чарльз Флитвуд, сэр Джон Хартоп, генерал Десборо (зять Кромвеля), миссис Бендиш (внучка лорда-протектора) и подобными людьми. Но Джон Баньян не был лицеприятен, его больше влекло к презренным и униженным, чем к высокопоставленным. И в маленьком собрании на дому у мистера Мора, Чарльз Деу, гребенщик из Саузворка, впервые услышал лудильщика из Бедфорда. «Чего страшится нечестивый, то и постигнет его, а желание праведников исполнится» — было первой проповедью, которую услышал Деу. «Во всяком случае, я был очень возмущен текстом, так как он был не из Нового Завета, а я в то время был очень бдителен, чтобы меня не обманула человеческая казуистика, ведь некоторые умудрялись излагать Писание к своей выгоде. Но мистер Баньян говорил так по-новозаветному, что я только восхищался сказанным. От радости я плакал и после не мог не высказать ему своего признания». Позднее Чарльз Деу сказал: «Я сам предста-

вился ему в письме, и с тех пор не встречал человека, который был бы так приятен мне». Это было в 1685 году.

В бурные годы гонений, периода до Акта Терпимости Джеймса II, служение Баньяна часто должно было проходить нелегально. Теперь же лудильщик-проповедник мог говорить перед большими собраниями, и Чарльз Деу сообщает о толпах народа, которые устремлялись в лондонские молитвенные дома, даже тогда, если о приезде Джона Баньяна становилось известно лишь накануне. Дальше старый гребенщик сообщает, что уже в семь часов утра около тысячи двухсот людей приходило на такие богослужения, «и это в рабочий день, в середине зимы». Деу рассказывает даже о трех тысячах человек, которые «в одно воскресенье собрались на краю города Лондона, так что половина людей была вынуждена вернуться домой из-за нехватки места; Баньяну самому пришлось зайти в помещение через заднюю дверь и протискиваться сквозь толпу к кафедре».

Джон Баньян мог бы стать в Лондоне известным проповедником, если бы он захотел этого, но он чувствовал, что должен быть в своем городе. Все настойчивые просьбы, переехать в столицу, он отклонял. Так как — так говорит Деу — «он не был человеком, который при проповеди искал собственной выгоды, он отклонял более хороший заработок, чтобы остаться на своем посту».

Глава 33

Примиритель

Итак, мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом.
2 Кор. 5:20

— Джон, посмотри, как льет, — подавленно произнесла Элизабет, глядя на непрекращающийся дождь, — сегодня совсем немногие придут на собрание.

— Женушка, этот день сотворил Господь, будем радоваться ему! Дождь тоже приходит от Господа! Смотри, как он падает на праведных и нечестивых, и кроме этого, дорогая жена, Господь благословляет — много нас или мало!

Элизабет оказалась права. В это воскресное утро в амбаре Жосайаса Раффхеда собралась лишь маленькая группа людей. Но тот, кто пришел, несмотря на немилосердную погоду, был щедро вознагражден. Джон Баньян помолился, прочитал из Библии и проповедовал с большой силой. В конце он пригласил к столу Господню всех, кто от всего сердца любит своего Спасителя и служит Ему. У пастора обильно текли слезы, когда он рассказывал слушателям о страданиях Христа, смерть Которого они сейчас вспоминали.

— Это была последняя вечеря нашего возлюбленного Спасителя, — громко проговорил Джон Баньян, — и никогда Он не будет пить вина Нового Завета, пока Он не совершит это в Царстве Божьем. Братья и сестры! Возможно кто-то из нас сегодня в последний раз на земле принимает участие в этом святом празднике! «Я иду, чтобы приготовить вам место», — сказал наш дорогой Господь, и это Его обещание действительно и для нас — он немного помедлил и добавил — и для меня!»

В маленьком помещении прозвучало ревностное «аминь», оно исходило из сердец всех собравшихся.

***

На следующий день с раннего утра Джон Баньян уже опять работал над своей новой книгой.

— Джон, — тихо произнесла Элизабет Баньян, осторожно открывая дверь, — Джон, молодой человек из дома напротив хочет поговорить с тобой. У него, видно, большая беда.

— Попроси его зайти, дорогая, — ответил он и отложил работу в сторону.

Сердечное приветствие пастора немного ободрило гостя. После нескольких смущенных слов молодого человека Баньян ободряюще положил свою руку ему на плечо. Затем взяв в руки Библию, тихо прочитал ему притчу о блудном сыне.

— Я не знаю, насколько эта история касается твоего случая, мой дорогой юноша, — сказал Баньян, — но обдумай, все мы перед Богом как блудный сын. Я не исповедник и очень мало могу сделать для тебя, но Бог может и хочет сделать все — если ты доверяешь Ему. Ты уже говорил Ему о том, что ты только что рассказал мне? Мой мальчик, ты должен с сокрушенным сердцем пойти во имя Иисуса Христа, твоего Спасителя, к Небесному Отцу. Прежде, чем ты не получишь прощение от Него, я не могу пойти к твоему земному отцу и просить прощения за твои ошибки. Давай помолимся!

Когда они встали с колен, в глазах молодого человека стояли слезы. Он обхватил сильные руки Джона Баньяна и, рыдая, проговорил:

— Я сердечно благодарю Вас, сосед Баньян, за великодушное обещание. Надеюсь, мой отец приветливо примет Вас. Да сохранит Вас Бог в поездке и исполнит мою просьбу!

— Аминь, — вздохнул пастор.

***

— Дорогая Элизабет, будь так добра и приготовь мне на дорогу пару вещей. Прежде, чем я поеду в Лондон, я должен обязательно посетить отца этого молодого человека в Рединге, это дело не терпит отсрочки. Молодой человек в состоянии блудного сына. Он растратил свое богатство в распутной жизни, и теперь отец лишил его наследства!

— Но, Джон, признал ли этот юноша свои грехи и верит ли он Евангелию?

— Да, милая, я не сомневаюсь в том, что он раскаялся, так как он только что встал, чтобы пойти к своему Небесному Отцу

и сказать Ему, что он недостоин называться сыном Его. Потому я твердо верю, что молодой человек перешел в новую жизнь со Христом. Но когда я уеду, он будет нуждаться в помощи. Пусть церковь молится за него.

Джон Баньян вернулся к своему рабочему месту, чтобы добавить к своей рукописи несколько заключительных строк и взять ее с собой в Лондон. «Почему место жертвы, которую мы можем принести Богу, заняло сокрушенное сердце? — писал Баньян в помещении, в котором только что молодой человек изливал свое сердце. — ‹Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже›, — тихо проговорил про себя Баньян, в то время как его перо скользило по бумаге. — Но как тебя, так и все твои дела (продолжал он, как будто молодой человек все еще был здесь) Он обязательно отвергнет, если ты предстанешь перед Ним без сокрушенного сердца. Итак, приди к Богу сокрушенным, приди разбитым, приди с сознанием своих грехов и плачь о них, или твой приход будет напрасен и не принесет тебе никакого успеха». Затем Баньян большими буквами «КОНЕЦ» закончил свое произведение «Приятная жертва или Совершенство сокрушенного сердца». Это оказалось его последним литературным произведением, которое было поручено ему Богом и людьми.

— Но Джон, — тревожно спросила Элизабет, собирая его в дорогу, — чувствуешь ли ты себя достаточно крепким для такого дополнительного путешествия? В последнее время твое здоровье ослабло, а на улице душно и жарко!

— Послушание, женушка, лучше нежели жертва. Я должен исполнить это поручение, чего бы оно ни стоило!

— Да будет на все воля Божья, — серьезно ответила жена.

Хотя Элизабет Баньян во всем тихо повиновалась, на этот раз она чувствовала при прощании незнакомую боль. Его большая и тяжелая фигура, его свежий вид, в это прекрасное летнее утро, — ничто не напоминало о том, что его тело много пострадало от длительного заключения и тяжелой работы. Он вскочил на лошадь и улыбаясь произнес:

— Не переживай, моя девочка. Бог всякого утешения и мира да будет с тобой и нашими детьми. Пойди в Эльстоу, дорогая, и положи эту розу (он протянул ей цветок) на могилу нашей любимой слепой Мэри! Что я сказал? Она слепая? Нет, ее гла-

за теперь открыты, так как она видит Царя и славу Небесной родины. Какая это будет встреча, когда мы там снова увидимся! — После этих слов, которые он сказал больше для себя, он весело продолжил: — Я проведу одну ночь в Рединге, а когда буду в Лондоне, то остановлюсь в доме брата Страдвика в Холборнхилле. Да сохранит вас Бог! — С этими словами он слегка похлопал свою лошадь и, спускаясь вниз по улице, вскоре исчез из вида.

Рядом с Элизабет стояла недавно вышедшая замуж дочь Сара, красивая статная девушка.

— Мама, — проговорила она сочувственно, — почему ты плачешь? Ты боишься, что с нашим папочкой может что-то случиться?

— Ах, дочка, у меня такое предчувствие, что… — она немного помедлила, — что мы его больше не увидим! Боже, прости меня, что я так оробела, но… — она заплакала, — но почему-то я чувствую, что ему нездоровится. Ах, если бы он не пообещал поехать в Уайтчэпел, и уж тем более не в Рединг. Ах, если бы я могла поехать за ним! — При последних словах Элизабет повернулась к двери.

— Не плачь, мамочка! Всеведущий Бог позвал папу на Свое служение — будем же надеяться на Него!

Обе женщины крепко обняли друг друга.

Тем временем Джон Баньян наслаждался красотой природы. Пока он ехал по своему родному графству и через граничащие с ним местности в Беркшир, его отовсюду приветствовали. Везде его хорошо знали. Наконец он добрался до Рединга и спешился перед домом отца своего молодого друга. И здесь его знали. Предание говорит, что однажды он проповедовал здесь в годы гонений. Чтобы приехать на собрание неузнанным, он переоделся кучером и прибыл туда с кнутом в руках.

Огорченный отец стал вначале отвергать все ходатайства. Сын для него был мертв. Но нелегко ему было избавиться от пастора церкви Бедфорда, который тихими молитвами наконец достиг сердца пожилого человека — как прежде его сына — и в конце концов он склонился на молитву. И отец и сын на коленях признали себя недостойными грешниками и получили прощение через Кровь Иисуса Христа. Так, примиренные с Богом, они снова нашли друг друга.

***

— Брат Рэнс, — радовался Баньян, — я думаю, это хорошая новость для твоих людей! Две души приведены к Господу. Слава Его имени! Некогда такой ожесточенный отец хочет присоединиться к нам.

Джон Рэнс, пастор маленькой церкви в Рединге, радостно кивнул в знак согласия, и они оставили его скромный домик, чтобы направиться вдоль Пигни-Лейн к берегу реки Кеннетт. Там им, за неимением лучшего молитвенного дома, местом для собраний служил хотя и старый, но вместительный лодочный ангар. После богослужения Джон Рэнс вместе с Баньяном вернулся в свой дом, где они до полуночи рассуждали о вечных истинах, забыв обо всем на свете. Наконец они поднялись, чтобы пойти на отдых. При этом Рэнс заметил:

— Брат Баньян, твое посещение несказанно обрадовало меня! Как охотно братья и сестры слушали твою проповедь! Приезжай к нам снова, брат, и как можно скорее. Да пошлет тебе Бог хороший отдых!

— Брат Рэнс, — серьезно ответил Баньян, вздыхая, — брат Рэнс, я в руке Божьей, да будет Его святая воля!

— Аминь, аминь! — согласился Джон Рэнс, и они отправились спать.

***

В то августовское утро — четверг, 16 числа — не чувствовалось ни ветерка, но тучи висели угрожающие и темные.

— Собирается непогода, брат Баньян, — заметил Рэнс, — может быть, ты бы лучше еще один день побыл здесь и переждал грозу?

— Нет, брат. Сердечно благодарю, но нужно делать дело Божье. День уже на исходе, скоро настанет ночь, оставайтесь с Богом! — И бедфордский пастор вышел из дома и сел на лошадь.

Глаза Джона Рэнса наполнились слезами, когда его друг скрылся вдали.

***

«Бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся, — рассуждал Джон Баньян, в то время как копыта его лошади стучали по ухабистой дороге.— А какая радость долж-

на быть там, когда возвращаются двое грешников?» — Он счастливо улыбнулся при мысли, что отец и сын снова примирились.

***

Но задолго до того, как он достиг Лондона, началась непогода. Под грозовыми раскатами, сверкающей молнией и проливным дождем он отыскивал свой путь сквозь грязь и потоки воды. До ниточки промокший и дрожащий от холода, Джон Баньян наконец достиг дома Джона Страдвика и охотно принял предложение тут же лечь в постель.

Джон Баньян провел беспокойную, наполненную тревожными снами ночь: переживания в пути, печальное лицо жены, мысли о слепой дочери и о том, как он однажды встретит ее в небе — возвращались снова и снова, а пульс бешено стучал в его висках.

Покой следующего дня и еще одной ночи придали ему немного силы, так что на следующий день он смог принять участие в утренней семейной молитве. Это был первый день недели.

Глава 34

В молитвенном доме мистера Гэммона

Проповедуй слово... обличай, запрещай, увещевай...
2 Тим. 4:2

Все еще страдая от серьезной простуды, Джон Баньян железным усилием воли противостоял всем стараниям своего верного друга, Джона Страдвика, удержать его от проповеди в Уайтчэпеле в собрании мистера Гэммона.

Поэтому в воскресное утро, 19 августа 1688 года, пастор вместе с Джоном Страдвиком и другими друзьями отправился в путь. Все спутники Баньяна переживали о его здоровье, но они знали, что он действовал по поручению Бога.

Им на всю жизнь запомнилось то, что он говорил им по дороге о страданиях. Все еще слабый и страдающий человек с большой уверенностью говорил:

— В периоды страданий мы обычно имеем самые сладкие общения с нашим Господом.

Джон Страдвик свободной рукой поддерживал другую руку, на которую, тяжело дыша, опирался его друг. После короткой остановки, Баньян, глядя вдаль, произнес:

— Школа креста, братья, это школа света… Из темного искушения, — и он утвердительно кивнул головой, подчеркивая свои слова, — исходит духовный свет! Не правда ли, брат Страдвик?

Джону Страдвику было только тридцать четыре года, и потому он помедлил с ответом. Они пошли дальше. Затем Баньян серьезно и так громко, чтобы все могли слышать, произнес:

— Я часто думаю, что лучших христиан можно найти в трудные времена... Я также думаю, причина того, что мы не лучше, состоит в том, что Бог нас больше не наказывает. Ной и Иов во времена страданий были чище! И какими бесполезными они были, когда им было хорошо.

Баньян снова остановился, опираясь на свою трость, и посмотрел на окружающих братьев. Все они были предпринимателями, и им казалось, что его испытующий взгляд пронизывает каждого из них. Тяжело вздохнув, он продолжил путь.

Джон Страдвик размышлял об услышанном: «...бесполезными, когда им было хорошо... Хорошо ли ему? О да, ведь совсем недавно он приобрел нового клиента из высших слоев, лорда Джеймса Рэдклиффа! Но, — задумался он, — стал ли я ленивым, бесполезным? Сохрани меня Господь от этого!»

Наконец они дошли до молитвенного дома, и мистер Гэммон сердечно приветствовал проповедника, но, увидев состояние Джона Баньяна, смутился.

Такого богослужения в Уайтчэпеле еще никогда не было — и больше никогда не будет. Молитвы Баньяна были особенными. Когда он молился, он спрашивал себя: «Для чего, моя душа, ты пришла в это место? Хочешь ли ты действительно разговаривать с Господом в молитве? Присутствует ли Он здесь, и услышит ли Он тебя? Милостив ли Он к тебе, чтобы услышать тебя? Переживаешь ли ты о благополучии своей души? Какие слова ты изберешь, чтобы обратить на себя Его милосердие?»

Со склоненной головой он начинал молиться:

— Мы лишь пыль и прах, Ты — великий Бог, Отец нашего Господа Иисуса Христа! Мы — грязные грешники, Ты — святой Бог! Мы — бедные, в пыли ползущие черви! Ты — всемогущий Творец! — Затем молитва перешла в хвалу и благодарность за все Божьи милости: — Дай, Господи, чтобы наши сердца лучше были без слов, чем наши слова — без сердца! Ведь мы знаем, что молитва удерживает нас от греха, мы также знаем, что грех удерживает нас от молитвы. Поэтому дай нам истинный дух молитвы, который намного дороже золота и серебра! (И снова Джон Страдвик вспомнил слова пастора, сказанные сегодня утром.) Помоги нам, чтобы мы чаще молились, о Боже, — умолял Баньян, — так как молитва — щит для нашей души, жертва благодарности для Тебя и мука для сатаны!

После молитвы наступила глубокая тишина. Проповеднику нужно было немного отдохнуть, прежде чем обратиться со словами увещания к слушателям. Он выпрямился и окинул всех собравшихся любящим взглядом. Затем он ясным мягким голосом прочитал текст: «Которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Иоан. 1:13).

— Эти слова, — не без труда произнес Баньян, так как чувствовал себя очень слабым, — ссылаются на предыдущие, — он сделал глу-

бокий вздох, — и поэтому я должен вам указать на них, — ему снова пришлось сделать паузу, — чтобы вы смогли все правильно понять.

***

— От Бога родились… ни от крови — это значит, не от людей, не от плоти, не оттого, что я дитя благочестивых родителей… Не думайте про себя: Авраам наш отец… Вы должны родиться от Бога… — он говорил с видимым усилием и делал частые паузы. — Естественное желание благ будущего мира не является гарантией, что после смерти мы войдем в небо. Я не придерживаюсь учения о свободной воле. Это мерзость для меня... Итак, дело не в хотящем, не в бегущем, но в милостивом Боге! — глаза Баньяна засияли при этих последних словах, стукнул кулаком по кафедре, окинул всех любящим взглядом и продолжил: — Если бы дело касалось нашей воли, дорогие братья и сестры, то я охотно взял бы вас всех на небо!

***

— Вы родились от Бога, вы христиане, но кто не может «кричать», в том нет духовной жизни. Кто родился от Бога, не может иначе, как кричать: «Что мне делать, чтобы спастись?» А сколько верующих в Лондоне никогда не молится? — Он сделал длинную паузу. — В кофейной нельзя научиться молиться, а также совершая сделки, — при этом он проницательно взглянул на мужчин перед собой. — Зеркала, — при этом он посмотрел в сторону женщин, — тоже не научат нас молиться, но, — и он повысил голос, — если вы родились от Бога, тогда вы будете молиться. Кто возрожден, никогда не успокоится, пока он не примет в свою душу молоко Слова Божьего. Все возрожденные живут обетованиями Христа... О, какие золотые одежды приготовил Христос возрожденным!.. Новорожденное дитя не может жить без золотой праведности Христа. Все возрожденные стали новой тварью. Они стали подобными образу Иисуса Христа.

***

И проповедник продолжал сравнивать дитя благодати, возрожденное дитя с ребенком, рожденным женщиной, на различных ступенях его развития.

— Вышли ли вы уже из мрачной темницы этого мира и пришли ко Христу? (При этом он, видно, вспомнил о своем долгом заключении).

Он все настойчивее увещал и предупреждал своих слушателей, в своем духовном рвении полностью позабыв свою физическую слабость.

— Если вы дети Царя, тогда живите как подобает царским детям! И если вы воскресли со Христом, тогда стремитесь к небесному, а не к земному!.. Если вы дети Божьи, тогда любите друг друга… Видите ли вы кого-то, — продолжил он с сияющими глазами и пылающим от поднявшейся температуры лицом, — видите ли вы кого-то, который носит подобие Божье? — Ему снова пришлось сделать паузу, так как ему не хватало воздуха. — Тогда любите его, любите его и говорите себе: этот человек и я — мы должны однажды вместе пойти в небо. Служите ему, делайте ему добро, и если кто-то делает вам зло, то просите Бога, чтобы Он простил ему. Вы же любите, любите братьев… Помните о том, что святой Бог — это ваш Отец… Живите как дети Божьи, чтобы в день встречи вы могли с радостью посмотреть Ему в глаза!

После заключительной молитвы Джон Баньян сошел с кафедры, чтобы никогда больше не встать за нее. Он возвратился в четырехэтажный дом Джона Страдвика под высокой двускатной крышей и лег в постель.

***

Простуда, охватившая его тело, перешла в сильную горячку, которая продолжалась десять дней.

Глава 35

Через реку

Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный...
2 Тим. 4:6-8

Тишина вечерних сумерек в пятницу 31 августа 1688 года была прервана короткой, сильной грозой. Ночь необычайно жаркая, двери и окна помещения, где лежит Джон Баньян, широко открыты, но ему все равно не хватает воздуха.

Его руки бессильно лежат на одеяле, а у его постели стоят Джон Страдвик, купец, и Джордж Кокейн, пастор церкви на Ред-Кросс-стрит. Некоторые другие друзья Баньяна, такие как Чарльз Деу, гребенщик из Саузворка, всю ночь пробыли в доме, вот-вот должен подойти мистер Гэммон. Сэр Джон Шортер прийти не смог, несмотря на то, что он живет в трех минутах ходьбы отсюда. За день до этого он упал с лошади.

Над домом Джона Страдвика распростерлась бы мрачная тишина ангела смерти, если бы перед глазами собравшихся не было бы прекрасного видения неба — и вся темнота исчезает. Хотя взоры бодрствующих печальны, их сердца наполнены святой радостью, ведь здесь не жало смерти, а победа Христа!

Джон Баньян тихо ожидает зова: «Учитель зовет тебя!» Он хочет, как «Христиана» в «Путешествии пилигрима», смело и без страха вступить в реку, через которую нет моста. Но его время еще не пришло, так как он должен (как однажды «Христиана») всем окружающим, а также и всем, которые не могут быть здесь, сказать «до свидания», ведь его мужественная жена Элизабет и дети остались в Бедфорде.

Джон Баньян обращаясь к своему другу Джорджу Кокейну просит его написать предисловие к книге «Приятная жертва», которую ему так и не довелось увидеть напечатанной. Затем они снова говорят о необходимости иметь перед Богом сокрушенное сердце и о сюжете последней книги Баньяна.

— К сожалению, брат Кокейн, — говорит Баньян, — люди слишком высокомерны, горды, грубы и себялюбивы, они настойчиво стремятся идти путем своей погибели. Ничего не может удержать их от своих собственных намерений или помешать им разрушать свою драгоценную бессмертную душу — если только не сокрушится их сердце.

Мысль о множестве погибающих душ вызывает у него, при его физической слабости, горькие слезы.

— О да, брат Баньян, это, к сожалению, слишком верно! — отвечает Кокейн. — Но не печалься так сильно. Грех всегда коварен и ожесточает каждого, кто отдается ему. Каждое человеческое сердце несет в себе определенную естественную жестокость, и только через Евангелие оно немного смягчается. Но, если человек вновь отвернется от благой вести, то вскоре снова неминуемо вернется к своей природной жестокости. Сердце подобно воску и глине.

Рассуждения прерываются Чарльзом Деу, который подходит к кровати и склоняется над умирающим. Гладя его руку он сквозь рыдания произносит:

— Брат Баньян, брат Баньян... Меня очень заинтересовал разговор о твоей последней книге, я хочу прочитать ее. До сих пор я думал, что «Спасенный по благодати» — самая лучшая книга (кроме Библии, конечно), которую я когда-либо читал. Но, дорогой брат, я могу уверить тебя, что во всех твоих книгах я нашел много утешения.

Разговор утомил Баньяна, который чувствовал приближение смерти. Поэтому все присутствующие отступают вглубь комнаты в ожидании того, что скоро обязательно должно произойти: их любимый друг будет взят от них. Только Джордж Кокейн нежно пожимает его руку, а Джон Страдвик осторожно держит другую, стоя на коленях перед кроватью.

Небо посветлело, и сияющие лучи солнца освещают помещение, купая бледное, усталое лицо умирающего в своем тепле. Он знаками просит не затемнять окно. Возможно он видит в лучах солнца отражение небесного света, которому он идет навстречу, и людей в блистающих одеждах, которые ожидают его, чтобы встретить его. Возможно он видит и «трубачей в сверкающих белых одеждах, которые своими светлыми и мелодичными звуками наполняют небо». Ворота широко открыты, чтобы впустить его. Он слышит небесный хор, поющий: «Свят, свят, свят Господь», и «желает сам быть среди них».

Джон Баньян еще раз просыпается от своего короткого сладкого сна. Он смотрит на всех друзей, которые подходят поближе и склоняются на колени вокруг его кровати. Они спрашивают, что могут сделать для него, но он мягко и едва слышно говорит:

— Братья, я желаю только одного — быть со Христом, это намного лучше.

Баньян освобождает свои руки из рук тех, которые с любовью держат его, как будто поднимая последний якорь, который держит его на земле. Затем он выпрямляется на подушке, и его седые локоны мягко падают на лицо. Его светло-синие глаза сияют в солнечном свете, щеки еще раз принимают обычную розовую окраску, и с протянутыми вверх руками он восклицает голосом победителя:

— Возьми меня, я иду к Тебе!

Так душа Джона Баньяна торжественно оставляет землю.

Глава 36

Банхил-Филдс и Бедфорд

И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними.
Откр. 14:13

В это прекрасное сентябрьское утро на небе ярко сияло солнце. Из дома мистера Страдвика в Сноухилле по направлению к кладбищу Банхил-Филдс в Финсбури медленно и серьезно шествовала группа людей с обнаженными головами. Пять лет назад там был похоронен друг и почитатель Джона Баньяна, доктор Джон Оуэн. Братья, которые по очереди несли гроб, часто останавливались, чтобы поменяться местами, не потому что ноша была слишком тяжелой, но потому что всем хотелось показать свое расположение к умершему. Хотя он и был тяжел, он не являлся для них бременем: любовь облегчала ношу!

Джон Страдвик заказал себе место на лондонском диссидентском кладбище и настоял на том, чтобы его большого друга похоронили там, не подозревая, что уже вскоре — всего через девять лет он и сам будет погребен там же.

Процессия остановилась.

Со всех концов Лондона стекались люди. Вместе с Джорджем Кокейном, мистером Гэммоном, Чарльзом Деу и Джоном Страдвиком они окружили могилу Джона Баньяна. Но среди них не было сэра Джона Шортера — в это самое утро его настигла смерть, и его бренное тело несколькими днями позже было похоронено при Спасской церкви в Саузворке.

Все стояли в глубоком молчании. Слышно было только пение птиц. Затем вперед выступил Джордж Кокейн:

— Братья и сестры, мы все собрались здесь с противоречивыми чувствами. Мы печальны, так как нашего брата Джона Баньяна больше не будет с нами, и в то же время мы радуемся, так как он со Христом, что намного лучше. Но будем помнить о том, что его смерть — для многих большой ущерб и неизреченное горе! Все, кто сопровождал его в последние дни его болезни, знают, с

каким мужеством и терпением он переносил свои страдания. Он лишь снова и снова повторял, что очень хочет отойти к Господу и быть с Ним, видя в своей смерти приобретение, а жизнь — напротив, как утомительную отсрочку предстоящей радости. Когда же он заметил, что его силы иссякают, он внутренне собрался и все урегулировал, насколько это позволили время и его тяжелая болезнь. С христианским терпением и упованием он передал свою душу в руки милосердного Спасителя. Он последовал пилигриму из города «Гибель» в «Новый Иерусалим», хотя его сердце уже давно обитало там, в святом размышлении, постоянно томясь и испытывая жажду по скрытой манне и воде жизни.

Его речь прерывалась глубокими вздохами, но он взял себя в руки и продолжил:

— Мы также знаем, братья и сестры, как он утешал всех, которые плакали о нем, говоря им, чтобы они доверяли Богу и умоляли о милости и прощении своих грехов, и как он рассказывал им о прекрасной мене, когда из забот и печалей этой убогой смертности восхищаешься в вечную жизнь со Христом, где царит мир и невыразимая радость. При этом он излагал им утешающие места Писания, на которые они могут возлагать свою надежду и быть уверенными, что в последний день будут иметь участие в прекрасном воскресении.

Те из нас, которые присутствовали, когда наш возлюбленный брат сделал последний вздох, молились с ним и за него, и никогда, никогда они не забудут его слов, которые он сказал нам у порога смерти: «Не плачьте обо мне, но плачьте о себе, ведь я иду к Отцу Господа Иисуса Христа, Который через посредничество Своего благословенного Сына, примет меня! Он примет меня, хотя я и грешник — и я надеюсь, мы скоро увидимся, чтобы воспеть новую песнь и быть вечно счастливыми.— Это была такая смерть, которой он желал и о которой он постоянно размышлял. Помолимся!..

***

«Четверг, 4 сентября, был проведен с молитвой и в смирении из-за тяжелого удара, который постиг нас в смерти любимого брата Баньяна. Решено также следующий четверг снова провести в молитве и в смирении по этой же причине», — гласит запись в церковной книге Бедфорда.

Верные своему решению, члены церкви Бедфорда 11 сентября 1688 года собрались на торжественно-траурное собрание.

Писарь снова взял в руки перо и добавил: «Решение: Все братья соберутся 18 сентября, чтобы смириться по причине тяжелой руки Божьей над нами…»

И еще одна запись: «18 сентября вся церковь была собрана, чтобы с постом и молитвой смириться перед Богом из-за тяжелого удара, который постиг нас в смерти нашего уважаемого брата Баньяна».

Поистине, как они любили его!

***

«Автор лежащей перед нами проповеди (теперь он пожинает плоды своей работы и служения своему Учителю) по милости Божьей сам на себе испытал превосходство и утешение поистине сокрушенного сердца и смиренного духа. Поэтому то, что здесь написано, это только ‹копия› его собственного сердца…» — написал человек, который 21 сентября 1688 года подписался: «Один из тех, который любит и чтит всех святых, Джордж Кокейн».

Таким образом пастор церкви на Ред-Кросс-стрит сдержал свое обещание и издал книгу своего друга Джона Баньяна, которую тот не успел издать. Предисловие к читателю было его последним литературным трудом, так как «в холодную осеннюю ночь 21 сентября 1691 года в возрасте семидесяти двух лет Джордж Кокейн, бакалавр богословия и видный служитель Евангелия, отошел в вечную радость своего Господа».

Это произведение — «Приятная жертва или Преимущество разбитого сердца», вышедшая у Джорджа Ларкина, является поистине лебединой песней. Ввиду настоятельности, с которой автор обращается в нем к сердцу читателя, Джордж Кокейн говорит в предисловии: «То, что излилось из сердца автора в книгу, пусть опять же изольется из книги в сердца тех, кто будет читать ее. Это желание и молитва издателя».

Глава 37

Гребенщик из Саузворка

... чтобы сделаться споспешниками истине.
3 Иоан. 8

В своем большом горе Элизабет Баньян совершенно позабыла спрятанное завещание, и когда получила служебное письмо от управляющего наследством, там было указано совсем немного, на что она и ее семья могли бы жить. Многие, возможно, извлекали большую прибыль от продажи своих книг — но не Джон Баньян, так как его общее имущество было совсем небольшим. Этот интересный документ гласит:

«Бедфорд: 17 октября 1688 года. Управление наследством умершего Джона Баньяна из указанного города признается за женой умершего, Элизабет Баньян, и Т. Вудвордом из Бедфорда, каменотесом, и В. Никольсом, суконщиком. Общая сумма наследства ниже ста фунтов. Уполномоченный суда. Общая сумма инвентаря: 42 фунта и 19 шиллингов.»

Джон Баньян никогда не стремился к земным богатствам. Известно, что он однажды даже отказался от места работы в городской управе, где у него был бы хороший заработок, а также отклонил предложение одного лондонского купца — устроить одного из его сыновей. Баньян жил так, как проповедовал.

И Элизабет Баньян пришлось самой содержать себя и детей. Она стала продавать книги своего мужа. Ее сын Джон тоже зарабатывал кое-что, и, кроме этого, она плела шнурки. Она дала объявление — вероятно на соответственные запросы — что не знает, как ей напечатать еще не изданные книги мужа.

Это объявление прочитал Чарльз Деу.

Однажды рано утром Чарльз Деу встал, ища Божьих указаний в молитве и изучении Библии. Когда он так размышлял над Словом Божьим, ему становилось все яснее, что он должен сделать для Бога что-то особенное. Но что? Выходя из своей комнаты и направляясь к лестнице, он громко воскликнул: «Да, я хочу сделать что-то для Господа!» Медленно спускаясь вниз он остановился на скрипучей ступеньке. «Да, я буду печатать и продавать книги для Господа!»

Довольный этим решением, он поспешил дальше. Оказавшись внизу, он притопнул ногой, как будто хотел удостовериться, что твердо стоит на ногах, и торжественно провозгласил: «Да, я буду печатать и продавать для Господа книги Джона Баньяна!»

Приняв это решение, Чарльз Деу стал размышлять, как его претворить в жизнь. Он распределил работу между своими рабочими, «так как, — объяснил он в радостном волнении, — я сегодня еду в Бедфорд!» Он сел на лошадь и вскоре уже ехал через Лондонский мост в направлении Хитчина. По пути он размышлял: «Я заеду к Джону Вильсону, а затем и к Авенезеру Чандлеру и расскажу им о своих планах».

Ночной отдых у брата Вильсона ободрил его, и он уже спозаранку попросил отпустить его в Бедфорд.

— Сердечно благодарю тебя за гостеприимство, брат Вильсон, и, прежде всего, за то, что ты одобрил мой проект. Да благословит тебя Бог!

Скоро он уже был в Эльстоу, и его лошадь с опущенными поводьями шла по сельской улице. Во дворе «Красного льва» он оставил лошадь и попросил, чтобы о ней позаботились. Сам же пошел на сельскую площадь, чтобы положить руку на остаток старого креста. Сняв шляпу, он в тихой молитве вспомнил видение молодого лудильщика. Затем он с интересом стал рассматривать здание дома для собраний и колокольню, о которой иногда говорил Баньян. Но он не стал долго задерживаться. Чарльз Деу был человеком дела, и для сентиментальностей у него было мало времени. Сев на лошадь, он мимо домика, в котором когда-то жил Баньян, отправился в Бедфорд, расположенный в миле отсюда.

Проезжая мимо церкви Св. Иоанна он вспомнил о «святом мистере Гиффорде» и о тех женщинах, которые однажды привели лудильщика в дом пастора, где он наконец-то обратился ко Христу. Затем он проехал через мост и по главной улице, после чего повернул на Милл-Лейн. Здесь он печально посмотрел на молитвенный дом, вспоминая голос проповедника, который умолк теперь навсегда. После этого он повернул налево. Справа он увидел церковь Св. Катберта и дом вдовы Баньян. Он осторожно постучал кнутом в дверь, и Элизабет открыла ему.

— Миссис Баньян, Вы еще помните меня? Я Чарльз Деу — гребенщик из Боро в Лондоне! — добавил он для ясности.

— Заходите, мистер Деу, заходите! — пригласила его все еще глубоко печальная женщина.— Я рада, что Вы приехали. Мой бедный муж так часто говорил о Вас… — и она залилась слезами.

Чарльзу Деу трудно было сдержать свои чувства, заходя в дом семьи Баньян. Дочь вдовы, Сара, узнав, кто их гость, сделала реверанс.

— Ах, миссис Баньян, — сердечно сказал Деу, как только смог взять себя в руки, — утешайтесь Господом! Господь, Который берет, Он и дает. Да прославится Его имя! Что я сказал? — Он берет? Нет, миссис Баньян, ваш любимый муж пошел сам, он пошел охотно, ведь его последние слова были: «Возьми меня!»

— Ах, мистер Деу, Вы видели, как мой муж отошел в вечность? Расскажите об этом, я очень прошу Вас, расскажите все о его последних минутах!

И Чарльз Деу подробно все рассказал.

Когда Элизабет немного успокоилась, она показала посетителю дом.

— Это, сэр, его стул, на котором он сидел за столом. Вот кувшин, в котором наша слепая Мэри носила ему суп в эту ужасную тюрьму, а это... но давайте лучше пройдем в гостиную. — Она провела Чарльза Деу по узкому проходу в небольшую комнату. — Посмотрите, мистер Деу, эту каминную решетку Джон сделал сам, — при этом воспоминании Элизабет стала ломать руки. — И вот, посмотрите, сэр, его инициалы «Дж. Б.». Ах, как дорого мне все, что он сделал! Но, мистер Деу, — тихо промолвила плачущая вдова, — звук молота, который доносится из мастерской, где теперь работает сын Джон, постоянно напоминает мне его дорогого отца и то, как тяжело ему приходилось трудиться, зарабатывая насущный хлеб! Простите меня, сэр, но я только недавно стала вдовой, и я просто не могу, я действительно не могу иначе…

— Миссис Баньян, говорите так, как у Вас на душе. Вам легче, когда Вы говорите о нем? Мне это тоже помогает, — сказал приветливый гребенщик.

— Мистер Деу, если Вам мои слезы и мое горе не в тягость, тогда пойдемте со мной.

Сделав несколько шагов по темному коридору они оказались перед дверью. Элизабет Баньян тихо постучала, и затем шепотом, как бы извиняясь, сказала:

— Это привычка, сэр, так как здесь Джон пишет. Это его кабинет.

Чарльз Деу не мог больше сдержать слез, когда увидел, как вдова открыв дверь, тихо сказала:

— Джон, господин из Лондона хочет говорить с тобой… — и она разрыдалась. — Мой бедный, бедный любимый Джон! Почему? Почему ты ушел от нас?.. Но да славится Господь! Да будет Его святая воля! — взяв себя в руки, добавила она твердым голосом.

Чарльз Деу был совершенно не подготовлен к тому, что он здесь увидел: темные полки с книгами, Библия с пряжками, стул, слегка отодвинутый в сторону, как будто его хозяин только что встал, жестяная коробка для перьев, которую Баньян, по словам Элизабет, тоже сделал сам, резной шкафчик — подарок Лорд-Майора из Лондона, футляр для редко используемых в этом доме весов для денег, карманный ножик проповедника и его печать.

— Есть и такие книги, которые еще никогда не были напечатаны, — заявила вдова, кладя руку на стопку рукописей. — Он очень много работал над ними, до последнего, как будто чувствовал, что скоро уйдет от нас, — при этих словах ее голос снова начал дрожать.

— Миссис Баньян, я в июне прочитал Ваше объявление в «Меркуриус Реформатус» Дормана Ньюмана, — сказал Чарльз Деу, наконец осмеливаясь высказать ей свое желание. — И я хочу сказать Вам, что пообещал Богу печатать для Него книги и продавать их! И это должны быть именно книги Джона Баньяна! Разрешите мне напечатать эти рукописи, миссис Баньян. Я заплачу, сколько Вы скажете.

— Я благодарю Вас, мистер Деу. Если уж отдавать их кому-нибудь, то Вам!

— Я хочу их не для себя, — воодушевленно заявил Деу, —, так как верю, что христиане нуждаются в них, и кроме этого, я знаю, что и Бог желает использовать их.

Это великодушное предложение пришлось очень кстати, и рукописи перешли в руки гребенщика из Боро.

Уже вскоре Деу опубликовал каталог произведений, назвав его «The Struggler» (Борец). В нем он назвал причины, почему он

хочет издать произведения Баньяна в виде фолиантов. Позднее он пишет:

«Что касается фолиантов, пришлось много «бороться» (struggle), чтобы издать этот огромный труд. Это произошло бы уже при жизни мистера Баньяна, если бы этому не воспротивился один заинтересованный книготорговец.

Несмотря на многие препятствия, которые я встретил совершая этот труд, мы получили примерно 400 абонементов, в чем я вижу благословение Господа. Тридцать заказов пришло от пасторов, и это еще раз показывает, какое огромное значение имеют работы нашего автора среди народа Божьего. И чтобы не забыть, как все это важно, мы обязаны сохранить эти работы в фолиантах. Причины этого я уже назвал в прошлом выпуске.

Портрет Джона Баньяна — это медная гравюра, вырезанная по рисунку, сделанного с натуры его хорошим другом Лимнером. Кто желает вставить этот портрет в рамку, может купить его отдельно, как и каталог, у книготорговца Маршала.

Письмо написано двумя пасторами: мистером Вильсоном из Хитчина в Хартфордшире и мистером Чандлером, преемником мистера Баньяна в Бедфорде.

У меня было намерение перечислить все места Писания, которые наш автор использовал в своих работах… Это я оставил до более благоприятных времен. Возможно, этот список появится в следующем фолианте. Во всяком случае, я проинформирую читателей заранее.

Так как я, а также некоторые заказчики, в первую очередь пасторы, очень хотели бы, чтобы этот фолиант был снабжен оглавлением, то я почел своей христианской обязанностью сделать эту работу, и не взял за это ни пенни, хотя считаю, что это должны были сделать другие. Но так как я не знал никого, кто был бы готов сделать это, то сделал это сам и причем безвозмездно. Если бы за эту работу пришлось платить книготорговцу, то чтобы не поднимать цену, пришлось бы сократить работы Баньяна на 140 страниц. (Если я ошибаюсь, простите меня.)

Ваш брат во Христе Ч. Д.»

«Оглавление передается мистеру... из... в... Чарльзом Деу и Уильямом Маршалом в связи с любезным абонементом, который содействовал изданию этого сборника. 1691 г.». Так гласят

выходные сведения в некоторых изданиях. В одном же издании написано:

«Этот сборник с оглавлением произведений выдающегося слуги Христова, мистера Джона Баньяна, бывшего проповедника Евангелия и пастора церкви в Бедфорде, передается моему почтенному брату во Христе мистеру Уильяму Уилкинсу, служителю святого Евангелия в Чарде, Сомерсетшир, через Чарльза Деу, в связи с абонементом этой книги. 1692 г.»

Так началось издание первого фолианта произведений Баньяна. Второй фолиант Деу выпустить не успел. Но после его смерти оба фолианта вышли вторым изданием в 1736/37 годах.

Элизабет Баньян напечатанные фолианты увидеть не довелось. Она отошла к Господу весной 1691 года, оставив следующих детей: Джона, Томаса, Иосифа, Элизабет, Сару, и (возможно) еще одну Мэри.

В 1698 году Чарльз Деу напечатал другую, до тех пор неопубликованую книгу Баньяна: «‹Небесный странник или Описание человека, который идет в небо, а также путей, которыми он идет, и дорожных знаков, которых он придерживается, а также некоторые указания, как достигнуть цели›. Лондон, напечатано для Чарльза Деу, гребенщика из Боро, Саузворк, вблизи Лондонского моста, 1698 г.».

Книга начинается с «послания ко всем ленивым и беззаботным людям», которое заканчивается словами: «До свидания! Я хотел бы, чтобы наши души, утешившись, встретились в конце странствия. Дж. Б.». К оглавлению Деу добавил слова:

В этой книжке ты найдешь все это.

Хочешь знать подробности? Читай — послушайся совета!

26 марта 1698 года Чарльз Деу издал каталог с полными названиями шестидесяти произведений Баньяна. Биографы Баньяна многим обязаны Деу, так как некоторые небольшие произведения Баньяна, несомненно, затерялись бы, если бы неутомимый гребенщик не производил свои исследования с такой тщательностью. Его восхищение лудильщиком не знало никаких границ. Баньян, — по словам Деу, — говорил с большим успехом и приводил многих к следованию за Христом. В своем большом рвении он называет Баньяна даже «вторым апостолом Павлом»!

Сам Деу также написал один сборник под названием: «‹Совокупность познаний о деле благодати или Как Дух Божий действует в душах различных людей, и т. д.› ...Издано не для того, чтобы понравиться людям, но для наставления верующих и т.д. Составлено Чарльзом Деу, Лондон. Напечатано для Ч. Деу, гребенщика из Боро, между госпиталем и лондонским мостом, 1700 г.»

В этой книге Деу выражает свою большую благодарность за то, что он получил от Баньяна. Он упоминает также о результате своих стараний печатать и продавать книги последнего. С 1698 по 1700 гг. он продал не менее трех тысяч экземпляров. Сам он издал только фолиант «Произведения мистера Баньяна» и «Небесный путешественник».

Эпилог

О характере Баньяна можно быть только одного мнения: он был поистине апостольским человеком. Кроме него, никто не писал более сильным самобытным английским языком, и его жизнь, как никакая другая, прекрасно показывает характер сильного, настоящего англичанина.

Сэр Ричард Гарнет

Одна страница из книги лудильщика имеет для человечества большее значение, чем все банки Ротшильдов.

Дин Фаррар

За последние два с половиной столетия о Баньяне было написано немало книг. Некоторые из них представляют литературный интерес, другие имеют биографическое значение, и целый ряд из них помогают читателю лучше понять этого человека и его дело.

Многое из богословия Баньяна сегодня поднимаетя на смех, так как считается, что духовную атмосферу следует приспосабливать к измененным обстоятельствам послевоенного мира. Но всё, что говорил и писал Баньян, он основывал на Библии, понимая ее дословно, как ее и сегодня понимают все те, чье сердце и разум преданы истине Евангелия.

Однажды один ученый высмеивал Баньяна, потому что тот не мог читать Библию в подлиннике. В ответ на это лудильщик спросил насмешника, имеет ли тот оригиналы библейских книг. Тому пришлось ответить, что нет, на что Баньян сухо заметил, что он доволен английским изданием Библии, которым пользуется. Этого, возможно, было недостаточно для критика-педанта, но показывало ясную позицию человека, который признавал, что выучил не больше, чем «другие дети бедных родителей». Кроме этого в его реакции проявился здравый человеческий разум лудильщика из Бедфорда.

Библейские познания Баньяна были незаурядными. Он прямо-таки дышал Словом Божьим. Его рассуждения были продиктованы Духом и основывались только на Писании.

Говорят, что он отказывался высказывать свое мнение о тексте, ему самому непонятном. Он считал, что на такую почву, на ко-

торую глупцы бросаются с безрассудными умозрениями, нужно ступать со страхом.

Баньян всегда знал, почему он во что-то верил. Переживания юности показали ему, что споры только наполняют душу горечью. Хотя он и уважал мнения других, но никогда не шел на компромисс. Он мог бы избежать заключения, если бы поступил против своей совести, которая привязывала его к «данной некогда святым» истине, и о которой он верил, что она была открыта ему. Он не мог и не хотел обязывать себя пользоваться Английским молитвенником по той простой причине, что «мог вполне молиться и без него». Но он был далек от того, чтобы осуждать тех, кто придерживался его. Такого же мнения он был и в отношении крещения. Сердечные отношения с Богом были ему важнее, чем символы или порядки, хотя он сам был убежден, что креститься погружением должны только верующие.

Иногда Джону Баньяну вредили доброжелательные экстремисты, воодушевление которых превышало их разум. Это касалось особенно некоторых комментаторов его книг, пытавшихся использовать Баньяна в интересах своих специфических богословских познаний. Баньян был не настолько человеком нонконформистской церкви, чем просто свободным человеком. Он видел сны, он имел видения. Он читал людей, как книги. Он сам был человеком и знал, что в человеке кроется. Он также знал, в чем люди нуждаются, так как знал, что такое грех. Но самое главное — он знал своего Искупителя!

Кто еще, кроме апостола Павла и Джона Баньяна, осмелился назвать себя первым из грешников? Автор послания к Римлянам и автор «Путешествие пилигрима» знали о чудовищности греха. Оба боролись за души ближних, оба были аккредитированными послами Бога небес. Их задачей было — «звать грешников к покаянию, приводить мужчин, женщин и детей из тьмы к свету и от власти сатаны к Богу». И ни Павел, ни Баньян не были непокорны небесному призванию, — ни на дороге в Дамаск, ни на деревенской площади в Эльстоу.

Все пробужденные Духом люди понимают книги Баньяна. Некоторые из них читаются нелегко, но приложенное усилие в любом случае будет вознаграждено. Баньян не оставляет читателю никаких лазеек, нужно внимательно следовать за мыслью автора. Он был не только великим проповедником, но и великим учителем.

От колыбели и до гроба он не был похож на других людей. Он был необыкновенным человеком. Себя он знал лучше, чем знали его другие. Различные писатели пытались убедить своих читателей, что он не был большим грешником, не был из низкого сословия и не был необразованным, он же отвечает, что был именно таким.

Никто не сомневается в его гении, но все, что мы знаем о его отце, это то, что он был трижды женат, жил лудильным ремеслом и был известен как искусный «скалолаз». Директор соседней деревенской школы сообщает: «На заметку: Некий Боньон из Эльстоу в ягодном лесу добрался до вороньего гнезда, в котором нашел трех белых, как молоко, ворон, у которых не было ни одного черного пера».

О его матери известно только, что она, вероятно, была из более зажиточной семьи, чем его отец.

Откуда у Джона Баньяна ученость, если он не учился (см. Ин. 7:15) и — насколько нам известно — не имел образованных предков?

Школа, в которой он учился, готовила его как к служению, так и к писательскому труду. Это была тяжелая школа жизни, которая выжала из него почти все жизненные соки задолго до того, как он закончил бороться. Это была школа страданий. Бог вел его суровой дорогой, чтобы испытать его и покорить Своей воле.

Лудильщик знал, что железо должно пройти сквозь огонь, прежде чем ему можно будет придать правильную форму. Он также знал, что должен перенести не один удар молота Божьего, пока он станет тем, что Бог хочет сделать из него. Звук ударов молота по наковальне звучит в «Преизобилующей благодати», которая повествует, как своевольный молодой человек становится святым Божьим.

С того мгновения, как Баньян смирился, чтобы жить не по своей, но по Божьей воле, началось «Путешествие пилигрима»: нелегкий путь, но Божий, и поэтому — самый лучший.

Многие художники создали превосходные автопортреты. У Баньяна мы также находим эту склонность, возможно, едва замеченную им самим. В картине «достопочтенного мужчины», которая висит на стене в доме «Толкователя», без труда можно узнать миниатюру самого автора, нарисованную с натуры:

«Глаза его были подняты к небу, в руках он держал Книгу книг — Библию, закон истины был написан на его устах. Он стоял спиной к миру, и золотой венец светился над его головой.»

Некоторые из этих слов написаны на цоколе памятника Баньяну в нынешнем Бедфорде — трехметровой фигуры проповедника из бронзы. Там, на углу церкви Св. Петра, бессмертный лудильщик все еще смотрит на людей, как будто хочет раскрыть им истину, ради которой он жил и страдал. Но лучшим памятником Баньяну являются его книги, и повсюду, где христиане любят Слово Божье, можно почувствовать и влияние этого смиренного слуги Божьего.